ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1915

3

3335
им. А. И. ГЕРЦЕНА
Пров. 50

Телеграммы Министра Императорскаго Двора отъ Имени **Государя Императора** и **Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича** Составителю и Издателю Русскаго Архива.

275. Къ исторіи отечественной бюрократіи. Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Сѵнода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія по книгѣ **В. Благовидова**, Казань, 1889 года. **Д. Х.**

296. Письмо **Графа Николая Петровича Шереметева** къ **Алексѣю Ѳеодоровичу Малиновскому** и его отвѣтъ.

299. Расколъ въ Оренбургскомъ краѣ. Историческая записка Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго **Антонія**. Сообщ. **П. Л. Юдинъ**.

328. Потѣшные въ Петербургскомъ и Московскомъ Университетахъ въ исходѣ царствованія Императора **Николая I**. Изъ всеподданнѣйшаго доклада **А. С. Норова**. Сообщ. **К. А. Военскій**.

330. Дѣло Вильгельма **Барона де Бая**.

358. Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго. Историческое повѣствованіе о Кавказѣ.

384. Переписка **кн. Д. И. Долгорукаго**.

17. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году. **Д. Д. Языкова**. Листъ второй.

Внутри обложки. О книгахъ: «Старина и Новизна» кн. XIX, П. Б. (младшій). И. Симоновъ. Педагогическій сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ. Библіологическій сборникъ. Памяти П. Д. Паренсова. Указатель именной и предметный къ труду А. В. Горскаго и К. И. Невоструева. Составилъ Е. М. Витошинскій. В. З. Завитневичъ. Банкротство началъ германской культуры и идеалъ русской цивилизаціи.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1915.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память **Императора Александра III.** Книга девятнадцатая, съ портретомъ Великихъ Князей Николая, Александра, Владиміра и Алексѣя Александровичей, 330 стр., съ указателемъ именъ личныхъ и названій географическихъ.

Вышедшая книга, Старины и Новизны, полна значительности. Лишній разъ подтверждается мнѣніе Карамзина, что Исторія служитъ для правителей и законодателей какъ бы чертежами морей, руководствуясь коими они могутъ благополучно вести корабль государственный по волнамъ политической стихіи. Заставить голосъ прошлаго вѣщать о мимоидущей дѣйствительности большое искусство, и слѣдуетъ признать, что разсматриваемая книга плодъ такового.

Письма А. Н. Карамзина къ матери отличаются тѣмъ же добродушнымъ благородствомъ слога, какъ и напечатанныя въ семнадцатой книгѣ сборника. Воспоминанія кн. Дондукова-Корсакова о компаніи 1855 года въ Азіатской Турціи чрезвычайно любопытны, особенно въ виду славныхъ событій и днесь тамъ совершающихся. Ярко возстаетъ образъ Графа Н. Н. Муравьева (Карскаго), коего доблести утѣшали современниковъ въ уронѣ, понесенномъ подъ Севастополемъ. „Почтительное приношеніе памяти создателя сближенія Франко-Русскаго“ Барона де Бай извлечено изъ IX-ой книжки Русскаго Архива 1914 г. (Размышленія Француза въ его второмъ Отечествѣ). Замѣтка въ дополненіе къ статьѣ Барона де Бай повѣствуетъ о самомъ зарожденіи Франко-Русскаго союза вечеромъ въ Петергофскомъ Монплезирѣ, когда Императоръ Александръ III принималъ у дворца депутацію Французскихъ моряковъ съ адмираломъ Жерве (Gervai) во главѣ. Замѣтка эта полна такой силой и теплотой чувства и такимъ проникновеніемъ въ исторію, какія даны въ удѣлъ немногимъ. Величавый Образъ Царя Миротворца сквозитъ и вѣетъ въ каждой строкѣ.

Дневникъ Сестренцевича, веденный имъ со тщательною щепетильностью, живописуетъ многія своеобразныя черты придворной жизни Павловскаго времени и тогдашняго управленія уніатской церкви.

Письмо А. Н. Муравьева къ Погодину и записки о преосвященномъ Иннокентіи архіепископѣ Камчатскомъ показываютъ воочію, какъ болѣлъ Андрей Николаевичъ о нуждахъ Православія; любопытно сравнить письмо къ Погодину съ напечатанной въ сей книжкѣ Русскаго Архива статьей Д. Х. „Къ Исторіи отечественной бюрократіи.“ О письмахъ Ѳ. И. Тютчева къ супругѣ нѣтъ нужды говорить: все, что выходитъ изъ подъ пера генія, должно быть лишь изучаемо и освѣщаемо, а не обсуждаемо.

П. Б. (младшій).

Миссіонеръ - священникъ о. І. ПЕТРОВЪ. Бесѣда сельскаго священника со своими прихожанами въ день памяти св. блажен. Василія Московскаго чудотворца, 2 Августа. Тобольскъ. 1914. Стр. 16+рисунокъ. Ц 12 к.—**Переселенцы въ плѣну у шинкарей.** Оттискъ изъ № 24 Тобольск. Епарх. вѣдомостей 1913 года. Ц. не означена.—**Изъ міра ислама.** Оттискъ изъ №№ 14, 20 и 29 Тобольскаго Церковнаго Листка 1913 года. Стр. 5. Ц. не озн.—**Изъ міра ислама.** Оттискъ изъ № 21—23

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ удостоился получить слѣдующую телеграмму отъ Министра Императорскаго Двора:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣть соизволилъ благодарить Васъ и составъ редакціи Русскаго Архива за принесенныя въ Вашей телеграммѣ поздравленія.

Министръ Императорскаго Двора

Графъ Фредериксъ.

Означенная депеша получена въ отвѣтъ на слѣдующую посланную изъ Русскаго Архива:

Царское Село Министру Императорскаго Двора.

Усерднѣйше прошу Ваше Сіятельство повергнуть къ СВЯЩЕННЫМЪ СТОПАМЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА нижеслѣдующую телеграмму:

ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ!

Взысканный щедротами ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и ДЕРЖАВНЫХЪ ПРЕДКОВЪ ВАШИХЪ Русскій Архивъ дерзаетъ повергнуть къ СВЯЩЕННЫМЪ СТОПАМЪ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподданническія поздравленія со взятіемъ Перемышля, открывающимъ новую страницу въ исторіи Славянства

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрный подданный Составитель и издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Юрьевичъ Бартеневъ былъ осчастливленъ депешей изъ ставки ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО:

Очень тронутъ и сердечно благодарю Русскій Архивъ за поздравленія со взятіемъ Перемышля.

Генералъ-Адъютантъ

Николай.

Означенная телеграмма получена въ отвѣтъ на слѣдующую отправленную изъ Русскаго Архива:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ. Русскій Архивъ пятидесятитрехлѣтнимъ существованіемъ своимъ засвидѣтельствовавшій неколебимую преданность ПРЕСТОЛУ и РОССІИ, а также не мало послужившій дѣлу Славянства, дерзаетъ днесь принести къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА горячія поздравленія со взятіемъ Перемышля, столь знаменательнымъ въ лѣтописяхъ освобожденія Славянъ отъ вражескаго ига.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
вѣрнопреданный Составитель и издатель Русскаго Архива
Петръ Бартеневъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ)

1915-го года.

(Годъ изданія 53-й).

Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива, каждый отъ 130 до 160 страницъ, въ общемъ составятъ три книги, до 600 страницъ каждая, съ отдѣльными счетомъ страницъ, оглавленіями и общими, за весь годъ, указателями: 1) личныхъ именъ и 2) книгъ, помянутыхъ въ библіографическомъ отдѣлѣ Русскаго Архива.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1915 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива, на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., д. № 3, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть принесена немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжекъ Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по 2 р.—См. далѣе:

За 1913 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

П. И. Бартеневъ, Рѣчь Славянскимъ представителямъ въ 1867 году;—Министръ Нар. Просв. Н. П. Боголѣповъ, Страница изъ жизни Московскаго Университета (воспоминанія 1894 года);—Письмо кн. Вяземскаго къ Пушкину;—Письмо профессора Ключевскаго къ Графу С. Д. Шереметеву;—Письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщ. А. А. Милорадовичъ;—Описаніе перстня царя Михаила Ѳеодоровича, сообщ. Г. С. Ш.;—Графъ П. С. Шереметевъ. О русскихъ художественныхъ промыслахъ;—Переписка Невѣровскаго, (сообщ. Баронессой Клейстъ);—Л. М. Савеловъ, Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ;—Академикъ А. И. Соболевскій, Земщина и казаки при избраніи на царство М. Ѳ. Романова;—Переписка Н. Д. Игнатьева, посла въ Константинополѣ, съ А. И. Карцевымъ, генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ;—Записки сенатора И. В. Лопухина;—Письма фельдмаршала князя Витгенштейна за 1813 годъ;—Переписка Н. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о „Земскомъ Соборѣ“;—Декабристъ князь Голицынъ въ Астрахани, статья П. Юдина;—Письма Кристина и Княжны Туркестановой;—Письмо Н. Кавелина къ Н. А. Елагину, (сообщ. М. Беэръ).—Записки Леонтьева;—Письмо архимандрита Фотія къ лэди Портеръ;—Е. Лермонтова, Письма Малороссійскихъ Гетмановъ Ивана Самойловича и Ивана Мазепы; А. Ѳ. Кони, Къ исторіи Московскаго Университета и др.

За 1914 годъ въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны, между прочими, слѣдующія статьи и сообщенія:

Письма властителей Сербіи къ М. Г. Черняеву, сообщ. А. М. Черняевой.—Планъ завоеванія Турціи, составленный Суворовымъ въ 1795 году.—Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, воспоминанія Г. С. Ш.—Записи Митрополита Филарета на календарѣ. Сообщ. П. Н. Каптеревымъ.—Заботы Митрополита Филарета о Московской Духовной семинаріи. Статья Н. И. Кедрова.—Переписка начальника Пекинской духовной миссіи, архимандрита Палладія съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ. Сообщ. В. Крыжановскій.—Памяти А. П. Барсукова, статья Гр. П. С. Шереметева.—Описаніе рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій, собранныхъ В. М. Остроглазовымъ.—Княжна Туркестанова, фрейлина Высочайшаго Двора; монографія кн. Е. Ф. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.—Правдивая исторія женщины, которую считали очень лживой, Е. Вадковской, рожд. гр. Чернышевой; сообщ. А. А. Плещеевымъ.—Изъ переписки гр. Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ о „Войнѣ и Мирѣ“.—Письмо М. Н. Алисова къ супругѣ; сообщ. Гр. Соллогубъ.—Страничка изъ исторіи Смутнаго времени, Царица Марія Петровна Шуйская; сообщ. Л. М. Савеловымъ.—Указы царевенъ Прасковьи Іоанновны и Екатерины Іоанновны управителю ихъ вотчинъ, кн. Кекуатову; сообщ. С. В. Любимовымъ.—Записка о родѣ Арсеньевыхъ; сообщ. В. С. Арсеньевымъ.—Письма кн. Д. И. Долгорукаго къ отцу (1820 г.).—Письмо А. Н. Сѣрова къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ; изъ собранія автографовъ А. А. Милорадовичъ.—Размышленія Француза въ его второмъ Отечествѣ, рѣчь Барона де Бая.—Докторъ Эрнестъ Мука, опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи; статья И. Я. Брюля-Сербина.—„Истинная исторія Карпато-Россовъ, или Угорскихъ русиновъ“, изданная народолюбцемъ Александромъ Духновичемъ; сообщ. Ѳ. Ѳ. Аристовъ.—Бояринъ В. П. Шереметевъ подъ Витебскомъ въ 1654 году; сообщ. И. С. Бѣляевъ.—Католикосъ Іосифъ, кн. Аргутинскій-Долгорукій; статья П. Л. Юдина и др.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., 1/2 стр. 50 р., 1/4 стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., 1/2 стр. 40 р., 1/4 стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартеневъ** (младшій).

1921g
1922
3335
им. Д. И. ГЕРЦЕНА

КЪ ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БЮРОКРАТІИ

Оберъ-Прокуроры Святѣйшаго Сунода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія, по книгѣ В. Благовидова. Казань, 1899 года[1]).

Церковная жизнь въ древней Россіи была такъ тѣсно связана съ жизнью гражданской русскаго народа, что правительство церковное, такъ сказать, дѣйствовало на глазахъ у всѣхъ. Оно не составляло изъ себя таинственной среды, въ которую глазъ современниковъ и исторіи проникаетъ съ трудомъ, и въ которой скрытыя отъ взоровъ теченія проявляютъ себя неудобопонятными внѣшними явленіями, уяснить происхожденіе коихъ не легко для самой ухищренной критики. Петровскія реформы разорвали органическую связь частей народнаго организма, къ числу которыхъ принадлежатъ и органы государственнаго и церковнаго управленія, и съ тѣхъ поръ всѣ они зажили своими отдѣльными жизнями, каждая сама для себя.

Также обособилась и церковная іерархія съ ея новымъ средоточіемъ С. Сунодомъ; а самъ Сунодъ еще обособился отъ іерархіи общеепархіальной и образовалъ такую церковную корпорацію, въ дѣятельности которой главнымъ факторомъ явилась борьба между властью іерархической и властью представителей государства, приставленныхъ къ церковному правительству, сначала въ скромной роли охранителей государственныхъ интересовъ и законовъ отъ возможныхъ нарушеній таковыхъ церковною властью, а затѣмъ постепенно обратившихся въ попечителей о церковномъ благоустроеніи и, наконецъ, въ почти полновластныхъ заправителей благоустрояемой ими Церкви. Эта внутренняя борьба въ Сунодѣ двухъ властей, свѣтской и духовной, разрѣшив-

[1]) Разборъ книги В. Благовидова былъ написанъ еще въ 1904 г., но вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ отпечатанъ на правахъ рукописи. Нынѣ съ любезнаго разрѣшенія Автора, коему считаемъ долгомъ принести глубочайшую благодарность, отзывъ сей печатается на страницахъ Русскаго Архива. П. Б. (младшій).

шаяся за послѣднее время торжествомъ какого-то своеобразнаго гражданскаго клерикализма, была мало извѣстна въ ея исторической послѣдовательности; и едва ли кто изъ людей, даже интересующихся церковными вопросами и исторіей ихъ у насъ, зналъ, какимъ образомъ выработалась настоящая система церковнаго управленія[1]). Очень полной справочной книгой въ этомъ отношеніи является вышедшая недавно[2]) въ свѣтъ (въ Казани) книга г. Благовидова „Оберъ-Прокуроры Святѣйшаго Сѵнода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія". На самомъ заглавномъ листѣ книги выражено весьма ясно, къ какому выводу изъ полуторавѣковой исторіи института оберъ-прокуроровъ авторъ пришелъ. Подъ общимъ заглавіемъ поставлено въ скобкахъ: „Развитіе оберъ-прокурорской власти въ сѵнодальномъ вѣдомствѣ".

Такимъ образомъ *фактъ развитія* этой власти и составляетъ предметъ изслѣдованія г. Благовидова; а слѣдовательно, таковой можетъ почитаться признаннымъ не a posteriori, на основаніи научныхъ изслѣдованій, а сознаннымъ a priori, и обращеннымъ въ предметъ изслѣдованія, какъ явленіе само по себѣ общеизвѣстное. Если же это усиленіе развитія оберъ-прокурорской власти въ сѵнодальномъ вѣдомствѣ фактъ общеизвѣстный, то не менѣе общеизвѣстно должно быть и умаленіе (противоположность развитію) власти іерархической въ Сѵнодѣ: ибо предметъ вѣдѣнія Сѵнода въ его цѣлости неизмѣненъ—Церковь, въ ея внѣшнемъ благоустройствѣ. Если же въ общемъ дѣлѣ участіе одной изъ заправляющихъ сторонъ увеличивается, то ясно, что участіе другой стороны на столько же умаляется. Такимъ образомъ, исторія развитія власти об.-прокурорской въ С. Сѵнодѣ непремѣнно предполагаетъ и исторію умаленія власти Сѵнода іерархическаго. Надо надѣяться, что г. Благовидовъ дастъ намъ со временемъ продолженіе своего труда въ этомъ направленіи. Умаленіе есть, конечно, само по себѣ понятіе отрицательное и, какъ таковое, неудобно укладывается въ форму положительнаго повѣствованія; но результаты умаленія сами по себѣ отлагаются въ формѣ положительныхъ явленій, по преимуществу связанныхъ съ изображеніемъ типовъ исполнителей умаляющейся постепенно роли. Если противоположить исторіи постепенно крупнѣющихъ личностей оберъ-прокуроровъ, начиная съ почти горемычнаго Болтина, а кончая, какъ дѣлаетъ авторъ, абсолютно тріумфаторской личностью гр. Протасова, таковую же первоприсутствую-

---

[1]) Въ средѣ церковниковъ распространено такое, шуточное, конечно, выраженіе: есть два Сѵнода—Святѣйшій и Правительствующій: благословляться надо у перваго, а считаться со вторымъ.

[2]) 1899 г.

щихъ и другихъ членовъ Сѵнода, то исторія развитія современной сѵнодальности получилась бы очень полная и живая.

Когда Петръ создавалъ свой Духовный Коллегіумъ, онъ, видимо, интересовался только однимъ—упразднить личный элементъ въ высшемъ церковномъ управленіи; а что выйдетъ на пользу дѣла отъ новаго коллегіальнаго учрежденія, поставленнаго на мѣсто Патріарха, это его очень мало занимало[1]). Духовный Регламентъ не столько законъ для руководства, сколько оправдательный актъ дѣлаемой реформы церковнаго управленія. Даже самое положеніе Сѵнода въ ряду другихъ правительственныхъ учрежденій было имъ неточно опредѣлено. Сначала Сѵнодъ былъ поставленъ на одну линію съ Коллегіями, а затѣмъ, по представленію его же самого, уравненъ съ Сенатомъ. Такое легкое удовлетвореніе ходатайства Сѵнода Петромъ указываетъ явно на то, что ему нужно было только сломить Патріаршество; а разъ дѣло сдѣлано, торговаться съ Сѵнодомъ о степени его важности—не стоитъ. Пускай онъ себя утѣшаетъ тѣмъ, что онъ важнѣе Коллегіи и равенъ Сенату! Отъ этого уже будетъ ни хуже, ни лучше.

Указомъ 11 Мая 1722 года учреждена была должность оберъ-прокурора въ лицѣ полковника Ивана Васильевича Болтина. Но, несмотря на существенное различіе между аттрибутами Сената и Сѵнода, для него не потрудились даже составить особой инструкціи, давъ лишь дословную копію съ генералъ-прокурорскаго наказа, съ замѣной лишь названій самой должности и того высшаго государственнаго учрежденія, при которомъ ему состоять. Авторъ книги замѣчаетъ тутъ, что роль, какую играли сѵнодальные оберъ-прокуроры въ церковномъ управленіи въ первое время послѣ учрежденія Сѵнода, была далеко не похожа на ту, какую они получили возможность выполнять въ[2]) первой половинѣ настоящаго (XIX) столѣтія. „Въ это время большинство об.-прокуроровъ фактически не располагало сильнымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ церковномъ управленіи... въ первой же половинѣ XIX столѣтія представители личнаго начала стали въ сильно измѣнившіяся отношенія къ Сѵноду“. Постепенное развитіе этихъ измѣняющихся послѣдовательно отношеній авторъ излагаетъ при перечисленіи смѣнявшихся оберъ-прокуроровъ. Болтинъ занималъ должность свою съ 1722 по 1725 годъ. Во все это время онъ почти только спорилъ съ членами

[1]) „Отъ коллегіальнаго управленія нельзя ожидать мятежей, яковые происходятъ отъ единоличнаго собственнаго правителя духовнаго. А когда еще видитъ народъ, что соборное сіе Правительство Монаршимъ Указомъ и Сенатскимъ приговоромъ установлено есть, то и паче пребудетъ въ кротости своей“... Ср. Д. Регл.=Что есть Дух. Коллегіумъ.

[2]) Точнѣе было бы сказать „съ“.

Сѵнода о цифрѣ слѣдующаго имъ жалованья; но, не получая самъ никакого опредѣленнаго жалованья, онъ попалъ въ зависимость отъ Сѵнода, располагавшаго денежными средствами; и наконецъ, вмѣшавшись въ ссору Ѳеофана Прокоповича съ Ѳеодосіемъ Яновскимъ, былъ лишенъ должности, приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь, съ правомъ, впрочемъ, получить тамъ должность, каковую впослѣдствіи и получилъ.

Болтинъ былъ замѣщенъ въ 1725 г. л.-г. капитаномъ Баскаковымъ. Его положеніе хотя и было нѣсколько возвеличено тѣмъ, что онъ являлся единственнымъ посредникомъ между Сѵнодомъ и новоучрежденнымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, тогда какъ при Петрѣ часто сношенія между Государемъ и Сѵнодомъ шли черезъ членовъ Сѵнода самихъ; но и онъ продолжалъ быть въ матеріальной зависимости отъ Сѵнода, ибо опредѣленнаго правительственнаго оклада ему еще не было назначено, а долженъ онъ былъ обращаться къ Синоду съ просьбой о назначеніи и выдачѣ ему содержанія.

Дѣйствительное вліяніе оберъ-прокурорской власти въ области церковнаго управленія было еще такъ слабо и ничтожно, что нѣкоторыя предложенія оберъ-прокурора оставались безъ исполненія не только Сѵнодомъ, но и низшими органами сѵнодальнаго управленія. При такомъ зависимомъ положеніи, об.-прокуроръ не представлялъ для Сѵнода чего-либо особенно стѣснительнаго; и даже наоборотъ: Сѵнодъ видѣлъ въ немъ какъ бы символъ своего собственнаго первенствующаго значенія, и потому, когда указомъ 24 Іюня 1726 года, Екатерина I уничтожила эту должность и назначила на мѣсто Баскакова простого прокурора въ лицѣ Раевскаго, то Сѵнодъ не обратилъ на него вниманія, оставилъ Баскакова продолжать свои об.-прокурорскія функціи, а самъ, въ противность тоже указу, лишавшему его званія „Правительствующаго“, продолжалъ неуклонно титуловать себя таковымъ. Баскаковъ былъ окончательно отставленъ отъ должности только при Аннѣ Ивановнѣ, „за оплошку противъ должности прокурорской“, такъ какъ онъ не протестовалъ сѵнодскаго рѣшенія о необязательности сенатскаго указа, основаннаго на указѣ Петра I.

Съ 1730 по 1740 годъ, *оберъ-прокурорская должность оставалась совершенно не замѣщенной*; и только въ этомъ году, когда въ Сенатѣ возстановлена была должность ген.-прокурора, Сѵнодъ получилъ себѣ новаго оберъ-прокурора (но уже зависимаго отъ сенатскаго ген.-прокурора), въ лицѣ генералъ-провіантмейстера Кречетникова. Ему однако не суждено было вступить въ должность, такъ какъ государственный переворотъ, свергнувшій Бирона, уничтожилъ и утвержденный имъ

законъ о преобразованіи прокуратуры; и только съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, возстановлена была прокуратура вообще и оберъ-прокурорская должность въ Сѵнодѣ, въ лицѣ князя Я. П. Шаховскаго, избраннаго на оную ген.-прокуроромъ княземъ Трубецкимъ. Это назначеніе, по мнѣнію г. Благовидова, знаменуетъ начало второго періода въ исторіи оберъ-прокурорства.

Хотя съ назначеніемъ князя Шаховскаго, высшій органъ церковнаго управленія по прежнему еще обнаруживалъ явное стремленіе парализовать фактическое вліяніе об.-прокурорской власти на ходъ дѣлъ; но въ отношеніяхъ Шаховскаго къ коллегіальному церковному учрежденію замѣтны новыя черты, не имѣвшія мѣста въ предшествовавшее время. Возстановленная въ лицѣ кн. Шаховскаго должность подпала не на долго зависимости отъ генералъ-прокурора Сената, сдѣлавшаго даже распоряженіе о томъ, чтобы сѵнодальный об.-прокуроръ представлялъ доклады не Государынѣ, а ему ген.-прокурору. Но Шаховской сумѣлъ пріобрѣсти личное расположеніе Елисаветы, и она велѣла ему непосредственно докладывать ей по дѣламъ сѵнодальнымъ и получать отъ нея указы и словесныя распоряженія. Съ того времени, замѣчаетъ Шаховской, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, „рѣдко недѣля проходила безъ того, чтобъ я не имѣлъ счастія являться къ Государынѣ для личныхъ докладовъ“. Хотя появленіе его въ Сѵнодѣ встрѣчено было членами онаго благосклонно, тѣмъ не менѣе вскорѣ начались между княземъ Шаховскимъ и ими большіе споры и несогласія, „къ чему онъ поучаться и пріуготовляться всеприлежно тщиться началъ“. Единовременно съ этимъ, онъ однако убѣдился, что борьба ему не совсѣмъ по силамъ такъ какъ „существующія въ Сѵнодѣ духовныя особы превосходятъ его разумомъ и краснорѣчивымъ о своихъ дѣлахъ толкованіемъ“ [1]). Кромѣ того и личное сношеніе многихъ изъ нихъ съ самой Государыней (по старинному преданной Церкви и радѣвшей о ней) и съ графомъ А. К. Разумовскимъ дѣлало борьбу съ ними очень трудной. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ самой усердной работы и при неукоснительномъ стараніи вліять на всѣ отрасли церковной жизни, не только хозяйственныя, но и чисто церковно-административныя, князь Шаховской пришелъ къ заклю-

[1]) Такое признаніе несомнѣнно умнаго человѣка не говоритъ ли въ пользу того, что сравнительно свободно составлявшійся Сѵнодъ состоялъ дѣйствительно въ лицѣ своихъ членовъ довольно высоко. При многолѣтнемъ отсутствіи прокурорскаго надзора, надо думать, что пополненіе сѵнодальнаго присутствія дѣлалось болѣе или менѣе путемъ самовосполненія. Нельзя никакъ сочувствовать таковому порядку; но несомнѣнно, что есть другой способъ восполненія, который еще хуже этого.

ченію, что Сѵнодъ не придаетъ особо важнаго значенія его обширнымъ правамъ и полномочіямъ и весьма мало ими стѣсняется. „Чтобы дѣла въ Сѵнодѣ въ надлежащее состояніе привести, возможности моей нѣтъ“, писалъ князь Шаховской Императрицѣ 15-го Іюня 1745 года. Но Государыня не имѣла видимо желанія усилить вліяніе своего представителя въ Сѵнодѣ, а наоборотъ все болѣе высказывала свое довѣріе и расположеніе самому Сѵноду, возвративъ ему даже управленіе всѣми церковными имуществами, подчиненными дотолѣ Сенату чрезъ Коллегію Экономіи. Въ достиженіи сего Сѵноду содѣйствовалъ самъ Шаховской, вѣроятно, потому, что подчиненіе Сѵноду всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ, по управленію церковными имуществами должно было увеличить и кругъ дѣятельности самого об.-прокурора. Но именно эта самая передача экономическихъ дѣлъ въ вѣдѣніе Сѵнода послужила источникомъ новыхъ столкновеній между Сѵнодомъ и об.-прокуроромъ, вызвавшихъ, наконецъ, любопытный инцидентъ *оставленія об.-прокурора Сѵнодомъ безъ жалованія въ теченіе почти года.* Это дѣло интересно тѣмъ, что обнаруживаетъ настоящій взглядъ Елисаветы на роль своего представителя въ Сѵнодѣ. Она видимо не считала себя абсолютно солидарной съ одной лишь стороной въ этомъ конфликтѣ, и даже какъ бы хотѣла оттѣнить, что не придаетъ излишняго значенія роли прокурора, которую кн. Шаховской усиленно старался раздувать. Такое же воззрѣніе выразила она по дѣлу о судѣ надъ однимъ архимандритомъ, кончившемся тѣмъ, что она велѣла сдѣлать строгое замѣчаніе об.-прокурору чрезъ генералъ-прокурора, добавивъ, что слѣдуетъ строго наказывать тѣхъ, „кто тайности изъ Сѵнода выноситъ“. Борьба Сѵнода съ княземъ Шаховскимъ иногда обострялась до того, что сѵнодальные члены колѣнопреклоненно умоляли Императрицу избавить ихъ отъ назойливаго оберъ-прокурора; и хотя кн. Шаховской не былъ удаленъ, но все таки ему не удалось добиться—ни настоящаго вліянія на ходъ дѣлъ, ни даже того, чтобы быть единственнымъ посредникомъ между верховной властью и Сѵнодомъ. Въ 1735 году кн. Шаховской былъ переведенъ на должность генералъ кригсъ-коммиссара.

Его преемники, въ теченіе царствованія Императрицы Елисаветы, хотѣли идти по его стопамъ; но ни Львовъ[1]), ни князь Козловскій

[1]) Въ прокурорство Львова, а именно въ 1754 году, былъ объявленъ Сѵноду указъ объ обязательномъ назначеніи в Велико-Россіянъ на каѳедры архіерейскія и архимандритскія. Впервые такое же распоряженіе было сдѣлано Анной Ивановной, но видимо силы малороссійской партіи были такъ велики, что только послѣ вторичнаго Высочайшаго повелѣнія уничтожился понемногу обычай, который имѣлъ такое важное вліяніе на судьбы нашей церкви, введеніемъ въ ученіе оной западныхъ понятій, свойственныхъ лицамъ, выходившимъ изъ школъ, пропитанныхъ латино-протестантскимъ духомъ.

не сумѣли удержать въ своихъ рукахъ то фактическое вліяніе, которое пріобрѣлъ князь Шаховской своей энергіей и настойчивостью. Львова одинъ изъ членовъ Сѵнода, епископъ переяславльскій Амвросій, офиціальной запиской обвинялъ въ томъ, что онъ „по своему лакомству“, ожидалъ отъ него взятокъ, при чемъ перечислялъ рядъ взятокъ его съ разныхъ монастырей его епархіи; и Сѵнодъ подалъ по этому поводу на Высочайшее имя докладъ.

Львовъ былъ уволенъ, и на его мѣсто поручено было Сенату представить четырехъ кандидатовъ. Сѵнодъ хотѣлъ было провести и своего кандидата, но это ему не удалось: назначенъ былъ премьеръ маіоръ л.-гвардіи, князь Козловскій. Пока царствовала Елисавета, отношенія между Сѵнодомъ и гражданскою властью не измѣнялись. Въ 1760-мъ году назначенный генералъ-прокуроромъ, князь Шаховской началъ было опять вмѣшиваться въ церковныя дѣла, памятуя свое прежнее положеніе об.-прокурора, и желая вѣроятно своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Сѵнода достигнуть распространенія своей власти и на дѣятельность оберъ-прокурора, какъ того хотѣлъ бывшій генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, когда онъ назначалъ самого князя Шаховского на эту должность. Но это обстоятельство имѣло болѣе между-чиновничье значеніе; а Сѵнодъ самъ не почувствовалъ на себѣ никакихъ отъ сего послѣдствій. Елисавета была слишкомъ русскій человѣкъ, чтобы относиться подозрительно къ церковному управленію. Ее, пропитанную понятіями старинными, не могли пугать страхи передъ силой клерикализма, сочиненнаго у насъ воображеніемъ по западному преобразовавшагося правительства; и только ея преемникамъ опять представилось необходимымъ систематически обуздывать Церковь, обезсиливая ее въ матеріальномъ отношеніи, подчиняя все болѣе правительственному контролю, и наконецъ постепенно обращая ея представителей въ государственныхъ чиновниковъ, каковыми ихъ впервые обозвала Екатерина, а въ таковомъ званіи окончательно закрѣпилъ Павелъ I, въ этомъ единственномъ отношеніи, къ удивленію, явившись ея продолжателемъ. Князь Козловскій оставался оберъ-прокуроромъ при Петрѣ III и былъ свидѣтелемъ отнятія церковныхъ имуществъ Петромъ, временнаго возвращенія ихъ Екатериной и участникомъ въ ея мѣропріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью замаскировать окончательное отнятіе этихъ имуществъ согласіемъ и даже просьбой самихъ представителей Церкви. Отнятіе у Церкви имуществъ, кромѣ фискальной цѣли, имѣло, конечно, еще болѣе цѣлью отнятіе у церковнаго правительства всякой тѣни независимости, и дѣйствительно съ самаго начала своего царствованія Екатерина заявила офиціально, что

Сунодъ „Нашъ“: „Нашему Суноду“[1]), такъ обращалась она къ нему. Члены его „государственныя особы“; и какъ особы эти, такъ и всѣ церковныя учрежденія, были переведены ею на казенное содержаніе, тогда какъ доселѣ они получали таковое изъ церковныхъ средствъ, лишь контролируемыхъ государственною властью.

Для проведенія екатерининскихъ мѣропріятій князь Козловскій оказался недостаточно энергичнымъ, и его замѣстилъ въ 1763 г. бывшій директоръ московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино, личность, по словамъ автора разсматриваемой нами книги, вполнѣ раздѣлявшая воззрѣнія на религію и церковь, господствовавшія въ передовой части современнаго Екатеринѣ общества. Каковы были воззрѣнія этого новаго представителя Высочайшей власти въ Сунодѣ, пользовавшагося и непосредственнымъ благоволеніемъ Императрицы, видно изъ его предложенія Суноду, по поводу предстоящаго избранія таковымъ депутата въ комиссію объ уложеніи, въ 1767 году. При этомъ предложеніи приложены были пункты въ формѣ вопросовъ, но составленные такъ, что вопросная форма, видимо, выражала и желательные на оные отвѣты. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ: „Не слѣдуетъ ли предоставить совершенную свободу вѣроисповѣданія иностранцамъ, приглашаемымъ правительствомъ?“—„Не слѣдуетъ ли предоставить раскольникамъ публично совершать свое богослуженіе и имѣть собственное духовенство?“—„Не слѣдуетъ ли въ „разсужденіи Св. Писанія“ позаботиться объ ослабленіи и сокращеніи православныхъ постовъ?“—„Не слѣдуетъ ли очистить Церковь отъ суевѣрія и всѣхъ притворныхъ чудесъ?“—„Не слѣдуетъ ли запретить ношеніе по домамъ церковныхъ иконъ?“[2])—„Нельзя ли чего убавить изъ продолжительныхъ церковныхъ обрядовъ и отмѣнить многіе праздничные дни?“ Приводя слова Евангелія о неумѣстности языческаго многословія въ христіанскихъ молитвахъ и отмѣчая введеніе въ наше богослуженіе множества стихиръ, тропарей и каноновъ, не имѣвшихъ мѣста въ первенствующей церкви, предлагается обсудить вопросъ: „не полезнѣе ли будетъ вмѣсто всенощенъ и вечерень установить чтеніе краткихъ молитвъ, съ обязательнымъ поученіемъ народа?“—„Не слѣдуетъ ли, по примѣру первенствующей церкви, дозволить и епископамъ съ законными женами сожитіе имѣть?“—„Не слѣдуетъ ли разрѣшить духовенству ношеніе болѣе приличнаго платья?“—„Не благоразумнѣе ли будетъ совершенно отмѣнить обычай поминовенія усопшихъ, имѣющаго цѣлью оказать извѣстное вліяніе

[1]) Такъ обращалась къ Суноду и Анна Ивановна. Ср. Полное Собр. Пост., и т. д. Св. Сунода.

[2]) Такое запрещеніе было нѣкогда издано Петромъ I.

на ихъ загробную жизнь; такъ какъ подобный обычай даетъ только лишній поводъ духовенству къ вымогательству?"—„Не слѣдуетъ ли наконецъ ослабить строгость закона о незаключеніи браковъ въ близкомъ родствѣ и свойствѣ, установить причины для законнаго развода, кромѣ прелюбодѣйнаго случая; и не воспрещать послѣ третьяго брака вступать снова въ бракъ?" Но и Мелиссино, съ своимъ либеральнымъ воззрѣніемъ, не вполнѣ выражалъ собою то направленіе, которое желала проявлять Екатерина въ отношеніяхъ къ Сѵноду.

Мелиссино былъ замѣненъ въ 1768 году бригадиромъ Петр. Петр. Чебышевымъ, не стѣснявшимся публично заявлять о своемъ атеистическомъ образѣ мыслей (Фонъ-Визинъ, изд. 1866 г., стр. 550), и въ отношеніи къ членамъ Сѵнода допускавшимъ такую грубость и несдержанность, что свое неудовольствіе ихъ рѣшеніями сопровождалъ онъ „чуть слышно" (а все-таки слышно) „гнилымъ словомъ". Назначеніе такихъ лицъ на оберъ-прокурорскую должность, конечно, не могло быть случайнымъ. Но если Императрица и хотѣла этимъ намекнуть на свое собственное свободомысліе, для внушенія сѵнодальнымъ членамъ, тѣмъ не менѣе она вовсе не стремилась усилить личную власть оберъ-прокурора и нерѣдко сносилась съ Сѵнодомъ помимо его, и даже часто принимала сторону сѵнодальныхъ членовъ противъ своего же представителя.

Чебышевъ былъ устраненъ отъ должности въ 1774 году за денежные непорядки и замѣненъ стат. сов. Акчуринымъ. Акчуринъ игралъ совершенно пассивную роль въ теченіе двѣнадцати лѣтъ своего оберъ-прокурорства и старался только угождать сѵнодальнымъ членамъ, пользовавшимся благосклонностью Императрицы. Онъ былъ угодливъ и низкопоклоненъ передъ ними, за что, по ходатайству митрополитовъ Гавріила и Платона, получалъ солидныя награды.

Его преемникъ Наумовъ не внесъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ роль оберъ-прокурора. Въ своихъ отношеніяхъ къ Сѵноду онъ былъ непритязателенъ, а въ отношеніи къ гражданской власти не превозносилъ себя, а, наприм., относился къ генералъ-прокурору, какъ лицо іерархически подчиненное, „рапортами".

Въ 1791 году онъ былъ замѣненъ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Вліятельное положеніе сѵнодальныхъ членовъ при Дворѣ дѣлало то, что дѣловитому человѣку, какимъ былъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, не представлялось выгоднымъ вступать съ ними въ столкновенія, въ которыхъ Высочайшая власть не всегда поддерживала своего представителя. Екатерина, сломившая послѣдніе

устои церковной независимости отнятіемъ имуществъ и объявившая іерарховъ „государственными особами“, не находила нужнымъ стѣснять Сѵнодъ въ чисто-церковныхъ вопросахъ. Посему графъ Мусинъ-Пушкинъ обратилъ лишь особое вниманіе на усиленіе своей роли въ отношеніи канцелярскомъ; иначе сказать, онъ первый началъ забирать въ руки дѣлопроизводство Сѵнода и такимъ образомъ подготовилъ позднѣйшій переходъ всей внѣшней дѣятельности высшаго церковнаго управленія въ руки своихъ преемниковъ.

Павелъ Петровичъ смѣнилъ его въ 1797 году и замѣстилъ княземъ Хованскимъ, который пошелъ неуклонно по стопамъ своего предшественника, такъ что значеніе оберъ-прокурора и при немъ нисколько не умалилось, хотя Императоръ самъ не только не старался объ увеличеніи значенія прокуратуры, но напротивъ того, очень выдвигалъ самихъ сѵнодальныхъ членовъ и особенно первенствующаго члена, митрополита Амвросія. Но чѣмъ менѣе сами государи стремились къ подавленію іерархическаго элемента въ дѣлахъ церковной администраціи, тѣмъ болѣе насажденное ими же свѣтско-канцелярское начало „само о себѣ заботилось“ и старалось всячески увеличивать свое участіе въ дѣлахъ церковной администраціи, незамѣтно и постепенно все болѣе и болѣе вплетаясь во всѣ дѣла, сначала центральнаго управленія, потомъ епархіальнаго, при посредствѣ секретарей консисторій и такимъ образомъ незримо и, можетъ быть, для самого себя безсознательно ростя и развиваясь, вслѣдствіе внутренняго процесса развитія бюрократическаго начала, которое, разъ посаженное въ благопріятную почву, развивается и старается все оплесть своими многочисленными вѣтвями и корнями. Въ сѵнодальномъ устройствѣ была дана самая благопріятная почва для развитія бюрократизма, благодаря тому, что онъ выражался въ единоличномъ дѣятелѣ, противупоставленномъ коллективному учрежденію. Борьба между такими факторами непремѣнно должна кончиться побѣдой начала личнаго. Опасаясь личнаго начала въ іерархическомъ строѣ церкви, Петръ Великій устранилъ его и замѣнилъ его безвольнымъ, безличнымъ началомъ коллегіальности; но, вѣроятно, ни онъ, ни его преемники не имѣли сознательной цѣли замѣнить одну форму единоличности другой въ управленіи Церковью. Они довольствовались обезличеніемъ, въ виду западнаго представленія объ опасности Церкви для Государства, особенно если ею владѣетъ честолюбивый и властолюбивый іерархъ (Никонъ, напр.)[1]). Но эта цѣль вполнѣ достигалась учрежденіемъ Сѵнода. Приставленный къ

[1]) Ср. Дух. Регламентъ, часть первая.

нему, по общему петровскому шаблону оберъ-прокуроръ назначался лишь для наблюдательныхъ функцій, и ему вовсе не предполагалось дать активной власти. Эта власть сама по себѣ, безъ всякаго вчинательнаго участія въ этомъ Государей, перешла къ об.-прокурору, ибо иначе и быть не могло: администрація такое дѣло, которое требуетъ личной иниціативы; она основана на началѣ личномъ. Единственный представитель начала личнаго, безотносительно къ вопросу о томъ, кого оно представляетъ, явился оберъ-прокуроръ: и вотъ уже черезъ 80 лѣтъ послѣ основанія Сѵнода, эта должность начинаетъ себя заявлять, какъ очень и очень властная, съ тѣмъ, чтобы еще черезъ нѣсколько десятилѣтій занять ту самозданную роль, которую она играетъ въ настоящее время, и которую она уже болѣе не утратитъ никогда, если только самый порядокъ церковнаго управленія не будетъ измѣненъ когда нибудь въ духѣ настоящей церковности.

Князь Хованскій былъ, повидимому, человѣкъ не особенно властолюбивый и ничѣмъ особеннымъ не выдающійся. Онъ былъ хорошій, усердный чиновникъ,—не болѣе; но положеніе вещей настолько уже созрѣло само по себѣ, что онъ сразу явился въ такомъ властномъ положеніи въ Сѵнодѣ, въ каковомъ не былъ еще никто изъ его предшественниковъ. Онъ первый является дѣйствительнымъ участникомъ въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, тогда какъ всѣ предшественники его ограничивались лишь участіемъ въ дѣлахъ собственно Сѵнодскихъ, хотя они давно уже подготовляли себѣ почву для активнаго вмѣшательства въ дѣла епархіальныя. Но при князѣ Хованскомъ это участіе въ постоянномъ наблюденіи за ходомъ епархіальнаго управленія дошло до значительнаго развитія. „Получая офиціальныя свѣдѣнія о состояніи епархіальнаго управленія посредствомъ ежемѣсячныхъ донесеній секретарей духовныхъ консисторій, оберъ-прокуроръ въ то же время имѣлъ еще возможность узнавать о различныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ представителей церковной администраціи, путемъ частныхъ донесеній и жалобъ, не рѣдко поступавшихъ къ князю Хованскому отъ епархіальныхъ преосвященныхъ и пострадавшихъ лицъ изъ низшаго духовенства; и Сѵнодъ, въ большинствѣ случаевъ, поступалъ согласно съ предложеніями князя Хованскаго“. Такими словами, авторъ разсматриваемой книги опредѣляетъ роль оберъ-прокурора, какъ она выразилась въ началѣ настоящаго столѣтія, и въ ней уже ясно видно, какая огромная перемѣна совершилась въ положеніи этого лица, со времени основанія самой должности; и какъ близко было уже тогда появленіе оберъ-прокурора, по типу графа Протасова, типу, оставшемуся принадлежностью этой должности и впредь. До какой степени

мало желали сами государи создать въ лицѣ оберъ-прокурора власть, стѣснительную для самостоятельной дѣятельности Сѵнода въ церковныхъ дѣлахъ, явствуетъ особенно изъ того факта, что князь Хованскій былъ уволенъ въ 1799 году, по жалобамъ на него Сѵнода; и даже замѣщеніе должности оберъ-прокурора было предоставлено митрополиту Амвросію, по сѵнодальному представленію. Такой образъ дѣйствій Императора Павла явно указываетъ, что онъ вовсе не желалъ усилить ни власти, ни даже положенія об.-прокурора.

Графъ Д. И. Хвостовъ, утвержденный въ прокурорствѣ по представленію Сѵнода, былъ дѣйствительно менѣе вчинателенъ, чѣмъ его предмѣстникъ; но хотя графъ Хвостовъ и не имѣлъ личныхъ качествъ князя Хованскаго, тѣмъ не менѣе кругъ дѣятельности его самъ по себѣ не умалился, и онъ, такъ же какъ и его предшественникъ, входилъ во всѣ подробности церковнаго управленія, такъ какъ въ самомъ вѣдомствѣ духовномъ успѣла уже сложиться привычка, по которой дѣла сосредоточивались въ рукахъ об.-прокурора, на котораго стали смотрѣть какъ на настоящую движущую силу въ Сѵнодѣ.

Александръ Павловичъ замѣнилъ графа Хвостова Александромъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ въ 1802 году. Въ немъ прокуратура нашла себѣ представителя, вполнѣ способнаго воспользоваться всѣми прерогативами, выработанными его предмѣстниками, и еще болѣе ихъ усилить. Назначеніе Яковлева было понято и членами Сѵнода въ неблагопріятномъ для себя смыслѣ; почему они чрезъ митрополита Амвросія предложили было новому оберъ-прокурору соединить воедино интересы обѣихъ сторонъ. Яковлевъ отказался отъ такого союза и началъ, наоборотъ, сильно ратовать за значеніе своего поста; и хотя Государь и пожертвовалъ имъ, по настоянію объ его удаленіи членовъ Сѵнода, но все-таки за короткій срокъ своего оберъ-прокурорства Яковлевъ успѣлъ отвоевать такія привилегіи, которыя положили краеугольный камень всей дальнѣйшей дѣятельности этихъ сановниковъ. Ему удалось отнять у первенствующаго члена право сноситься съ кѣмъ-либо изъ гражданскихъ должностныхъ лицъ: вся переписка и производство были изъяты изъ вѣдѣнія сѵнодальнаго присутствія, до такой степени, что члены Сѵнода не могли уже болѣе получать справокъ изъ дѣлъ безъ разрѣшенія оберъ-прокурора. Епархіальное управленіе было тоже взято въ опеку оберъ-прокуроромъ, чрезъ предоставленіе ему исключительнаго права назначать секретарей консисторій; что вполнѣ вознаградило за неудавшееся предположеніе о назначеніи въ каждую епархію прокуроровъ. Хотя Государь и утвердилъ этотъ послѣдній проектъ Яковлева, но по жалобѣ членовъ Сѵнода, онъ былъ отмѣненъ;

равно не было утверждено Государемъ предложеніе Яковлева объ измѣненіи порядка назначенія епископовъ. Краткое оберъ-прокурорство Яковлева можетъ почитаться эпохой начинавшагося полнаго торжества этого института; но опять-таки нельзя не видѣть, что усиленіе онаго шло не отъ непосредственной воли царской, а зависѣло главнымъ образомъ отъ общаго подъема бюрократизма въ эпоху Александра[1]). Созданіе министерствъ отразилось благопріятно на положеніи оберъ-прокурора, какъ бы тоже возведеннаго въ санъ министра духовныхъ дѣлъ; и хотя Яковлевъ этого званія себѣ не получилъ, но его преемникъ князь Голицынъ уже облекается офиціально этимъ титуломъ, главные аттрибуты какового званія остаются затѣмъ принадлежностью оберъ-прокурорскаго поста, несмотря на то, что онъ не сохранилъ самаго наименованія министерскаго. Г. Благовидовъ очень вѣрно называетъ исторію прокуратуры Сѵнодальной, „процессомъ развитія“ оной. „Ни многочисленные факты успѣшнаго противодѣйствія Сѵнода прокуратурѣ, ни временное ослабленіе оберъ-прокурорской власти... не могли повліять отрицательнымъ образомъ на интересующій насъ процессъ и пріостановить его дальнѣйшее развитіе“, говоритъ онъ. „Прокуратура, въ лицѣ ея наиболѣе достойныхъ и энергическихъ представителей... хотя очень медленно и даже съ нѣкоторыми перерывами, но постепенно и неуклонно шла къ намѣченной цѣли“.

Въ 1803 году оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, и въ его лицѣ осуществился впервые тотъ типъ оберъ-прокурора, который затѣмъ утвердился чрезъ графа Протасова, какъ неизмѣнный до нашихъ дней. Все значеніе князя Голицына заключалось въ его личныхъ отношеніяхъ къ Государю; а эти-то личныя отношенія, на почвѣ выработанныхъ до него порядковъ, дали оберъ-прокурорству его окончательную окраску. Съ одной стороны Яковлевъ уже успѣлъ лишить Сѵнодъ всякой „дѣловой“ независимости отнятіемъ у него какого-либо отношенія къ дѣлопроизводству; это было смертнымъ приговоромъ для возможности какой-либо административной иниціативы. Князь Голицынъ получилъ еще, благодаря личнымъ отношеніямъ къ Государю, и возможность, посредствомъ

[1]) Французская революція создала видъ бюрократизма, который процвѣлъ въ нашъ вѣкъ. Насажденіе его у насъ совершилось чрезъ цѣлую плеяду молодыхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ духѣ началъ 1789 года, которымъ очень сочувствовалъ самъ Александръ Первый. Первымъ выразителемъ бюрократическаго начала былъ въ Россіи Дидеротъ, во время посѣщенія имъ Екатерины 2-й. Ср. Catherine II et Diderot... M. Tourneux, на стр. 569 онъ указываетъ ей какъ завести культуру въ Россіи; въ этомъ совѣтѣ резюмированъ принципъ бюрократизма.

впервые Павломъ введеннаго награжденія орденами духовенства и права вызывать или не вызывать въ Сѵнодъ тѣхъ или другихъ архіереевъ, новую силу непосредственнаго вліянія на православныхъ іерарховъ, обратившую таковыхъ постепенно въ лицъ, столь же зависимыхъ отъ оберъ-прокурора, какъ зависѣли по другимъ вѣдомствамъ всѣ служащіе отъ воли своего министра. Личныя убѣжденія князя Голицына, перешедшія, въ теченіи 20-тилѣтняго управленія Сѵнодомъ, отъ совершеннаго невѣрія къ крайнему религіозному мистицизму, не имѣли никакого вліянія на его административную дѣятельность. Все, что онъ дѣлалъ въ качествѣ оберъ-прокурора до 1817 г. и министра духовныхъ дѣлъ до 1824 года, основано было на чисто-бюрократическомъ началѣ, въ которомъ преслѣдованіе благихъ, по его мнѣнію, цѣлей не стѣснялось никакими соображеніями объ отношеніи ихъ къ существующему болѣе или менѣе органическому порядку и строю. Едва ли онъ сознательно хотѣлъ умалить значеніе Сѵнода. Императоръ Александръ также никогда не проявлялъ желанія отнимать у Церкви ея, въ принципѣ признаваемую независимость въ области духовныхъ функцій. И Царь и его министръ просто забывали о существованіи активной церковной власти, когда они составляли, напр., уставы духовныхъ училищъ и учреждали комиссіи для завѣдыванія ими; лица же іерархическія, хотя и видѣли, что дѣло клонится все къ большему упраздненію іерархическаго управленія дѣлами церкви, постепенно пріучались мириться съ этимъ, убаюкиваемые различными видами личныхъ отличій и выгодъ, дѣйствительную цѣну которыхъ умѣли опредѣлять лишь немногіе выдающіеся іерархи, почитавшіеся посему болѣе или менѣе подозрительными. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ само по себѣ не имѣло большого значенія для Сѵнода послѣ всего, что совершилось до этого. Дѣйствительнымъ прокуроромъ остался все-таки князь Голицынъ, а назначенный въ должность оберъ-прокурора, совершенно зависимый отъ министра, князь Мещерскій, являлся лишь исполнителемъ его велѣній. Это эфемерное министерство получило непреходящее значеніе для Сѵнода лишь послѣ своего уничтоженія. По волѣ Александра въ вѣдѣніе оберъ-прокурора перешло I отдѣленіе департамента духовныхъ дѣлъ, упраздненнаго министерства. „Его Императорскому Величеству угодно“, писалъ Аракчеевъ къ князю Мещерскому, „чтобы оное оставалось въ настоящемъ его положеніи подъ именемъ отдѣленія духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія при оберъ-прокурорѣ въ Сѵнодѣ; а опредѣленія, увольненія и награды чиновникамъ производимы были на правилахъ общаго министерскаго учрежденія“. Въ этомъ отдѣленіи сосредоточивалась вся министерская дѣятельность князя Голицына по отношенію къ Сѵноду.

Съ этого времени министерское значеніе навсегда осталось за сѵнодальными оберъ-прокурорами; оно за ними еще болѣе укрѣпилось косвеннымъ приравненіемъ ихъ къ министрамъ по возлагаемымъ обязанностямъ и вытекающимъ изъ нихъ правамъ. Такое практическое значеніе оберъ-прокуроровъ постепенно переходило и въ юридическое. Такъ въ 1826 году, при составленіи новыхъ штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, поручено было и князю Мещерскому, оставшемуся оберъ-прокуроромъ послѣ упраздненія министерства духовныхъ дѣлъ, представить въ государственный совѣтъ „наравнѣ съ прочими *министрами*“ штатъ и по духовному вѣдомству, что имъ и было сдѣлано безъ ближайшаго участія Св. Сѵнода[1]).

Во время об.-прокурорства князя Мещерскаго бывали однако еще случаи непосредственныхъ отношеній членовъ Сѵнода къ Государю, а самъ Мещерскій далеко не всегда находилъ себѣ поддержку въ Государѣ, въ своихъ стараніяхъ объ усиленіи чиновничьяго элемента въ сѵнодальномъ управленіи. Напр., когда онъ хотѣлъ испросить себѣ второго чиновника за оберъ-прокурорскій столъ, то Государь ему въ этомъ отказалъ, написавъ въ резолюціи, что: „должно уменьшать, а не прибавлять число чиновниковъ“.

Въ 1833 году оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ. Несмотря на кратковременное пребываніе въ должности, онъ успѣлъ, по словамъ г. Благовидова, „оказать довольно важныя услуги интересующему насъ процессу, и въ значительной степени усилить вліяніе оберъ-прокурорской власти на разнообразныя

---

[1]) Очень интересна резолюція Императора Николая Павловича на докладъ князя Мещерскаго, по дѣлу о бракѣ г.-ад. Клейнмихеля. Она характеризуетъ понятіе его о церковныхъ догматахъ, объ отношеніи къ нимъ церковной власти, объ отношеніи къ ней самой оберъ-прокурора; и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ здраво онъ понималъ нѣкоторыя вещи, которыя не всегда ясны даже для самихъ членовъ церковной іерархіи, какъ напр. неумѣстность принципа большинства и меньшинства въ рѣшеніи вопросовъ церковныхъ. „Въ догматахъ вѣры разногласія быть не можетъ и не должно“, пишетъ Государь: „Вамъ, какъ блюстителю законовъ, должно вразумить членамъ Сѵнода (sic); и когда положится общее единогласное мнѣніе, основанное не на умствованіяхъ и толкованіяхъ, а на точномъ смыслѣ догматовъ, тогда мнѣ оное представить. Симъ дѣломъ заняться не медля, ибо впредь строго вамъ запрещаю входить съ подобнымъ докладомъ, который выходитъ изъ всякаго приличія“. Видимо, оберъ-прокуроръ уже твердо отвоевалъ себѣ значеніе *руководителя* Сѵнода; хотя въ данномъ случаѣ трудно уяснить себѣ, на основаніи какого государственнаго закона имѣлъ бы онъ право требовать отъ членовъ Сѵнода единогласнаго рѣшенія. Вѣроятно, Государь подразумѣвалъ законъ церковнаго единомыслія. Но въ такомъ случаѣ оберъ-прокуроръ получаетъ уже значеніе блюстителя церковныхъ законовъ, въ которыхъ онъ долженъ наставлять архіереевъ.

стороны церковной жизни". Нечаевъ успѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ ввести контроль надъ всѣми сѵнодальными и церковными суммами, зависящій непосредственно отъ оберъ-прокурора; ввести организованное жандармское негласное наблюденіе надъ архіереями, воспользовавшись дѣломъ нижегородскаго епископа Амвросія; и наконецъ ввести практику назначенія на вакантныя каѳедры кандидатовъ по своему представленію, минуя представленныхъ Сѵнодомъ лицъ. Когда изъ-за этого послѣдняго обстоятельства вышло сильное пререканіе между сѵнодальными членами и оберъ-прокуроромъ, Нечаевъ будто бы сказалъ въ присутствіи канцеляріи: „я докажу этимъ калугерамъ, что такое оберъ-прокуроръ". Но ему не удалось исполнить своей угрозы. Его преемнику, графу Протасову, предоставлено было дать ей настоящее примѣненіе, а послѣ него уже не представлялось болѣе нужды въ доказательствѣ того, что сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ.

Назначеніе графа Протасова 25-го Іюля 1836 года было встрѣчено съ радостью многими и самыми видными представителями іерархіи, въ числѣ коихъ воронежскій архіепископъ Антоній выражался такъ, по поводу назначенія графа, въ письмѣ, обращенномъ къ нему: „Не могу не воскликнуть Слава Богу! Слава Богу, сіятельный графъ, что Онъ внялъ молитвенному желанію рабовъ своихъ... Слава Богу, что промыслительная десница Его ввѣрила попеченіе о благѣ церкви мужу по сердцу Своему!"

Но замѣна Нечаева графомъ Протасовымъ оказалась лишь окончательнымъ фазисомъ борьбы іерархическаго начала съ бюрократическимъ: побѣда послѣдняго была полная.

Для облегченія Сѵнода отъ дѣлъ второстепенныхъ и для того, чтобъ онъ могъ исключительно предаться высшему церковному служенію, а также и для усовершенствованія порядка въ дѣлахъ, при графѣ Протасовѣ введены были всѣ тѣ учрежденія для завѣдыванія различными отраслями церковнаго управленія, которыя передали ихъ въ руки оберъ-прокурора. 1-го Марта 1839 года Протасовъ представилъ Государю докладъ, вслѣдствіе коего учредились при Сѵнодѣ: 1) канцелярія собственно Сѵнода, 2) канцелярія оберъ-прокурора, 3) духовное учебное управленіе и 4) хозяйственное отдѣленіе, исключительно зависящее отъ оберъ-прокурора. 16-го же Декабря того же года оберъ-прокуроръ писалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что „теперь всѣ его ожиданія блистательно оправдались по всѣмъ четыремъ центральнымъ учрежденіямъ, изъ коихъ каждое, по числу состоящихъ въ немъ отдѣленій и чиновниковъ, соотвѣтствуетъ департаментамъ министерствъ";

и на этомъ основаніи просилъ о сравненіи жалованіемъ своихъ служащихъ съ таковыми же другихъ министерствъ.

Всѣ эти преобразованія привели къ тому, что сѵнодальный оберъ-прокуроръ обратился въ фактическаго министра духовнаго вѣдомства. Но разъ такое положеніе было достигнуто, непремѣнно должны были получиться и соотвѣтственныя послѣдствія въ отношеніяхъ этого фактическаго министра съ фактически ему подчиненными, хотя юридически независимыми членами Сѵнода и архіереями. Министръ въ своемъ вѣдомствѣ не можетъ имѣть неподчиненныхъ себѣ лицъ[1]), оттуда успѣшное стремленіе къ подчиненію себѣ и сѵнодальныхъ членовъ и высшихъ духовныхъ сановниковъ, выраженное словами составителя записокъ объ этомъ времени, Измайлова такъ: „Если кто изъ сѵнодальныхъ членовъ рѣшался возвышать голосъ въ защиту своихъ правъ или разсуждать несогласно со взглядами оберъ-прокурора, то неизбѣжно долженъ былъ считаться съ серіозною опасностью или быть устраненнымъ отъ присутствованія въ Св. Сѵнодѣ, или даже оказаться переведеннымъ на худшую епархію, безъ суда и апелляціи. Если кто изъ канцелярскихъ чиновниковъ осмѣливался въ случаяхъ какихъ-либо недоразумѣній между прокуратурой и Сѵнодомъ дѣйствовать не напротивъ Сѵнода..., то такого... или совершенно увольняли со службы или лишали всякихъ правъ на повышеніе. Ничто не оставалось неизвѣстнымъ оберъ-прокурору. Секретарямъ консисторіи было предоставлено право контроля надъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ и вмѣнено въ обязанность доносить оберъ-прокурору обо всемъ, что происходило въ епархіяхъ“. Митрополитъ Серафимъ, вспоминая не за долго до своей смерти обстоятельства, при которыхъ произошло назначеніе графа Протасова, говорилъ будто бы: „Вы послали тогда меня... просить вамъ царя... Выпросилъ его вамъ... Теперь—стяжайте въ терпѣніи души ваши“. Самъ же Протасовъ, объясняясь съ вызваннымъ имъ по дѣламъ учебнымъ, архимандритомъ Никодимомъ, сказалъ ему: „Прошу знать меня и еще никого, ниже вашихъ архіереевъ: я вашъ заступникъ“.

Но окончательное торжество Протасова надъ іерархіей выразилось въ устраненіи имъ навсегда отъ присутствованія въ Сѵнодѣ (въ 1842 году) обоихъ Филаретовъ, московскаго и кіевскаго. Не столько фактъ невызыванія ихъ въ Сѵнодъ съ этого времени важенъ *самъ по себѣ*,

[1]) Если независимый Сенатъ и считается въ вѣдомствѣ мин. юстиціи, то это явная натяжка, допущенная для порядка, по которому все должно быть росписано по вѣдомствамъ.

сколько *важенъ поводъ* къ прекаанію съ ними представителя власти гражданской. Дѣло заключалось въ различіи взглядовъ на переводъ на русскій языкъ Св. Писанія. Надо было прокурорской власти дойти до крайнихъ предѣловъ вмѣшательства въ вопросы чисто-духовнаго свойства, чтобъ она могла и вопросъ о переводѣ Писанія включить въ кругъ своего законнаго вѣдѣнія. Кончиною графа Протасова, послѣдовавшей въ 1855 году, заканчиваетъ свое изслѣдованіе г. Благовидовъ; и, конечно, онъ избралъ самый удобный моментъ въ исторіи разсматриваемаго имъ учрежденія, чтобы на немъ остановиться. Въ лицѣ и дѣятельности графа Протасова процессъ развитія оберъ-прокурорства закончился вполнѣ: а послѣдующая за нимъ эпоха, не прибавляя ничего новаго къ сущности этого, уже вполнѣ выработаннаго института, еще слишкомъ близка къ намъ, чтобы служить предметомъ безпристрастнаго историческаго изслѣдованія.

Изъ того, что передано намъ г. Благовидовымъ въ его книгѣ, можно, кажется, сдѣлать довольно основательный и полный выводъ о томъ, чему поучаетъ исторія прокурорства за стотридцатилѣтній періодъ, протекшій со времени учрежденія оберъ-прокурорства до момента полнаго расцвѣта онаго. Всяческая же исторія имѣетъ цѣну только по степени ея назидательности въ настоящемъ, а слѣдовательно полезности для будущаго. Исторія оберъ-прокурорскаго института имѣетъ большой интересъ для уразумѣнія исторіи бюрократіи вообще и законовъ ея развитія. Бюрократія есть проявленіе живого, органическаго начала, принципа, который носитъ въ самомъ себѣ всѣ условія, необходимыя для роста и развитія, не только *какъ орудія служебнаго* въ рукахъ правительства, но какъ чего-то живущаго „само для себя“ и „само о себѣ“. Ей только нужна почва благопріятная и невмѣшательство высшей власти для того, чтобы изъ скромнаго саженца или даже сѣмени, разрости до исполинскихъ размѣровъ; и вовсе не вслѣдствіе потребности въ ней власти или подвластныхъ, но вслѣдствіе ей самой присущей способности развиваться изъ самой себя. Такъ, въ данномъ случаѣ мы видимъ, что „учрежденію“ должности прокурора не придавалось особаго значенія. Преобразованное Петромъ по европейски государство вполнѣ довольствовалось расшатаніемъ церковнаго строя посредствомъ обезличенія высшаго управленія его; но оно вовсе не гналось за тѣмъ, чтобы стать самому, въ лицѣ своего представителя на мѣсто упраздненнаго митрополита всероссійскаго или патріарха. Оно хотѣло отнять у церкви ея (по западному представленію) предполагаемую способность къ противугосударственной иниціативѣ; но входить въ кругъ ея внутренняго вѣдѣнія—не составляло

никогда предмета пожеланій нашихъ государей. Не только они никогда не выказывали намѣренія „*по собственному почину*“ усиливать значеніе оберъ-прокурора, но, напротивъ того, скорѣе сдерживали попытки, дѣлаемыя самими прокурорами въ этомъ смыслѣ. Настоящее процвѣтаніе прокуратуры начинается вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ бюрократизма при Александрѣ I; и она, вмѣстѣ съ другими бюрократическими институтами, начинаетъ процвѣтать и развиваться только потому, что наступила эра общаго процвѣтанія этого принципа съ начала настоящаго столѣтія; и благодаря распространенію принциповъ французской революціи, настоящей родоначальницы бюрократизма, который есть ничто иное, какъ хроническое, длительное революціонное состояніе, стремящееся постоянно замѣнить органическое начало жизни, погоней болѣе или менѣе насильственною за *абстрактными, надуманными* цѣлями „*отвлеченнаго блага*“. Но такъ какъ „благо“ въ широкомъ смыслѣ очень трудно конкретизуемое нѣчто, то бюрократизмъ избралъ себѣ цѣлію одинъ лишь изъ его признаковъ, наиболѣе наглядныхъ, но ничего самъ по себѣ не стоющій (если взять его отдѣльно отъ всѣхъ другихъ)—„*это внѣшній порядокъ*“. И вотъ на идеѣ заведенія этого вѣчно искомаго „порядка“ и улучшенія его, бюрократія стала развиваться не по днямъ, а по часамъ. Она не находила себѣ содѣйствія высшей власти въ насажденіи этого порядка, какъ какого-то идеала, но не находила въ ней и активнаго противодѣйствія, а лишь только *непротивленіе:* власть не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, *что такое бюрократія въ самой себѣ*, внутренно все-таки ей не довѣряла, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала себя уловлять этимъ лживымъ призракомъ порядка, который ей бюрократія представляла „какъ нѣчто само по себѣ цѣнное“. Именно этотъ-то процессъ саморазклубленія бюрократіи мы можемъ ясно прослѣдить въ спеціальной сферѣ нашихъ церковныхъ дѣлъ, благодаря книгѣ г. Благовидова; и она тѣмъ и является особенно полезной, что разрушаетъ совершенно довольно распространенное у насъ представленіе о сознательномъ желаніи власти гражданской въ Россіи поработить себѣ церковные порядки. У насъ церковь подавляется не государствомъ, а такою силой, которая поработила себѣ и самое государство; и, конечно, для государства еще важнѣе отъ нея освободиться, чѣмъ для церкви, такъ какъ государство есть явленіе чисто земное, и потому могущее быть въ корень изведеннымъ; тогда какъ церковь только до нѣкоторой степени можетъ страдать отъ разныхъ земныхъ испытаній, ибо по существу и „врата адовы не одолѣютъ ей“. Тѣмъ не менѣе, конечно, нельзя легко смотрѣть и на переходящія испытанія, которымъ подвергается церковь въ ея временномъ проявленіи; ибо таковое не безразлично для ея земныхъ судебъ. Нельзя

смотрѣть совершенно спокойно и на этотъ чисто канцелярскій процессъ упорядоченія церкви у насъ. Древняя русская церковь дѣйствительно была полна непорядковъ; но она старалась ихъ устранить, сколько могла, не утрачивая того, что дороже во сто кратъ „самодовлѣющаго порядка“. Отъ того она была жива и дѣйствительно проникала во всѣ изгибы общественной и государственной жизни, не замыкаясь въ предѣлахъ узкихъ какого-либо „вѣдомства“. Въ настоящее время, конечно, порядка въ дѣлахъ церковныхъ сравнительно очень много; но соотвѣтствуетъ ли оному роль церкви и ея представителей въ жизни современной нашего народа и общества?

Нельзя не обратить вниманія, при чтеніи книги г. Благовидова, на одну очень странную черту его изложенія: это на совершенное неуясненіе имъ для читателя собственнаго взгляда на абсолютное достоинство тѣхъ двухъ началъ, борьбу которыхъ за преобладаніе онъ такъ послѣдовательно излагаетъ. На чьей сторонѣ его личныя симпатіи? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ какъ будто сочувствуетъ сохраненію іерархическихъ преимуществъ Сунода, а въ другихъ и благоустроительная дѣятельность свѣтской власти ему по душѣ. Сначала кажется, что это есть какъ бы пробѣлъ въ его изложеніи. Но чѣмъ болѣе вдумываешься въ излагаемое имъ, тѣмъ болѣе и самъ приходишь къ заключенію, что въ сущности послѣдовательной симпатіи нельзя имѣть ни къ той, ни къ другой сторонѣ, какъ не имѣетъ ея и авторъ книги. Въ дѣйствительности, ни та, ни другая сторона не представляютъ изъ себя началъ абсолютныхъ, а каждая имѣетъ и достоинства, и недостатки только относительные. Кажется несомнѣннымъ, что для человѣка истинно русскаго (а слѣдовательно и православнаго) идея подчиненія церковной іерархіи свѣтской власти не можетъ не быть чуждой; и съ этой точки зрѣнія попытка къ подчиненію ея—не сочувственна. Но вѣдь съ другой стороны, та современная іерархія, которая выработала въ себѣ начало кастическое, отдѣленная отъ народа и его жизни, замкнутая въ себѣ самой—едва ли можетъ почитаться достаточной представительницей церкви, конечно не въ смыслѣ *сакраментальномъ*, а въ бытовомъ отношеніи. Церковь земная живетъ всесторонней жизнью, въ которой не мало есть мѣста и земнымъ интересамъ. Ее можетъ представлять всецѣло только такое духовенство, которое вполнѣ едино съ самимъ народомъ и не отрѣшилось отъ него на почвѣ своихъ кастическихъ соображеній и интересовъ. До Петра у насъ не было духовнаго сословія[1]) и между народомъ церковнымъ и пастыремъ не

[1]) Ибо не было и вообще сословій, какъ ихъ понимаютъ теперь: ученіе о сословномъ основаніи всего нашего строя пущено въ ходъ пок. Пазухинымъ, и могло войти во всеобщее употребленіе только благодаря совершенному непониманію нашему нашей же исторіи.

лежало средостѣніе *сословности*. Но разъ она образовалась, явилось непремѣнно и нѣкоторое различіе между *церковностью чистою* и *церковностью клерикальною*; и вотъ эта-то послѣдняя, начиная все болѣе и болѣе обрисовываться, вызываетъ органически себѣ отпоръ въ свѣтскомъ, гражданскомъ элементѣ, олицетворенномъ высшей властью и ея представителями. Такимъ образомъ тотъ самый оберъ-прокуроръ, который явился сначала представителемъ лишь элемента государственнаго въ широкомъ смыслѣ, теперь уже окрашивается совсѣмъ другимъ свѣтомъ: онъ является представителемъ антиклерикальнымъ (въ той, конечно, лишь средѣ, которая создала клерикализмъ), и, конечно, въ этой функціи онъ уже совсѣмъ не только то, чѣмъ онъ является въ качествѣ лишь *бюрократа*. Вотъ почему, вѣроятно, г. Благовидовъ и не имѣетъ опредѣленнаго взгляда для оцѣнки тѣхъ фактовъ, съ которыми онъ насъ знакомитъ. Да и мы сами затруднились бы отдать наши симпатіи той или другой сторонѣ, сознавая, что самая описываемая борьба есть только продуктъ искаженія всего строя нашей жизни, которое не могло не отразиться и на внѣшнемъ строѣ нашей церковности [1]).

Книга г. Благовидова есть отдѣльный оттискъ статей, появившихся въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1897—1899 годы. Нельзя не поблагодарить за то, что онъ собралъ ихъ въ отдѣльный томъ и сдѣлалъ ихъ содержаніе общедоступнымъ.

Д. Х.

1899 года.

---

[1]) Конечно, эта борьба началъ свѣтскаго и іерархическаго должна разрѣшиться рано или поздно; но едва ли можно и даже едва ли должно желать этого разрѣшенія помимо общаго возрожденія нашего государственно-общественнаго строя *„на началахъ древле-русскихъ,* порушенныхъ съ начала XVIII вѣка“. Стремленіе къ этому возрожденію, кажется даетъ себя чувствовать уже теперь; но пока оно не дозрѣло—желательно, чтобы какъ можно менѣе формально измѣнилось существующее: когда растаетъ ледъ естественно, онъ „во образѣ водномъ“ смываетъ накопившійся за зиму соръ. Искусственное преждевременное устраненіе льда дѣлаетъ то, что соръ не смывается; и оттого въ воздухѣ развиваются незамѣтные для глаза, а только для тонкаго обонянія міазмы. При возрожденіи Россіи отъ двухсотлѣтняго умственнаго сна общественнаго, если ему суждено быть, смоются отжившія чуждыя формы; вѣроятно исчезнетъ и теперешній Сунодъ и теперешнее оберъ-прокурорство. Но пока Сунодъ—учрежденіе сословно-клерикальное—умѣреніе его сословности общегражданскими началами—необходимо.

Письмо Графа Николая Петровича Шереметева къ Алексѣю Ѳеодоровичу Малиновскому и его отвѣтъ

Милостивый Государь мой

Алексѣй Ѳеодоровичъ.

Какое получилъ я письмо отъ К-ни Анны Николаевны Долгоруковой [1]) копію при семъ препровождаю для усмотрѣнія Вашего; надѣюсь, что его содержаніе столько-жъ Вамъ покажется страннымъ какъ и мнѣ. Претензія Княгини состоитъ—въ томъ что, будто бы родитель мой, получа имѣніе по наказу отъ дѣда моего, чему прошло уже около ста лѣтъ, выдавая въ замужество сестру свою Гр-ню Наталью Борисовну Шереметеву не выдѣлилъ изъ недвижимаго имѣнія принадлежащей ей части. Недовольно того, что при жизни родителя моего въ теченіе столькихъ лѣтъ не было никакой отъ сестры его по сему дѣлу претензіи; но и по кончинѣ его я, вступая въ наслѣдство, ничего касательно сего не слыхалъ и такъ цѣлое столѣтіе проходя въ молчаніи, нынѣ къ удивленію моему разсудила убѣдить меня очищать совѣсть отца и дѣда моего, требуя возвращенія дѣтямъ его имѣнія ея свекрови, не взирая, что я еще не родился во время, когда Графиня Наталія Борисовна выходила въ замужество за К-зя Долгорукова, а потому дѣло сіе покрыто для меня совершенной неизвѣстностью; предосудительно было бы съ моей стороны удовлетворить ея желанію и тѣмъ оскорбить память родителя моего и поддержать возводимую на него клевету. Копію съ отвѣта моего письма Княгинѣ при семъ прилагаю, изъ коего усмотрите, что я не ожесточая ее старался только уклониться вступить въ дѣло ни съ какой стороны до меня непринадлежащее; мнѣ бы очень желательно было, чтобы приложенное при семъ письмо къ Княгинѣ вручили по знакомству съ Вами и ежели она сама

---

[1]) Рожденная Баронесса Строганова, мать Д. И. Долгорукаго, письма коего печатаются въ Русскомъ Архивѣ. П. Б. (младшій).

вызовется и начнетъ съ Вами говорить касательно сего дѣла, то покорнѣйше прошу представить ей убѣдительнѣйшими словами сколько чувствительны для меня приписываемыя ею укоризны къ почтеннѣйшей памяти предковъ моихъ и сколько бы странно было, ежели бы подумалъ я склониться на ея предложеніе и тѣмъ предъ всѣми призналъ бы ложно приписываемый неправильный поступокъ отца моего и показалъ бы его притязателемъ ему не принадлежащаго, въ чемъ безъ сумнѣнія оправдываетъ его честность и правдолюбіе, столько всѣмъ уже извѣстныя.—Дѣлаемыя мною пособіи бѣднымъ, созиданіе Гофшпиталя и тому подобное по изъясненію письма ея долженствующій непремѣнно подвигнутъ меня къ возвращенію ей будто бы принадлежащаго, болѣе еще доказываетъ, что я, жертвуя собственнымъ своимъ къ благу другихъ безъ всякаго принужденія, далеко отстою отъ удержанія или присвоенія чужого, и готовъ бы былъ взойти въ состояніе дѣтей ея изъ одного человѣколюбія, ежели бы ни сама она отняла теперешнимъ случаемъ къ тому способы, въ протчемъ несокрыто предъ всевидящимъ Окомъ намѣреніе мое съ какимъ приступалъ къ построенію Гофшпиталя. Я не имѣлъ цѣлію тщеславіе, Богъ тому свидѣтель, слѣдственно не оскорбляюсь никакими выраженіями на сей счетъ. Въ заключеніе сего скажу согласно съ нею, по лѣтамъ ея предстоитъ она ближе другихъ къ дверямъ гроба; не удаленъ судъ вѣчности, гдѣ каждаго совѣсть обнажится, но я до тѣхъ поръ за грѣхъ поставляю себѣ быть судьею отца моего и принять за истину мрачную клевету, ищущую нарушить покой умершихъ; съ тѣмъ только прошу Васъ по пріязни Вашей взять на себя трудъ вручить лично приложенное письмо Княгинѣ ежели почтете сіе приличнымъ въ противномъ случаѣ прошу приказать отослать оное съ своимъ человѣкомъ. И говорить съ нею тогда только когда сама на сіе вызоветъ, а безъ сего почтетъ она можетъ быть обидою себѣ что кто либо посторонній свѣдомъ о такомъ странномъ ея требованіи. Весьма пріятно будетъ мнѣ, ежели о семъ посовѣтуете съ Батюшкою можетъ быть онъ знакомъ и естьли она его столько чтетъ какъ я въ душѣ моей то не сумнѣваюсь о пользѣ истины.

Свидѣтельствую искренное мое почтеніе

Милостивый Государь мой Покорно-искреннѣйшій слуга Графъ Н. Шереметевъ.

29 Августа 1805 г.

Журналъ Исходящій особымъ письмамъ 1805 года

Письмо Алексѣя Ѳеодоровича Малиновскаго отъ 7-го Сентября 1805 года.

По письму Его Сіят-ва отъ 29 Августа совершенно взошелъ въ смыслъ нелѣпой претензіи отъ Княгини Долгоруковой. Княгиня была некогда дочерью духовною батюшки его, а потому и взялся онъ охотно бытъ вручителемъ письма Его Сіят-ва къ ней. Прочитавъ оное, она тотчасъ начала говоритъ о всѣхъ мнимыхъ притязаніяхъ своихъ. Батюшка легко опровергъ ихъ убѣжденіями въ письмѣ отъ Его Сіят-ва предка чертанными, добавивъ къ тому, что ближе всего было покойному Князь Михайлу Ивановичу самому исходатайствовать принадлежащее; а какъ Князь не принималъ сего, то и доказательно, что ея требованія теперь совсѣмъ не у мѣста. Однимъ словомъ не только Княгиня, но и обѣ Княжны остались убѣждены въ несправедливости своего поступка противъ Его Сіят-ва; добрая старушка даже призналась, что она не сама собою предприняла это. Не въ тонѣ претендательницы, а въ тонѣ уже просительницы изъяснилась она, не поможетъ ли Его Сіят-во въ убожествѣ ихъ по случаю помолвки младшей Княжны;—ее беретъ за себя подполковникъ Лисовскій.—Чтобы вразумиться въ дѣло сіе, то завелъ съ Смирновымъ разговоръ касательно сего и велѣлъ ему коротенько выписать изъ записи, о которой онъ упомянулъ предъ нимъ, данной отъ Княгини Натальи Борисовны покойному Графу Петру Борисовичу въ полученіи всего принадлежавшаго ей. Если сія очистка не была свѣдома, то оную прилагаетъ.

Батюшка за особливое удовольствіе вмѣняетъ для себя, что удалось ему исполнить волю Его Сіят-ва.

Журналъ входящій особымъ письмамъ 1805 года.

РАСКОЛЪ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ

Историческая записка епископа Оренбургскаго и Уфимскаго Антонія [1])

Расколъ, какъ отдѣленіе отъ единства церкви, или расторженіе союза церковнаго, составляетъ не новое явленіе въ исторіи христіанской вѣры. Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства уже не рѣдки были примѣры появленія расколовъ. Таковы между прочимъ расколы, волновавшіе церковь Коринѳскую еще въ первомъ вѣкѣ христіанства [2]). Таковы же раскольники, извѣстные подъ именемъ каѳаровъ [3]), и далѣе новатіане и донатисты. Тѣ и другіе, несмотря на различіе ученія ихъ о Церкви, сходились въ одномъ имъ общемъ пунктѣ отступленія—неповиновеніи власти церковной.

Тоже неповиновеніе власти церковной, тоже расторженіе союза церковнаго составляетъ сущность и духъ русскаго раскола, принявшаго, впрочемъ, впослѣдствіи характеръ открытаго возмущенія не только противъ власти церковной, но и гражданской.

---

[1]) Сочиненіе это, озаглавленное „Историческая записка о мѣстномъ расколѣ“, отыскано въ дѣлахъ Оренбург. цент. архива за 1857 г. Кому оно принадлежитъ,—неизвѣстно. Но прислано Оренбург. ген.-губернатору ген.-ад. А. А. Катенину изъ Уфы отъ преосвящ. Оренбург. и Уфимск. Антонія 1-го (бывшаго епископа Старорусскаго, викарія Новгородск., правилъ Оренбург. паствой съ 1853 по 1858 г. и въ Іюнѣ перемѣщенъ на архіеписк. коѳедру въ Кишиневъ). Судя по слогу, только первая часть сочиненія, видимо, написана имъ, а послѣднія двѣ части составлялись подъ его руководствомъ кѣмъ то другимъ.—Въ „запискѣ“ цѣнны указанія о раскольническихъ поселеніяхъ въ заволжскомъ краѣ и путяхъ развитія раскола до 1838 года, а также интересны свѣдѣнія о колонизаціи этой окраины. Болѣе разработана первая часть объ Уральскихъ казакахъ.—П. Ю.

[2]) Поученіе св. Климента Римскаго къ Коринѳянамъ, гл. 44. (см. „Христіанское Чтеніе“ за 1824 г., гл. 44.)

[3]) Памятники Древней Христіанск. церкви, т. IV, гл. VII.

Не мѣсто здѣсь распространяться въ доказательствахъ этой мысли: довольно замѣтить, что исторія представляетъ не одинъ примѣръ возмущенія раскольниковъ сколько противъ власти церковной, столько и гражданской. Достаточно сослаться въ этомъ случаѣ на мятежи Стрѣлецкій и Соловецкій, на то ученіе нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ сектъ, которое отвергаетъ молитвы за царя и царствующій домъ, допускаетъ уклоненіе отъ исполненія многихъ гражданскихъ повинностей, дозволяетъ или, лучше, предписываетъ своимъ послѣдователямъ странническую или бродяжническую жизнь и т. п.

Эти и подобные факты говорятъ ясно, что расколъ по существу своему составляетъ зло сколько церковное, столько и государственное, которое тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что въ нѣкоторыхъ сектахъ открыто держатся ученья, что царствующій домъ, прежній и нынѣшній, есть антихристіанскій, что, слѣдовательно, служеніе такой царственной власти есть дѣло антихристіанское.

По характеру Оренбургскаго края, какъ мѣста постоянной русской колонизаціи, и до сихъ поръ еще продолжающейся, расколъ, какъ это само собою очевидно, не есть мѣстное явленіе. Начало его не здѣсь, а въ другихъ, и именно центральныхъ мѣстахъ Россіи. Причины же появленія и распространенія мѣстнаго раскола заключаются: 1-е, частію въ положеніи Оренбургскаго края, какъ мѣста постоянно продолжающейся русской колонизаціи,—этому обстоятельству должно приписать то, что вмѣстѣ съ совершавшимся или совершающимся переселеніемъ сюда изъ средне-русскихъ губерній, заносимы были и сѣмена раскола, производившія въ послѣдствіи свой гибельный плодъ; 2-е, частію въ томъ значеніи, какое имѣлъ Оренбургскій край въ общемъ составѣ Россійскихъ областей, какъ мѣсто ссылки гражданскихъ преступниковъ,—въ этомъ обстоятельствѣ кроется причина, почему вмѣстѣ съ ссыльными преступниками происходило умноженіе и усиленіе раскола; 3-е, частію, наконецъ, въ той связи, которую имѣетъ Оренбургская губернія[1]) по своему географическому положенію, съ другими губерніями, болѣе или менѣе зараженными расколомъ.

Первая изъ сихъ причинъ требовала бы историческаго изложенія постепеннаго колонизованія Оренбургскаго края; но такъ какъ такое изложеніе сопряжено со многими частными подробностями, то оно оставляется[2]).

[1]) Необходимо пояснить, что въ составъ ея въ то время входили нынѣшнія губерніи Оренбургская и Уфимская и области Тургайская и Уральская.—П. Ю.

[2]) Впрочемъ историческое описаніе христіанскихъ поселеній въ Оренбургскомъ краѣ уже составлено и имѣется въ виду духовнымъ начальствомъ (оно было напечатано впослѣдствіи въ Оренбургскихъ Губер. Вѣдомостяхъ за 1859 и 1860 гг. подъ заглавіемъ „Взглядъ на первые слѣды христіанства въ Оренбург. краѣ“.—П. Ю.).

Естественно (поэтому) ограничиться прямымъ показаніемъ, въ историческомъ порядкѣ, собственно раскольническихъ поселеній.

Первое мѣсто такимъ поселеніямъ, и по важности и по древности, и по значенію ихъ въ Оренбургской епархіи, принадлежитъ собственно такъ называемой Уральской линіи вмѣстѣ съ принадлежащею къ ней Оренбургской [1]).

I.

Заселеніе уральскаго края совпадаетъ почти съ заселеніемъ Уфы. Оно принадлежитъ вольнымъ сынамъ Дона, такъ называемымъ Яицкимъ, нынѣшнимъ Уральскимъ казакамъ.

Что Уральскіе казаки дѣйствительно происходятъ отъ Донскихъ,— на это есть много указаній. Доселѣ еще въ памяти Уральцевъ живо сохраняются преданія о позывныхъ кликахъ, коими атаманы и эсаулы чевствовали казачье собраніе на войсковыхъ кругахъ. До сихъ поръ еще Уральцы говорятъ, что ихъ называли не иначе, какъ „славное войско Донское-Яицкое“.

Исторически извѣстно, что Терскіе, Волжскіе и Яицкіе казаки составляли какъ-бы особое отдѣленіе одной великой общины, которая первоначально укрѣпилась и расплодилась на Дону. Все у нихъ было одинаковое: и порядки, и расправа, и наклонности и занятія; но всякая отдѣльная группа управлялась своими нáбольшими, своими атаманами, а связь между всѣми поддерживалась изстари, хотя каждое изъ этихъ отдѣленій и силилось образовать изъ себя самостоятельное и независимое отъ другихъ цѣлое.

Эта связь казачьихъ общинъ, и въ частности Донскихъ и Уральскихъ, была такъ крѣпка, что даже въ 1643 году, когда казаки болѣе или менѣе уже сдерживаемы были русскою властью, многіе Донцы похвалялись еще: „имъ-де на Дону нечего дожидаться, перейти-де намъ на иное мѣсто; на Яикѣ-де поставленъ городокъ на устьѣ Яиц-

---

[1]) Оренбургская епархія, по своему географическому положенію, естественно можетъ быть раздѣлена на три отдѣла. Первый отдѣлъ составляетъ собственно, такъ называемый, край Уфимскій, обнимающій собою уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Стерлитамацкій и др. Второй—Уральскій край съ Оренбургской линіей и третій—за-Уральскій или, по мѣстному выраженію, Сибирскій. Каждый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ свою исторію; въ іерархическомъ же управленіи зависѣли: первый сперва отъ Казанской, потомъ Вятской, наконецъ опять Казанской; второй отъ Астраханской; третій отъ Тобольской епархіи. Первый и второй отдѣлы имѣютъ почти одновременное историческое населеніе. Историческое же описаніе начинается со второго отдѣла, на основаніи важности и значенія его въ Оренбургской епархіи.

комъ, и они-де тотъ городокъ сроютъ и станутъ жить на Яикѣ и на море учнутъ ходить“ [1]).

Первоначальное появленіе ихъ на р. Уралѣ можно отнести ко времени разгрома, понесеннаго Донской и Волжской вольницей при царѣ Грозномъ. Ища спасенія, они раскинулись всюду. Одни бѣжали вверхъ по Волгѣ и, свернувъ на Каму, пробрались въ Сибирь, другіе спустились внизъ Волгою, раскинулись тамъ по рыбнымъ рѣкамъ и столкнулись съ богатыми кочевьями ногайцевъ по р. Яику, долго скитались по степямъ, отбивались тамъ отъ невѣрныхъ и исподволь покоряли магометанскихъ владѣтелей подъ высокую царскую государеву руку [2]).

Сколько можно судить по фактамъ, такое поселеніе ихъ послѣдовало въ 1576 году, когда одинъ изъ Донскихъ атамановъ нѣкто Василій Гугнинъ съ своими казаками пришелъ на р. Яикъ и основалъ тамъ свой станъ на урочищѣ, такъ называемомъ Кошъ-Яикъ [3]). Вслѣдствіе этого происходили непрерывныя сношенія съ Дономъ. Такъ въ

---

[1]) Акт. Истор. III, № 296, 297.—(Очевидно, рѣчь идетъ о Гурьевѣ городкѣ, о сооруженіи коего на Яицкомъ устьѣ разсказывается ниже.—П. Ю).

[2]) Большая часть казаковъ, Гребенскіе, Яицкіе или Уральскіе, Волжскіе, Азовскіе и Дунайскіе, такимъ образомъ получили свое начало. Всѣ они происходятъ отъ Донцовъ и удержали формы казачества, существовавшія на Дону. Недавно отыскана еще одна отрасль Донскихъ и гдѣ же?—въ Сѣверо-западной части Анатоліи, недалеко отъ Бруссы, на берегу Моньяскаго озера. Сюда они переселились собственно съ Дуная, на который перешли съ Дона за 280 лѣтъ. Замѣчательная черта ихъ: они гнушаются табакомъ, какъ курительнымъ и нюхательнымъ, не пьютъ изъ того же стакана или рюмки, изъ которыхъ прежде пилъ кто либо чужой, и если стаканъ принадлежитъ имъ самимъ, то въ этомъ случаѣ разбиваютъ его на куски и бросаютъ въ сорную яму, какъ нѣчто опоганенное и осквернённое. Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ вовсе не имѣется, и во время своихъ празднествъ поютъ хоромъ и пляшутъ подъ звуки пѣсенъ (См. „Русская колонія въ малой Азіи“, „Вѣстникъ Географ. Общества“ 1855 г., кн. III). Очевидно, это наши раскольники. Другая колонія казаковъ въ Турціи азіатской существуетъ близъ Синопа, гдѣ русскій флотъ въ 1853 г. одержалъ большую морскую побѣду.

[3]) См. „Исторію о Донскихъ казаковъ“ Ригельмана, помѣщенную въ „Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, № 3, 1846 г.—На Дону и до сихъ поръ существуетъ Зугнайская станица. (Къ сожалѣнію, сообщаемыя Ригельманомъ о казакахъ свѣдѣнія очень сбивчивы и неточны, потому что авторъ не пользовался архивными документами, а заносилъ свои сказанія по преданіямъ и легендамъ, въ большинствѣ противорѣчащимъ историческимъ фактамъ. Между тѣмъ въ жалобѣ, принесенной въ 1584 г. Ногайцами кн. Уруса султану Мурату, ясно указывается, что на Яикѣ были не сбродные, воровскіе казаки, бѣжавшіе отъ погрома стольника Мурашкина, а нарочно посланные туда царемъ русскимъ. И ходили войною казаки за Кайганъ, за Бузанъ рѣку, да за Яикъ днища три, воевали по р. Эмбу. И отъ московскихъ людей, писали ногайцы, впередъ прожить не мочно на Волгѣ, Яикѣ и Эмбѣ, потому что на нихъ „поставили городки многіе“. Москов. архивъ иност. дѣлъ, книги турецкія, № 2.—П. Ю.).

1614 году грамотою отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи „на Донѣ въ нижніе и верхніе юрты, всѣмъ атаманамъ и Донскимъ казакамъ, низовымъ и верховымъ предписывалось отписать „къ своей братьѣ и казакамъ къ Волжскимъ, и къ Терскимъ, и къ Яицкимъ о вѣрной службѣ государю“ [1]).

И въ томъ же году Донцы дѣйствительно отписывали „Великія Россійскія державы и Московскія области оберегателямъ Волжскимъ, и Терскимъ, и Яицкимъ Атаманамъ и молодцамъ, и всему великому войску,“ какъ сказано въ адрессѣ, или какъ выражено въ самой грамотѣ: „И великому и славному Рыцарскому Волжскому и Терскому, и Яицкому войску и всѣхъ рѣкъ преслоутымъ господамъ Атаманамъ и казакамъ и всему великому войску: прислалъ къ намъ Самодержавный Государь, Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ свои царскія грамоты и жалованное слово и жалованье денежное и селитру, и сукно и запасъ... А мы къ вамъ, господа, много писывали прежде сего о любви, да отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣту.“ [2])

Въ книгѣ „Большому чертежу,“, свидѣтельствующей о рѣдкихъ топографическихъ познаніяхъ нашихъ предковъ и удивляющей насъ подробностію и вѣрностію свѣдѣній, указываются уже нѣкоторые пункты, занятые Яицкими казаками, напр., говорится о казачьемъ городкѣ на Кошъ-Яикѣ, у впаденія во Уралъ р. Илека, въ сосѣдствѣ нынѣшняго Илецкаго городка. Сколько извѣстно, и до сихъ поръ существуетъ селеніе, которое носитъ названіе Кошъ-Яицкій, или по теперешнему, Кошъ-Уральскій, хотя, впрочемъ, оно лежитъ гораздо ниже, именно между Уральскомъ и Будаинскою (станицею?).

Въ послѣдствіи времени въ первой четверти XVII вѣка мы находимъ Уральцевъ полными обладателями многихъ мѣстъ: старинныя грамоты указываютъ намъ на старое городище въ низовьяхъ Урала, гдѣ казаки расположились станами; выше отсюда на Яикѣ, на Баксаѣ, опять были станы, гдѣ казаки „паслись рыбою и звѣрьемъ;“ далѣе отсюда на Яикѣ, миновавъ такъ называемое Смыково урочище, былъ у нихъ Межвѣжій (Медвѣжій?) городокъ. [3])

Въ 1614 году Уральцы рыбачили не только въ самомъ Уралѣ, но, какъ изъ грамотъ видно, занимались этимъ промысломъ и въ богатомъ Кумпукѣ и даже въ Волжскомъ протокѣ Бузанѣ, подъ учугомъ. Такимъ образомъ еще въ первой четверти XVII вѣка Уральцы

---

[1]) Акты Истор., т. III., № 21.

[2]) Акты Истор., т. III, № 22.

[3]) См. Акт. Истор., III, № 23. Всѣ эти свѣдѣнія А. И. Левшина и В. И. Даля. Они приводятся и въ „Замѣчаніяхъ объ Уральскихъ казакахъ“ Небол(ьсина?). См. Вѣстникъ Импер. Географ. Общества на 1854 г. кн. VI.

владѣли почти всѣмъ теченіемъ р. Урала, начиная отъ впаденія въ него р. Илека до моря.

Въ окрестностяхъ нынѣшняго Уральска, на р. Чаганѣ, они обыкновенно проводили зимнее время, такъ какъ по роду своихъ занятій они неминуемо должны вести, какъ и теперь отчасти ведутъ, жизнь почти что полукочевую, въ главныхъ своихъ основаніяхъ вовсе не похожую на жизнь совершенно осѣдлаго населенія.

Далѣе въ половинѣ XVII вѣка у Уральцевъ являются уже настоящіе города. Таковы Яицкій городокъ или городъ Каменный, выстроенный въ семи верстахъ выше впаденія Урала въ море. Это нынѣшній Гурьевъ городокъ. Торговый человѣкъ Гурій, съ сыновьями своими Иваномъ, Михаиломъ и Андреемъ, въ 1630 году завели и устроили за моремъ на р. Яикѣ своими деньгами городъ каменный и для рыбной ловли сдѣлали учугъ[1]). Черезъ 7-мь лѣтъ признано нужнымъ устроенную Гурьемъ крѣпость распространить и перестроить, что и возложено было Государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ на сына Гурія, гостя Михаила Гурьева, котораго Государь за то каменное дѣло пожаловалъ—велѣлъ ему Яицкій учугъ и Енбинскія воды держать безоброчно семь лѣтъ[2]). Въ городѣ заложена и устроена была церковь шатровая, во имя Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго образа, съ двумя придѣлами, во имя Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, и Алексѣя, человѣка Божія[3]).

Это, сколько извѣстно, первая церковь въ Уральскомъ краѣ; по крайней мѣрѣ, другой древнѣе ея мы не знаемъ. Высота этой церкви въ грамотѣ опредѣляется въ десять саженъ съ половиною. Отъ имени этой церкви одни изъ четырехъ городскихъ воротъ назывались Спасскими[4]). Городъ, какъ свидѣтельствуютъ грамоты, состоялъ въ зависимости отъ главнаго Астраханскаго начальства[5]); въ немъ содержались: постоянный гарнизонъ, царское войско, или, какъ выражаются грамоты, Астраханскіе стрѣльцы, Яицкіе годовальщики.

---

[1]) Полное Собр. законовъ № 732.

[2]) Акты Истор., т. IV, № 40, стр. 135.—Государь указалъ устроить городъ каменный, мѣрою четырехъ сотъ саженъ, четыреугольный; по угламъ сдѣлать четыре башни и между пряселъ также четыре башни, въ ширину, и толщину, и высоту сдѣлать противъ Астраханскаго каменнаго города и пр.

[3]) Тамъ же, стр. 135.

[4]) Рычковъ, II, 23 обр. Впрочемъ о наименованіи предѣльной церкви во имя Аѳанасія и Кирилла Арх. Александрійскихъ должно исправить согласно смыслу грамоты См. Акт. Истор. т. IV, № 40.

[5]) Для сличенія можно взять грамоту Ист. Акт. IV, № 39 и № 202 ст. XXX.

Кромѣ Гурьева городка, къ концу XVII столѣтія можно отнести и построеніе нынѣшняго Уральска, который до Пугачевскаго бунта также назывался Яицкимъ городомъ. Рычковъ въ своей „Топографіи“ [1]) построеніе Уральска относитъ къ концу XVI, или началу XVII столѣтія (за 150 лѣтъ до 1740 г.), на основаніи памятныхъ записей нѣкоторыхъ старожиловъ. Но это едва ли можетъ быть достовѣрно. Сколько извѣстно, даже въ Разино время (1667—1672) не было еще нынѣшняго Уральска; по крайней мѣрѣ нигдѣ о немъ не упоминается, а всюду говорится только о Яицкомъ или Гурьевѣ городкѣ. [2]) Впрочемъ, судя по тому, что въ началѣ XVIII в. нынѣшній Уральскъ считался уже довольно многолюднымъ и богатымъ городомъ и даже во многихъ отношеніяхъ преимуществовалъ предъ Гурьевымъ—можно съ достовѣрностью отнести построеніе его къ концу XVII вѣка. О значительности населенія его можно судить по тому, что въ это время однихъ дворовъ считалось въ немъ до 3000, [3]) церквей было пять, изъ которыхъ, впрочемъ, соборная, каменная, во имя Архистратига, [4]) построена уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія. [5]) Укрѣпленіе состояло изъ двойного плетня, между которымъ была земляная насыпь, укрѣпленная столбами впереди со рвомъ.

* * *

Вслѣдствіе происхожденія Уральскихъ казаковъ отъ Донскихъ было то, во 1-хъ, что Уральское управленіе было и теперь есть чистый отпечатокъ Донского: тѣ же обычаи и расправа, занятія, своего рода законы и у нихъ, что на Дону. Донское же казачество въ свою очередь, подобно другимъ отраслямъ его, было ничто иное, какъ родъ военнаго братства, враждебнаго всему неправославному, особенно Туркамъ и Татарамъ.

---

[1]) Т. е. „Топографіи Оренбургской губерніи“, составленной имъ въ 1748 году.—П. Ю.

[2]) Напр. въ грамотѣ Истор. акт., IV, № 202, гдѣ слѣдовало бы упомянуть объ Уральскѣ, если бы онъ существовалъ. Правда одинъ собиратель древностей, занимавшійся разборомъ грамотъ Астраханскаго Губернскаго Правленія, утверждаетъ, что въ числѣ разоренныхъ (Разинымъ?) городовъ находился и Уральскъ. Но это—ошибка, въ которую авторъ введенъ былъ словомъ: „Яицкій городокъ“, которое прилагалось и къ Гурьеву городку, и къ Уральску.

[3]) Это видно изъ офиціальной записки Неплюева (Оренбург. губернатора.—П. Ю.) См. Рычковъ, II.

[4]) Архистратига Михаила, нынѣ сохранившійся старый соборъ въ Уральскѣ.—П. Ю.

[5]) Рычковъ, II.

Дѣйствительно въ пагубное время порабощенія Россіи, мы впервые видимъ образованіе этихъ обществъ на берегахъ Днѣпра, Дона, Буга и другихъ, впадающихъ въ нихъ, рѣкъ.[1]) Не бездомные это были пришельцы—безъ роду и племени, какъ стараются доказать нѣкоторые, и не случайная смѣсь разнаго рода выходцевъ съ разныхъ концовъ земель славянскихъ и не-славянскихъ; но община, имѣвшая опредѣленное назначеніе, своего рода законы и свою опредѣленную цѣль. Эта цѣль—составить живой, вѣчно бодрствующій оплотъ противъ мусульманскаго владычества. Съ одной стороны страхъ этого владычества, т. е. опасенія бѣдствій, какія испытала Россія съ XIII по конецъ XV столѣтія, съ другой—страхъ возможнаго будущаго порабощенія,—вызвали этихъ славянскихъ витязей изъ ихъ жилищъ на защиту Св. Вѣры. Для сей цѣли всѣ мѣста, пограничныя съ мусульманскимъ населеніемъ, болѣе или менѣе заселялись казаками. Они оставляли свой домашній кровъ, свои богатыя села и пажити и поселились въ безлюдныхъ и дикихъ степяхъ, чтобы быть всегда на стражѣ противъ хищныхъ завоевателей.

Нельзя не замѣтить, что во всемъ христіанскомъ мірѣ распространеніе мусульманства сопровождалось почти одинаковыми, противодѣйствующими ему явленіями. На западѣ такимъ явленіемъ были рыцари, въ славянскомъ мірѣ—казаки, въ греческомъ—клефты. Всѣ они, при всемъ различіи ихъ національности и происхожденія и нравовъ, и времени появленія ихъ на поприщѣ политической дѣятельности, и самой вѣры (рыцари—католики) одушевлены были, однако жъ, общею цѣлью—вездѣ и всегда ослаблять общаго врага христіанства[2]).

Если на долю казаковъ Донскихъ, Бугскихъ, Черноморскихъ и др. досталось выдерживать натискъ Турокъ, то въ свою очередь Уральскимъ и Оренбургскимъ казакамъ предлежало имѣть дѣло съ мѣстнымъ средне-азіатскимъ мусульманствомъ и исподволь покорять ихъ подъ высокую царскую руку.

И мы, дѣйствительно, видимъ, что съ первыхъ поръ появленія своего на Уралѣ казаки болѣе и(ли) менѣе находятся въ борьбѣ съ магометанскимъ населеніемъ. Въ концѣ XVI столѣтія у нихъ происходили неоднократныя стычки съ Татарами и Калмыками; въ первыхъ годахъ XVII столѣтія они предпринимали даже походы въ Бухару и Хиву, откуда или возвращались съ богатою добычею, или, по време-

---

[1]) Эти безмѣрныя равнины носили нѣкогда имя Казаріи; отъ этого многіе писатели стараются доказать тождество казаковъ съ Казарами. Объ этомъ есть, между прочимъ, любопытная статья въ Виленскомъ сборникѣ Athenеum Изопольскаго.

[2]) Скальковскій, „Исторія Запорожской Сѣчи“, т. I.

намъ, сами терпѣли пораженіе. Иногда случалось, что на Каспійскомъ морѣ они нападали на персидскія суда, и симъ подавали поводъ къ неоднократнымъ жалобамъ со стороны персидскаго двора. Единомышленники же ихъ, Донскіе казаки, подъ начальствомъ Ермака, съ частію Уральцевъ вторглись въ Сибирь и привели въ покорность Россіи это богатое царство.

Словомъ, вражда съ магометанствомъ—это наслѣдственная черта казачества, какъ вообще, такъ въ частности и Уральскаго. Правда, были случаи, когда эти враги исламизма являлись не совсѣмъ спокойными сосѣдями и русскаго населенія; особенно не мало столкновеній произошло между ними и Астраханью; но это были исключенія, происходившія отъ вліянія посторонніхъ причинъ и при томъ относящіяся ко временамъ большею частію смутнымъ въ Россіи. Съ того же времени, когда они формально признали свою зависимость отъ державы Россійской, казаки составляютъ передовую стражу къ обезопасенію границъ оренбургско-уральскаго края отъ нападенія средне-азіатскихъ ордъ.[1])

2) Другая черта сходства съ Донцами. Рано оторванные отъ общей семьи народа русскаго, казачество большею частію осталось при тѣхъ формахъ, какія вынесло оно при самомъ оставленіи домашняго крова. Въ общемъ поступленіи впередъ Россіи они мало принимали участія. Большею частію они удержали формы шестнадцати-вѣковаго быта Россіи. Отсюда даже въ настоящее время въ Уральской землѣ многое дышетъ еще шестнадцати-вѣковою или семнадцати-вѣковою Россіею. Тѣ же обычаи, наклонности, занятія, самая даже одежда у нихъ и теперь, что было изстари въ Россіи. Много отсюда хорошаго, но много и не совсѣмъ добраго. Таково особенно стремленіе ихъ къ удержанію несознанныхъ и неразумленныхъ ими древле-церковныхъ формъ управленія и обрядности, на ряду съ стремленіемъ къ средневѣковымъ обычаямъ въ гражданскомъ отношеніи. Отсюда между ними ревность въ старообрядчеству, принявшая форму раскола. Эта ревность и до сихъ поръ такъ сильна, что Уральское казачество какъ въ древнее время, такъ и въ нынѣшнее служило и служитъ мѣстомъ раскола въ Оренбургскомъ краѣ, едва смягчаемаго нынѣшними мѣрами правительства.[2]) Отсюда происходитъ наконецъ и то, что между Уральцами даже въ нынѣшнее время очень мало отражаются успѣхи новѣйшей цивилизаціи.

---

[1]) Между всѣми отраслями казачества—Донскими, Черноморскими, Дунайскими и пр. господствуетъ расколъ. Въ этомъ заключается причина, почему нѣкоторыя общины казаковъ переселились даже въ европейскую и азіатскую Турцію.

[2]) Ригельманъ, стр. 18.

Само собою теперь понятно, что, вмѣстѣ съ распространеніемъ Уральскихъ поселеній, распространялся и расколъ.

Выше было сказано, что Уральскіе казаки въ концѣ XVII-го вѣка имѣли нѣсколько своихъ поселеній по Уралу. Съ теченіемъ времени,—съ XVIII-го вѣка, они владѣли почти уже всею рѣкою Ураломъ, отъ устья Илека, или точнѣе, отъ той рѣки, которую они проименовали Рубежною (или какъ бы пограничною)[1]), до самаго Гурьевскаго учуга, который до половины прошлаго столѣтія принадлежалъ казнѣ. Въ жалобѣ своей, относящейся къ 1732 году и поданной въ военную коллегію, Уральцы писали, что при государѣ императорѣ Петрѣ 1-мъ пожаловано войску Яицкому милостивое награжденіе чтобы „никакимъ людямъ по Яику рѣкѣ, въ озерахъ и въ ерикахъ никто никакія изневоли не чинилъ. Но къ намъ, уральцамъ, пріѣзжали самарскіе жители на яицкія воды и на Яикѣ для рыбныя ловли... но только у насъ, говорятъ уральцы, съ оными самарянами состоялось побоище и смертное убійство. И блаженныя и вѣчно достойныя памяти императоръ Петръ 1-й намъ въ вину того не поставилъ, и приказалъ намъ на оной рѣкѣ Яикѣ рыбу ловить, а самарянамъ и Башкирцамъ и всякихъ чиновъ людямъ того не благоволилъ приказать“[2]).

Въ 1743 году И. И. Неплюевъ[3]) нашелъ нужнымъ для удержанія Киргизцевъ отъ набѣговъ на внутреннюю сторону, гдѣ тогда жили Калмыки, завести ниже нынѣшняго Уральска по рѣкѣ Уралу крѣпости и снабдить ихъ гарнизономъ. Когда предположеніе это было высочайше утверждено, то Уральцы вызвались устроить и содержать предполагаемыя крѣпости на свой счетъ и просили только, чтобы, въ вознагражденіе чрезвычайныхъ на это съ ихъ стороны издержекъ, Гурьевскій казенный учугъ былъ разгороженъ съ обоихъ сторонъ на восемь саженъ. Это имъ разрѣшено и со временемъ Гурьевскій учугъ отдали имъ въ постоянное владѣніе. Такимъ образомъ съ 1752 года Уральцы явились полными хозяевами Урала.

Новыя крѣпости эти устроены: одна отъ Гурьева городка вверхъ по Яику при урочищѣ Кулагина Ярка, другая—выше Индерскихъ горъ при урочищѣ Калмыкова Яра.[4]) Та и другая содержимы были гарнизономъ по 500 человѣкъ въ каждой изъ Уральскихъ казаковъ.

Около того времени заселены еще двѣ новыя станцы: Илецкая и Сакмарская.

---

[1]) На границѣ съ Оренбургск. войсками.

[2]) Указъ этотъ не напечатанъ. Въ (Уральскомъ) войсковомъ правленіи есть копія съ него.

[3]) Оренбургскій губернаторъ съ 1743 по 1761 г.—П. Ю.

[4]) Собран. законовъ, № 8720.

Первая (ее не должно смѣшивать съ крѣпостью того же имени, недалеко отъ Оренбурга: послѣдняя въ отличіе отъ первой называется защитою) заселена въ 1748 году, по плану Неплюева. Находится при впаденіи рѣки Илека въ Уралъ. Въ самомъ началѣ заселенія, здѣсь имѣли пребываніе атаманъ, есаулъ, пять сотниковъ, одинъ писарь и 424 рядовыхъ казаковъ.

Вторая заселена еще ранѣе первой и даже самаго Оренбурга, въ первой четверти XVIII вѣка [1]). На первыхъ порахъ здѣсь поселено 200 казаковъ и 50 иновѣрцевъ съ атаманомъ и старшинами [2]). Болѣе подробный перечень занятыхъ казаками въ половинѣ XVIII вѣка, причисляя сюда и прежнія заселенныя въ XVII вѣкѣ, (слѣдующія):

1. Гурьевъ городокъ съ форпостами: Сарачиковъ, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополевой, Зеленый Колонъ [3]).

2. Кулагинъ городокъ, форпосты: Гребенщиковъ, Кошъ-Яикъ, Харакинъ, Красный Яръ.

3. Калмыковъ городокъ; форпосты его: Котельный, Антоновъ, Каменные Орѣшки, Сахарный, Мергеневъ, Сундаевъ, Кижахаровъ, Бударинъ, Комъ-Яикъ, Чаганскій.

4. Городъ Яикъ и 5. Илекъ.

Впрочемъ, по характеру русскіе уральскіе казаки первыхъ двухъ станицъ: Илецкой и Сакмарской, значительно были отдалены съ самаго начала ихъ существованія отъ насущныхъ интересовъ коренныхъ Уральцевъ и теперь даже они разнятся отъ нихъ большею наклонностью къ мирной жизни и другими болѣе или менѣе замѣтными чертами.

Цифра народонаселенія казаковъ за это время представляется различною. Въ 1723 году, когда произведено было первое счисленіе уральскихъ казаковъ полковникомъ Захаровымъ, ихъ насчитывали до 3196 ч. одного мужескаго пола, и затѣмъ вновь принимать пришлыхъ людей въ это сословіе запрещено. [4]) При И. И. Неплюевѣ Уральцамъ снова сдѣлана перепись, и въ это время число собственно войсковыхъ лицъ простиралось до 3,572 человѣкъ. [5])

---

[1]) Стан. Сакмарская, или Сакмарскій городокъ, основана въ 1725 году.—П. Ю.

[2]) Рычковъ, II, 32, 83.

[3]) Форпостами въ Уральскомъ войскѣ называютъ казаки свои поселенія (станицы), которыя составляли прежде укрѣпленія.—П. Ю.

[4]) Рычковъ, II, 81. Акт. Истор. т. IV, № 40.

[5]) Тамъ же. Этому показанію, повидимому, противорѣчитъ то, что въ одномъ Уральскѣ насчитывали до 3000 дворовъ. Но должно замѣтить, что въ населеніи 1) показаны только войсковыя лица, несущія собственно обязанность военной службы, 2) исключены малолѣтки, старики, женскій полъ и все населеніе не чисто уральское, хотя принадлежащее къ одному вѣдомству съ ними.

Нынѣ Уральская земля естественнымъ образомъ можетъ быть раздѣлена на три неравные участка.

Первый, обширный, тянется болѣе или менѣе широкою полосою отъ самыхъ устій Урала вверхъ по его теченію, на протяженіи 670 верстъ, до того мѣста, гдѣ въ Уралъ впадаетъ Илекъ. Другой участокъ, очень небольшой, примыкаетъ къ первому, тянется по правому берегу нижняго теченія р. Илека и представляетъ собою какъ бы вырѣзокъ узкой полосы изъ области земель Оренбургскаго казачьяго войска. Это именно Илецкая станица, вмѣщающая въ себѣ Илецкій Городокъ, съ принадлежащими къ нему форпостами и хуторами.

Третій участокъ, тоже небольшой, лежитъ уже совершенно въ далекѣ отсюда, въ границахъ Оренбургской губерній. Это Сакмарская станица, вмѣщающая въ себѣ Сакмарскій городокъ, съ принадлежащими къ нему хуторами и выселками.

Каждый участокъ имѣетъ свои подраздѣленія; всѣхъ ихъ десять отдѣловъ, включая сюда и одно башкирское отдѣленіе, причисленное къ Уральскому войску. Ограничимся тѣми отдѣленіями, гдѣ по преимуществу, сгруппировалось раскольническое населеніе, хотя есть нѣкоторое количество и православнаго.

I. Городъ Уральскъ, подраздѣляющійся на 4 округа. 1-е. Округъ города Уральска, въ немъ считается:

90 мужескаго пола и	70 женскаго	православныхъ,
3,086	3,821	единовѣрцевъ,
1,128	1,463	пріемлющихъ священство.[1])

1. Первый округъ съ двадцатью четырьмя хуторами,[2]) двумя уметами;[3]) въ немъ считается:

25 д. мужес. пола	31 жен. п.	православныхъ,
579	639	единовѣрцевъ,
6	6	перекрещиванцевъ,
786	851	пріемлющихъ священство.

3. Второй огругъ съ тремя хуторами, десятью уметами, тремя скитами[4]) и восемью зимовками[5]); въ немъ считается:

---

[1]) Цифры заимствуемъ за 1850 г. изъ представленной записки Императорскому Географическому Обществу Небольсинымъ. Эти цифры кажутся намъ болѣе вѣрными другихъ, потому что собраны на самомъ мѣстѣ—жилищѣ Уральцевъ.

[2]) Хуторъ у Уральцевъ означаетъ всякое казачье селеніе по берегу Урала.

[3]) Уметъ тоже самое, что и хуторъ, съ тою разницею, что лежитъ не по берегу Урала, а внутри округа по степнымъ рѣчкамъ.

[4]) Скитъ—то же, что пустынь.

[5]) Зимовка есть строеніе болѣе или менѣе обширное внѣ селеній; первоначальное назначеніе ихъ было давать пріютъ людямъ, имѣющимъ надзоръ за стадами на зимнихъ пастбищахъ.

459 д. мужес. п. 449 женс. п. единовѣрцевъ
642 736 пріемлющихъ священство.

4. Третій округъ съ четырнадцатью хуторами и однимъ скитомъ, въ немъ: 1539 д. муж. п. 1674 жен. п. Единовѣрцевъ, 1270 м. п. и 1278 ж. п. пріемлющихъ священство.

II. Сакмарская станица занимаетъ весь отрѣзъ земли, по рѣкѣ Сакмарѣ, въ Оренбургской губерніи, ее составляютъ Сакмарскій городокъ, пять хуторовъ, два выселка: Янгизскій и Гребенской, и одна зимовка.[1]) Жителей христіанскаго исповѣданія: 1434 д. муж. п. и 1617 жен. пола.

III. Илецкая станица занимаетъ весь отрѣзокъ по нижнему теченію рѣки Илека и по самому Уралу на небольшое протяженіе. Въ ней находятся: Илецкій городокъ[2]), шесть форпостовъ[3]): Затонный, Сухорѣчинскій, Озерной, Киндалинскій, Студенскій и Мухрановскій и десять хуторовъ. Эта станица подраздѣляется на три отдѣла: 1. Илецкій городокъ, 2. Внутренняя дистанція и 3. Ново-Илецкая дистанція. Жителей въ станицѣ: 4466 д. муж. п., и 4428 жен. п.

IV. Верхняя дистанція начинается отъ границы Илецкой станицы и тянется по рѣкѣ Уралу до округа города Уральска. Ее составляютъ десять форпостовъ: Гниловскій, Рубежинскій, Генварцевъ, Кирсановскій, Благодарный, Царевичевъ и Царско-Никольскій, Жителей 2682 д. муж. п., 1745 жен. п.

V. Средняя дистанція тянется по берегу Уралу отъ границы города Уральска до Калмыковской крѣпости. Здѣсь считается четырнадцать форпостовъ, начиная отъ Кругло-озернаго до Котельнаго, и двѣ крѣпости: Сахарная и Калмыковская. Жителей христіанскихъ 5630 д. муж. п. и 5888 жен. п.

VI. Нижняя дистанція тянется по берегу рѣки Урала отъ границы Средней дистанціи до Гурьева городка. Ее составляютъ пять крѣпостей: Горская, Кулагинская, Тополинская, Бакайская и Сарайчиковская и одиннадцать форпостовъ по самому Уралу, начиная отъ Красноярскаго до Кандауровскаго. Жителей 2444 муж. п. и 2533 жен. п.

VII. Гурьевъ городокъ, къ этому относится какъ самый Гурьевъ городокъ, такъ и пространства, занимаемыя ниже его устьями Урала безъ всякихъ однако жъ селеній. Жителей 886 муж. п., 930 жен. п.

---

[1]) Выселокъ, какъ самое слово показываетъ, есть вновь заведенное селеніе изъ прежнихъ многолюдныхъ селеній.

[2]) Городокъ—то же, что городъ, безъ приписной къ нему земли.

[3]) Форпостъ, по мѣстному выговору фа́рпостъ, селеніе по берегу рѣки, имѣвшее въ старину военное значеніе.

VIII. Внутренняя Уральская линія занимаетъ полосу земли по рр. Узенямъ между среднею дистанціею и степью Букеевскихъ Киргизовъ, ограничиваясь съ юга Нижнею дистанціею и Камышъ-Самарскими озерами, а съ сѣвера Новоузенскимъ уѣздомъ, Самарской губерніи. Этотъ отдѣлъ составляетъ семь форпостовъ: Кызылъ-Абинскій, Кармановскій, Глиненскій, Мокренскій, Абинскій и Таловскій, три хутора и 174 кибитки[1]). Жителей 614 д. муж. п. и 590 жен. п.

IX. Чижовская дистанція занимаетъ сѣверо-западную полосу войсковой земли, въ ней три форпоста, одинъ кордонъ, два хутора, одинъ уметъ и четырнадцать зимовокъ. Жителей 426 д. муж. п. и 466 жен. пола.

Примѣчаніе. Изъ сихъ городовъ и крѣпостей одни, какъ-то: Гурьевъ и Уральскъ явились еще въ XVII вѣкѣ, другія, напримѣръ, Илецкая и Сакмарская—въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, третьи—Кулагинская и Калмыковская вообще въ половинѣ XVIII, четвертыя—большею частію во второй половинѣ того же столѣтія.

* * *

Казачество вездѣ и всегда, гдѣ только появлялось, большею частію или даже окончательно оставалось при тѣхъ формахъ раскола, какія явились въ XVII вѣкѣ. Уральское казачество въ свою очередь, какъ сказано выше, такъ же образуетъ собою расколъ подъ благовиднымъ названіемъ „старой вѣры“. До настоящаго столѣтія не было ни одной православной церкви между Уральцами. Обитавшія между ними въ самомъ незначительномъ количествѣ православныя чада церкви и то по происхожденію непринадлежавшіе къ казачеству должны были за двѣсти и болѣе верстъ обращаться къ православнымъ пастырямъ въ своихъ духовныхъ нуждахъ. Только вслѣдствіе неусыпныхъ мѣръ правительства и епархіальнаго начальства, расколъ началъ смягчаться и обнаруживать первые опыты къ сближенію съ православною церковію. Это сближеніе обнаруживалось и обнаруживается: 1) главнымъ и преимущественнымъ образомъ въ принятіи Уральцами единовѣрія, 2) частію въ переходѣ ихъ въ православную церковь.

1. До настоящаго столѣтія, даже въ первой четверти его, на всей осѣдлости Уральцевъ, простирающейся до 7,000,000 десятинъ земли, всего было только семь единовѣрческихъ церквей. Трудами и усердіемъ архипастырей Оренбургскихъ въ 1837 году образовались еще три,

[1]) Кибитка, переносный домъ, шатеръ кочевого человѣка.

изъ которыхъ, впрочемъ, одна въ самомъ Уральскѣ переименована въ православную во имя Благовѣрнаго князя Александра Невскаго.[1])

До 1842 году успѣхи единовѣрія ограничивались присоединеніемъ отдѣльныхъ лицъ или частныхъ семействъ. Въ этомъ же году, вознаградившемъ труды многихъ прежнихъ лѣтъ, обращались къ единовѣрію не отдѣльными уже семействами, а цѣлыми станицами. Въ одномъ Уральскѣ до 800 раскольниковъ изъявили желаніе принять единовѣріе. По распоряженію Святѣйшаго Сунода, для нихъ тогда же назначенъ особый священникъ и отпущена сумма для передѣлки церкви. Всего же между Уральцами въ этомъ году оставило заблужденія 5396 человѣкъ.[2])

Въ 1843 году вновь обратилось 241 чел. Въ 1844 году къ 800 Уральскихъ единовѣрцевъ присоединились еще 2617 человѣкъ, со времени опредѣленія къ нимъ священниковъ. Въ 1846 г. 336 ч., съ 1848 г. 301 ч., въ 1849 г. 35 ч. вновь оставили заблужденія и присоединились къ Св. Церкви на правахъ единовѣрія.[3])

Такимъ образомъ, гдѣ искони былъ пріютъ раскола, видимъ большее и большее ослабленіе его, и можетъ быть, не далеко то время, когда заблудшія чада церкви всѣ соединятся съ нею и притекутъ подъ ея материнскій покровъ.

Нынѣ[4]) въ землѣ Уральскихъ казаковъ единовѣрческихъ церквей считается шестнадцать; при нихъ прихожанъ мужескаго пола до 26,417 и женскаго 27,891. Въ 1850 г. число единовѣрцевъ простиралось до 19,000 мужескаго пола. Такимъ образомъ въ послѣдніе пять лѣтъ церковь пріобрѣла между Уральцами болѣе 6000 новыхъ чадъ. Дай Богъ, чтобы и остальные, коснѣющіе еще въ расколѣ, скорѣе возчувствовали свое заблужденіе и снова возвратились подъ материнскій кровъ святой православной церкви.[5])

2. До тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія между Уральцами не было ни одной православной церкви. Преосвященный Аркадій, бывшій епископъ Оренбургскій,[6]) во время посѣщенія ввѣренной имъ епархіи и между прочимъ Самого Уральска, съ горестію замѣтилъ, что находящіеся въ самомъ городѣ православные сыны Церкви не

---

[1]) Изъ дѣлъ консисторіи.

[2]) Отчетъ консисторіи за 1842 г. и отчетъ оберъ-прокурора за тотъ же годъ.

[3]) Отчеты консисторіи и оберъ-прокурора за соотвѣтствующіе годы.

[4]) Т. е. въ 1857 году, когда составлена эта записка.—П. Ю.

[5]) Цифры заимствованы изъ клировыхъ вѣдомостей Оренбургской консисторіи.

[6]) Пресв. Аркадій (Ѳедоровъ), изъ архимандритовъ Пинскаго монастыря Минской губерніи, правилъ Оренбургско-Уфимск. епархіей съ 1829 по 1831 г., перемѣщенъ архіепископомъ въ Пермь.—П. Ю.

имѣютъ куда обратиться для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, потому что самая ближайшая отъ Уральска православная церковь отстояла слишкомъ на полтораста верстъ. Два раза по этому случаю преосвященный входилъ въ Св. Сѵнодъ съ представленіемъ о необходимости устроенія въ Уральскѣ хотя одной православной на ряду съ единовѣрческими церквами.

10 Ноября 1830 года указомъ Св. Сѵнода разрѣшено устроить православную церковь въ городѣ Уральскѣ сперва въ удобномъ для сего зданіи, съ подвижнымъ антиминсомъ. Такое опредѣленіе Св. Сѵнода тогда же и было приведено въ исполненіе. Между тѣмъ и сами Уральцы, движимые благочестивымъ чувствомъ, ходатайствовали предъ преосвященнымъ о переименованіи въ православную во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго одной изъ единовѣрческихъ церквей, возводимыхъ въ г. Уральскѣ еще съ 1831 года. Благочестивое желаніе было исполнено. Въ 1837 году въ присутствіи нынѣ царствующаго Государя Императора, тогда наслѣдника престола, совершена закладка новаго собора: собственными руками Августѣйшій первенецъ Императорскаго дома положилъ первый камень для новоустрояемаго храма.[1]) Въ 1850 году совершено и самое освященіе преосвященнымъ Іосифомъ, бывшимъ епископомъ Оренбургскихъ и Уфимскимъ[2]).

Нельзя не передать въ нѣсколькихъ словахъ событія самого освященія.—Весь народъ заранѣе еще ожидалъ сего торжества и съ радостью привѣтствовалъ пріѣздъ преосвященнаго, прибывшаго изъ Уфы чрезъ Оренбургъ къ Уральцамъ и объявившаго, что кромѣ освященія собора, онъ, по уставу, совершитъ всенощное моленіе и священную литургію по старымъ книгамъ и по древнимъ обычаямъ. Время, предшествовавшее этому событію, благочестивые Уральцы посвятили на поклоненіе архипастырю и на принятіе отъ него благословенія. Наплывъ народа около дома преосвященнаго былъ чрезвычайный: и уральскіе горожане, и жители сосѣднихъ и дальнихъ селеній стекались сюда толпами, чтобы взглянуть на архипастыря и возблагодарить его какъ за поставленіе имъ въ единовѣрческіе свя-

---

[1]) Императоръ Александръ Николаевичъ, во время своего путешествія по Россіи, еще Царевичемъ, посѣтилъ Уральскъ 16 Іюня 1837 г. и заложилъ Александро-Невскій соборъ.—П. Ю.

[2]) Преосв. Іосифъ, бывшій до того епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, правилъ Оренбург. епархіей съ 1849 по 1853 г., отсюда перемѣщенъ архіепископомъ воронежскимъ. При немъ состоялось тамъ обрѣтеніе мощей св. Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго.—Преосв. Іосифъ скончался на покоѣ въ Воронежск. Благовѣщенск. монастырѣ—П. Ю.

щенники одного изъ служивыхъ казаковъ, такъ и за духовное торжество, совершеніе котораго всѣ ожидали.

Въ старомъ Соборѣ[1]), гдѣ совершалась всенощная, стеченіе народа было чрезвычайное. Церковь полна была казаками, паперть, вся ограда и часть улицы кипѣла толпами богомольцевъ, занятыхъ и новостію зрѣлища, и великолѣпіемъ архіерейскаго служенія, и продолжительностію церковной службы, которая, начавшись въ 6 часовъ вечера, едва была окончена къ полуночи.

На массу народа эта продолжительность имѣла огромное нравственное вліяніе, особенно сильно подѣйствовала она на вѣрныхъ преданіямъ старины матерей семействъ, значеніе которыхъ на молодое поколѣніе весьма важно. Дай Богъ, чтобы это впечатлѣніе подвигло ихъ полному соединенію съ православною церковію! Между тѣмъ залогъ такого соединенія можетъ служить, кромѣ высказывающаго въ уральцахъ расположенія къ единовѣрію, нѣкоторое стремленіе ихъ, замѣчаемое въ послѣднее время, къ распространенію среди себя плодовъ образованія и просвѣщенія.

Выше имѣли мы случай замѣтить, что въ уральской землѣ многое до сихъ поръ дышетъ еще семнадцати-вѣковою Россіею. Между тѣмъ, несмотря на это, требованія вѣка и времени не осталось безъ вліянія и на нихъ. Во многихъ семействахъ уже замѣчается склонность къ усвоенію себѣ плодовъ современной образованности. Конечно, попытки эти еще очень незначительны, но и малое въ началѣ своемъ можетъ обѣщать богатые плоды въ будущемъ.

Въ настоящее время для образованія юношества существуетъ въ Уральскѣ войсковое училище, которое можетъ быть поставлено въ уровень съ средними классами нашихъ гимназій; число учениковъ достигаетъ иногда до 100. Кромѣ того, для Уральцевъ предоставлено нѣсколько вакансій: въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ корпусѣ—30 вак., столичныхъ корпусахъ 6, Московскомъ Коммерческомъ училищѣ 3, мѣстной[2]) духовной семинаріи для дѣтей Уральскаго единовѣрческаго духовенства 10.

Послѣднее обстоятельство есть слѣдствіе состоявшагося предположенія преосвященнаго Аркадія, который еще въ 1829 году употреблялъ съ своей стороны мѣры къ убѣжденію единовѣрческихъ священниковъ о дозволеніи своимъ дѣтямъ получать воспитаніе въ духовныхъ училищахъ, котораго до сихъ поръ они не имѣли.

---

[1]) Михайловскомъ.—П. Ю.

[2]) Т. е. Уфимской.—П. Ю.

Сверхъ сихъ училищъ, по мысли бывшаго военнаго Оренбургскаго губернатора Обручева[1]), учреждено въ самомъ Оренбургѣ дѣвичье училище для образованія дочерей Уральцевъ[2]).

Припоминая то, что было за нѣсколько лѣтъ предъ симъ между Уральцами, какъ непривѣтливо смотрѣли они на все, сколько нибудь отзывающееся просвѣщеніемъ, нельзя не признать, что учрежденіе дѣвичьяго училища составляетъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ образованія Уральцевъ. Пусть до времени истые Уральцы и Уралки чуждаются всего, что сколько нибудь отзывается образованіемъ, и въ своей внутренней жизни стараются подражать временамъ до-Петровской Руси,—въ настоящее время много значитъ и то, что начало доброму дѣлу уже положено и нѣтъ сомнѣнія, что время рано или поздно возьметъ свое.

II.

Второй отдѣлъ Оренбургской епархіи составляетъ край, собственно Уфимскій, въ составъ котораго входятъ уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Белебеевскій, Стерлитамацкій. По географическому своему положенію, характеру и способу населенія, этотъ отдѣлъ имѣетъ свои отличія сравнительно съ Уральскимъ краемъ. Въ послѣднемъ населеніе представляетъ сплошную, однохарактерную массу жителей, держащихся однихъ и тѣхъ же религіозныхъ вѣрованій, обычаевъ и своего рода частнаго управленія. При существованіи общаго законодательства гражданскаго, эта масса колонизовала занятую ею мѣстность не отдѣльными единицами или семействами, а цѣлою группою и почти одновременно. Потому и расколъ, котораго держится эта масса, имѣетъ свой общій единичный характеръ и почти остался въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ онъ на первомъ мѣстѣ своего появленія, на берегахъ Дона. Уфимскій же край заселялся постепенно и разновременно; насельники его перешли не изъ одной какой либо общей имъ мѣстности, а изъ разныхъ губерній Россіи. Потому и расколъ, заразившій нѣкоторыхъ жителей этого края, имѣетъ разныя формы, смотря по тому, изъ какихъ мѣстъ онъ заселенъ переселенцами.

Вслѣдствіе разновременности переселенія, происходившаго при томъ не цѣлыми массами, а отдѣльными семействами, и историческій ходъ раскола не можетъ быть доказанъ несомнѣнными историческими данными. Единственнымъ источникомъ возникновенія и распростране-

---

[1]) Ген.-отъ инфан. Владиміръ Афанасьевичъ, съ 1842 по 1851 г.—П. Ю.

[2]) Нынѣ Николаевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Оренбургѣ.—П. Ю.

нія раскола могутъ служить только церковныя записи и отрывочныя свѣдѣнія официальныхъ актовъ, пока еще не разобранныхъ и въ настоящее время только еще разбираемыхъ.

Первое звено христіанскаго населенія Уфимскаго и вообще Оренбургскаго края положено въ Уфѣ. Несомнѣнно то, что между 1573 и 1586 гг. Уфа уже была заселена, укрѣплена и снабжена военною охраною.[1]) Первые жители ея были частію изъ великороссійскихъ городовъ, частію изъ польской шляхты, частію изъ стрѣльцовъ.[2]) Въ 1584 г. здѣсь уже существовалъ храмъ во имя Казанскія иконы Божіей Матери,[3]) вскорѣ перестроенный и освященный во имя Смоленской иконы Божіей Матери.[4])

Въ слѣдъ за Уфою, по теченію рѣки Бѣлой, были заселены слѣдующія мѣста: 1) Красный Яръ (въ 20 верст. отъ Уфы) въ 1618 году[5]) и имѣвшій въ 1635 г. въ своемъ составѣ такъ называемыхъ дворцовыхъ крестьянъ; 2) Бирскъ въ 1647 г., 3) Богородицкое село въ томъ же году, 4) Дуванеи въ 1655, 5) Монастырскіе Дуванеи и 6) Сорвиха въ 1678 году.

Около того же времени началась русская колонизація и по другой системѣ, р. Камѣ. Такъ въ 1586 г., между прочимъ, положено начало нынѣшнему Мензелинску, первоначальные жители котораго, какъ и г. Уфы, состояли изъ конныхъ стрѣльцовъ.[6]) Въ половинѣ XVII вѣка заселенъ и нынѣшній Стерлитамакъ и нѣкоторыя другія мѣста, число которыхъ, однако жъ, очень незначительно.

Къ этому же времени, по крайней мѣрѣ приблизительно, можно относить и первое появленіе здѣшнихъ раскольниковъ. Въ половинѣ XVII в., когда расколъ составлялъ уже отдѣльное общество, видимо отдѣлившееся отъ церкви и враждебное ей, сѣмена раскола, по всей вѣроятности, были занесены и сюда. Такъ должно заключить изъ того, что значительную часть вышеуказанныхъ поселеній составляли, между прочимъ, стрѣльцы, которые, какъ извѣстно исторически, всегда были жаркими приверженцами раскола. Само собою разумѣется, что въ XVII в. расколъ не былъ и не могъ быть еще значителенъ въ здѣш-

---

1) Основателемъ города почитается Иванъ Нагай. См. Описан. Сибир. Царст. Миллера, стр. 77—84; Рычковъ II, 193; Карамзинъ, X, 40.

2) Рычковъ, II, 198—199. Акты Истор. т. II, 4. См. также копію съ грамоты въ Оренб. удѣльной конторѣ. Въ грамотѣ 7155 (1647) г. упоминаются Уфимскіе стрѣльцы, напр., Смиряшка, Кирилловъ, Зубцовъ и др.

3) Уфимскій лѣтописецъ въ „Оренб. Губ. Вѣдомостяхъ“ 1852 г., № 21.

4) Тамъ же. Храмъ построенъ въ 1616 г.

5) Частная грамота 1741 г., хранящаяся у одного крестьянина Краснаго Яра.

6) Журн. Мин. Вн. дѣлъ, 1850, 1 кн.

немъ краѣ, когда и самое христіанское населеніе было еще вообще немногочисленно здѣсь. Но въ XVIII в., когда край началъ болѣе и болѣе заселяться и когда сюда начали приходить жители изъ разныхъ областей Россіи, и расколъ сталъ принимать болѣе значительные размѣры. Посему въ XVIII в. сѣмена раскола дѣлаются явственными какъ въ мѣстахъ, заселенныхъ въ предыдущее столѣтіе, такъ и въ другихъ, получившихъ начало только въ этомъ столѣтіи.

А) Въ самой Уфѣ раскольники находились хотя и въ незначительномъ количествѣ,—они были двухъ сектъ: ѳеодосіевцы и перекрещиванцы. Таковы же раскольники имѣлись въ Красномъ Яру, селѣ Богородскомъ и Дуванеяхъ. Сѣмена раскола въ сихъ мѣстахъ, по всей вѣроятности, посѣяны стрѣльцами.

Б) Въ первыхъ годахъ XVIII вѣка организовалось село Лавочное; поселенія: Важнино, Тарабердино, Медвѣдерова, Баскакова, Кадомцовъ, Каминская, Чесноковка—возникли въ первой половинѣ XVIII в., Касимово, Юрмашъ, Березовка, Каллиники, Благовѣщенскій заводъ—во второй половинѣ того же вѣка; заводы: Симскій, Катавъ-Ивановскій, Усть-Катаевскій, Юрязанскій и нѣкот. друг. въ первой половинѣ того же столѣтія.

Жители въ нихъ были переселены большею частію изъ внутреннихъ нынѣшнихъ губерній: Московской, Владимірской, Симбирской, Казанской, Пензенской.

Въ Бирскомъ уѣздѣ Еладянская крѣпость заселилась въ 1735 г., Касево, Гребени, Печенкино въ началѣ второй половины столѣтія. Въ уѣздѣ Стерлитамацкомъ: Табынскій пригородъ въ 1728, Воскресенскій заводъ въ 1745 г., заводы: Богоявленскій, Архангельскій, Верхотурскій, Авзяно-Петровскій—въ началѣ второй половины вѣка; селенія: Кучанакъ, Левашево, Васильевка—во второй половинѣ столѣтія; куда поселенцы переведены изъ губерній: Калужской, Тульской, Орловской и Нижегородской.

Въ Белебеевскомъ уѣздѣ: самый городъ Белебей возникъ въ первой половинѣ XVIII в., Нагайбакская крѣпость въ 1736 г., Бакалы около 1750 г., Надеждино и Верхне-Троицкій заводъ въ 1759 г., съ поселенцами изъ уѣздовъ: Чебоксарскаго, Васильсурскаго, Козмодемьянскаго, Балахновскаго, Юрьевецкаго и заводовъ Демидовскихъ и Юговскихъ.

Въ Мензелинскомъ уѣздѣ: Шильны, Налимъ, Круглое поле, Елань, Березовые челны, Мысовые челны—основались въ первой половинѣ, Соболькова, Сухарева, Орловская—во второй половинѣ XVIII в.

Въ большей части этихъ селеній тогда же началъ распространяться расколъ, занесенный сюда выходцами изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Въ губернскомъ городѣ Уфѣ были и находятся раскольники поморской (безпоповщинской) секты въ приходахъ Покровской церкви, частію—Успенской. Въ послѣднемъ особенно распространены ѳедосіевцы и перекрещиванцы, которыхъ въ одной пригородной слободѣ Нижегородкѣ ранѣе числилось болѣе 500 душъ мужескаго и женскаго пола, а теперь гораздо болѣе.

Въ Уфимскомъ уѣздѣ раскольники распространены въ приходѣ с. Вознесенскаго или Чесноковкѣ, Юрмашѣ Богородскомъ, Максимовкѣ, Белегесѣ. Въ Дуванеяхъ расколъ, появившійся еще въ концѣ XVII в., поддерживается нынѣ преимущественно благовѣщенскими раскольниками. Тогда же проникъ расколъ и въ с. Красный Яръ. Въ заводѣ Благовѣщенскомъ распространился онъ вслѣдствіе коммерческихъ сношеній заводскихъ крестьянъ съ Москвою и Нижнимъ-Новгородомъ. Главнымъ расколоучителемъ былъ (въ 1780 г.) помѣщичій крестьянинъ Муликовъ, вышедшій изъ Рязанской губерніи, который поддерживалъ поповщинскій толкъ, устроивъ тамъ часовню. Кромѣ него, какой то уфимскій казакъ распространялъ въ заводѣ поморщину. Такая же молельня основана въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія въ дер. Начаткиной. Заводъ Усть-Катавскій позаимствовалъ раскольниковъ изъ внутреннихъ губерній. Около конца того же вѣка заразился сектанствомъ Кашевъ-Ивановскій заводъ, благодаря вліянію раскольниковъ заводовъ Саткинскаго и Златоустовскаго. Юрязанскій зав. Сакіази-Мясогутова и Ярославки наводнили лжеученіемъ пермяки и тобольскіе переселенцы. Тастуба и Дуванеи пожились расколомъ отъ переселенцевъ Кунгурскаго уѣзда, а Метели изъ Пермской губ. Тѣмъ же духомъ были заражены Юрматъ, Озерная, Кошелевка, Круши, Любаева, Ново-рождественская, Первушина, Карчинскій и Максимовскій починки.

Въ нынѣшнее время расколъ по г. Уфѣ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ уѣзда имѣетъ главную поддержку въ уфимскомъ купцѣ Калмацкомъ, который для поддержанія лжеученія не щадитъ ни труда, ни времени, ни денегъ.

Прочно укрѣпилось сектантство и во многихъ селеніяхъ Бирскаго уѣзда. Елдянская крѣпость заразилась расколомъ почти съ самыхъ первыхъ дней основанія ея около 1735 г., гдѣ въ 40-хъ гг. нынѣшняго (т. е. XIX) столѣтія главнымъ вѣроучителемъ былъ мѣщанинъ Поповъ. Въ дер. Казинцеву, Ижбулатову, Киргизки, Карачево, Андреевку, Аксину и Артакуль занесены сѣмена раздора въ 1780 г. изъ

Пермской губерніи; въ зав. Біявшевскій—изъ Верхотурья въ 1815 г., въ Ключи—въ 20-хъ гг. нынѣшняго вѣка между старовѣрами Касевой и Березовки были скопцы.

Уѣздъ Стерлитамацкій имѣлъ зараженными слѣдующія поселенія: самый гор. Стерлитамакъ, гдѣ расколъ существовалъ уже въ концѣ прошлаго (т. е. XVIII) столѣтія. Главными расколоучителями здѣсь были мѣщане Ряхины. Въ с. Куганакъ появился онъ послѣ Пугачевщины около 1790 г., занесенный какимъ то бѣглымъ чернецомъ Іосифомъ. Въ прежней крѣпости Табынской были раскольники съ самаго ея существованія въ 1728 г. Тутъ укрѣпленію раскола способствовалъ своимъ вліяніемъ, связями, богатствомъ и „извѣстностью правительству“ первый основатель крѣпости балахновскій купецъ Иванъ Утятниковъ. Распространителемъ раскола въ Васильевѣ былъ Стерлитамакскій мѣщанинъ Ряхинъ, внушеніями котораго были увлечены и крестившіеся мордвины. Въ заводахъ Воскресенскомъ, основ. въ 1745, Архангельскомъ въ 1753 и Верхотурскомъ,—около 1764 г., заводчиками Твердышевымъ и Пустынниковымъ[1]) расколъ появился въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Заводъ Авзяно-Петровск., осн. гр. Шуваловымъ въ 1653 г., и сел. Садеевки и Рѣзановка были заселены православными выходцами изъ губерніи Симбирской; большею частію крестившіеся мордвины, но вышеуказанный Ряхинъ заставилъ ихъ уклониться въ расколъ и сдѣлаться жаркими его послѣдователями.

Въ гор. Белебей, крѣпость Нагайбакскую[2]) и заводы Верхне-Троицкій и Нижне-Троицкій проникъ расколъ изъ Иргизскихъ монастырей помощью бѣглыхъ монаховъ, проживавшихъ между жителями около 1800 г. Существовали раскольники и въ Усть-Ивановскомъ заводѣ.

Такимъ образомъ, видно изъ этого перечня, что расколъ распространялся въ Уфимскомъ краѣ тремя путями: сначала стрѣльцами, потомъ переходомъ туда переселенцевъ изъ внутреннихъ и смежныхъ губерній и наконецъ нарочитыми лжеучителями и лжемонахами, здѣсь скрывавшимися.

Конечно, перечень этотъ далеко не полонъ, потому что имѣлось въ виду ограничиться пока древнѣйшими мѣстностями, зараженными расколомъ. Между тѣмъ опущены многія мѣста, гдѣ расколъ однако жъ

---

[1]) Въ „Справоч. книж. Уфимс. губер.“ 1883 г., стр. XII, Верхотурскій заводъ показанъ основан. въ 1759 г. купцами Твердышевымъ и Мясниковымъ.—П. Ю.

[2]) Нагайбаками называются тамъ крещеные инородцы, обыкновенно же калмыки.—П. Ю.

существуетъ, потому что появленіе его тамъ относится къ недавнему времени.

По вѣдомостямъ гражданскаго губернатора за 1838 г. раскольниковъ показывалось: въ г. Уфѣ, четырехъ заводахъ, десяти селахъ и осьми деревняхъ этого уѣзда разныхъ сословій 321 м. п., 367 ж. п. и помѣщичьихъ крестьянъ 820 м. и 1040 ж. п.; въ 6 селахъ и 19 деревн. уѣзда Бирскаго разн. сословій 403 муж. п. и 501 ж. п.; Стерлитамакѣ, одной крѣпости, 3-хъ заводахъ и 11 деревняхъ, разныхъ сослов. 154 м. п. и 180 жен.; помѣщичьихъ кр-нъ 360 м. и 388 ж. п.; г. Белебеѣ, 3-хъ заводахъ и одной дерев. первыхъ 48 м. и 56 ж. п., послѣднихъ 1763 м. 1860 женщ.; и наконецъ, въ 1 селѣ и 1 дерев. Мензелинск. у. было сектантовъ 52 м. п. и 68 жен.

Но и эти цифры далеко не вполнѣ точно опредѣляютъ численность приверженцевъ раскола, ибо по другимъ отчетамъ за то же приблизительно время ихъ показывается гораздо больше, напр. въ Уфимск. у. послѣдователей секты поповщинской 821 м. и 1014 ж. п. и безпоповщинской 382 м. и 421 жен., а въ Стерлитамацкомъ первыхъ 82 и 58, вторыхъ 629 и 700 душъ[1]).

III.

Третій отдѣлъ Оренбургской епархіи составляетъ край за-Уральскій или, по мѣстному выраженію, Сибирскій, съ уѣздами Челябинскимъ, Троицкимъ и Верхнеуральскимъ. Исторія представляетъ и здѣсь тотъ же способъ распространенія Св. Вѣры, какой и въ Уфимскомъ краѣ. Начало переселеній въ него принадлежитъ частію XVII, но большею частію XVIII вѣку.

Переселенцы были главнымъ образомъ изъ смежной за-Уральской же части Пермской губерніи, въ которой, сколько извѣстно, по рр. Турѣ, Нейвѣ, Ницѣ, Пышмѣ и Исети[2]) еще въ концѣ XVI вѣка, слѣдовательно, гораздо ранѣе, чѣмъ въ за-Уральномъ краѣ обосновалась русская власть, русскіе города и селенія, а съ ними и христіанство.

Р. Исеть беретъ свое начало собственно въ Пермской губерніи,[3]) но въ своемъ теченіи она обнимаетъ значительную часть нынѣшняго Челябинскаго уѣзда. По общему духу русской колонизаціи, слѣдовав-

[1]) На этомъ, къ сожалѣнію, кончается описаніе раскола 2-й части Оренб. епархіи. Повидимому, конецъ кѣмъ то вырванъ.—П. Ю.

[2]) Это новое подтвержденіе прежде высказанной мысли, что русскія поселенія всегда слѣдовали теченію рѣкъ.

[3]) Именно въ 20 вер. выше Екатеринбурга.

шей въ своемъ распространеніи по теченію рѣкъ, естественно, что русскія поселенія должны были явиться и въ этомъ уѣздѣ.

По справкамъ, заимствованнымъ изъ прежней Исетской канцеляріи, въ 1650 году былъ построенъ такъ называемый Исетскій острогъ[1]). Вслѣдствіе удобства мѣстоположенія и богатства земли, остававшейся почти пустою, здѣсь явились много переселенцевъ какъ изъ Пермской, такъ и изъ другихъ губерній. Въ половинѣ XVIII столѣтія въ острогѣ этомъ упоминаются двѣ церкви: одна во имя Богоявленія Господня, другая—Казанской ик. Божьей Матери. Чрезъ 10 лѣтъ по теченію Исети устроенъ еще острогъ Мехонскій съ церковію во имя Рождества Богородицы.[2]) Въ 1671 году положено основаніе новому Красногорскому острогу. Около того же времени являются слободы: Башкильская, основ. въ 1668 г., Терсготская—въ томъ же году и Игналинская въ 1676 г. При всѣхъ этихъ слободахъ и острогахъ въ XVII стол. значатся церкви и, какъ видно, было довольно многочисленное населеніе. Въ 1670 г. видимъ населеніе не по Исети только, но и по Міасу, рѣкѣ уже собствено принадлежащей Челябинскому уѣзду. Такова—Усть-Міясская слобода, застроенная въ 1640 году.

Въ XVIII вѣкѣ заселеній является больше. Въ первой четверти основалась слобода Воскресенская, гдѣ, подъ веденіемъ Тобольской іерархіи, было учреждено Духовное Правленіе, существовавшее до 1783[3]), коему было подчинено пятнадцать церквей въ острогѣ Окуневскомъ, Куртамышевскомъ пригородѣ, слободахъ: Чумляцкой, Таловской, Каминской, Воскресенской, Карачельскомъ форпостѣ и селахъ: Баклиномъ, Кислянскомъ, Петровскомъ, Долговскомъ, Птичьемъ, Леневѣ, Песчанскомъ и Введенскомъ.

Острогъ Окуневскій предполагалось заселить еще въ 1576 г.; но застроили его лишь въ первыхъ годахъ XVIII стол. Первоначальные жители въ немъ состояли изъ вольныхъ людей сибирскихъ и нѣкоторыхъ великороссійскихъ городовъ. Въ зависимости отъ него находились: форпостъ Карачельскій, засел. въ 1743 г., слободы: Чумляцкая, Теченская, Песчанская, Буткинская, Таловская (1747 г.), Каминская (1749 г.) и Куртамышевскій пригородъ (зас. въ 1745 году главнымъ образомъ переселенцами изъ Пермской губер.), съ дистриктомъ того же имени.

---

[1]) Рычковъ, II, 158.

[2]) Тамъ же.

[3]) Это видно изъ дѣлъ Челябинскаго духовн. правленія за 1783 родъ.

Второй разрядъ поселеній составляютъ крѣпости, причисленныя къ Уйской линіи: Челябинская (нынѣ уѣздный городъ), основаніе коей относится къ 1736 году, и Міясская съ церковію во имя пророка Иліи, основ. почти одновременно съ предыдущей, Эткульская, Чебаркульская, Уйская, Коельская, Санарская и Кигина. Всѣ онѣ уже существовали въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Въ уѣздѣ Челябинскомъ находился еще дистриктъ Увельскій съ подчиненными ему слободами Кундравинской, засел. въ 1758 г., Верхнеувельской—1751 г. и Нижне-Увельской—1749 г.

Къ третьему разряду заселеній должно отнести крѣпости собственно Уйской линіи: Верхне-Яицкую[1]), засел. еще въ 1734 г., Уклы-Карагайскую 1735 г., Петропавловскую, Степную, Троицкую съ 1743 г., переименованную указомъ 1784 г. въ уѣздный городъ,[2]) Каракульскую, Крутоярскую, Усть-Уйскую и Звѣриноголовскую. Послѣднія получили свое начало также въ первой половинѣ XVIII стол. и во всѣхъ ихъ тогда же были учреждены церкви.

Какъ замѣчено выше, первоначальными жителями ихъ были переселенцы изъ Пермской и другихъ губерній. На что указываютъ существующія до сихъ поръ между крестьянами фамиліи—Кандиковыхъ, Ладыгиныхъ (Вологодск. губ.), Пинегиныхъ (Архангельской), Усть-осининыхъ (Пермс.) и т. д. Однако на ряду съ православными сынами церкви, сюда попадались нерѣдко и раскольники.

Къ тому же времени относится заселеніе и другихъ мѣстностей за-Уральскаго края, какъ напр. нынѣшняго округа Златоустовскихъ заводовъ и нѣкоторыхъ линейныхъ крѣпостей Троицкаго и Верхнеуральскаго уѣздовъ до р. Илека. Во всѣхъ ихъ христіанское населеніе появилось не ранѣе XVIII столѣтія, преимущественно около половины его.

Въ 1736 г. указомъ, даннымъ ген.-лейтенанту Румянцеву, велѣно было часть башкирскихъ земель укрѣпить за мещеряками, въ вознагражденіе ихъ вѣрности престолу, сохраненной ими во время бывшихъ передъ тѣмъ башкирскихъ возмущеній. Въ то же время разрѣшено покупать башкирскія земли и дано право основывать на нихъ заводы для произведенія горныхъ работъ. Этимъ правомъ не замедлили воспользоваться многіе русскіе промышленники и капиталисты, которыхъ давно привлекали богатства, скрытыя въ нѣдрахъ Урала и сдѣлавшіяся извѣстными со временъ Великаго Петра. Тульскіе купцы Мосоловы, по указанію башкирскихъ старшинъ, отыскали мѣста прежнихъ чуд-

[1]) Нынѣ уѣзд. городъ Оренбург. губ. Верхнеуральскъ.—П. Ю.

[2]) Указъ хранится въ (Уфимск.) губернск. правленіи.

скихъ разработокъ и въ 1751 г., заключивъ съ этими старшинами условія на владѣніе землями, выслали туда десять своихъ крестьянъ съ однимъ приказчикомъ для первоначальнаго занятія пріобрѣтенныхъ мѣстъ, и заготовленія матеріаловъ, нужныхъ для возведенія завода. Это были первые христіане, поселившіеся въ нынѣшнемъ Златоустовскомъ округѣ.

Слѣдомъ за возникновеніемъ первыхъ заводовъ были заведены деревни Кувшинская и нынѣшній заводъ Міясскій одновременно въ 1761 г.

Въ 1758 г. въ смежности съ ними графъ Строгановъ основалъ заводъ Саткинскій. За нимъ въ 1770 г. возведенъ на границѣ Пермской губерніи Артынскій. Оба вмѣстѣ съ Златоустовскими заводами перешли потомъ во владѣніе купца Лушнина и были совершенно разорены и разрушены во время Пугачевскаго бунта въ 1774 году.

Послѣ усмиренія мятежа немногіе жители снова начали собираться на пепелищахъ прежнихъ жилищъ. Возобновили производство только заводы Златоустовскій и Саткинскій, гдѣ были построены новыя церкви. Въ 1776 году возстановленъ заводъ Міясскій, вновь переселенными въ него 796 выходцами изъ губерній Тульской и Орловской. Въ 1787 г. основался заводъ Кусинскій, первоначальные жители котораго 300 душъ были переселенцы изъ Тульской и Костромской губерній. Въ 1791 г. число поселенцевъ насчитывалось уже въ Златоустовскомъ 1971 д., Саткинскомъ 1361, Міясскомъ 691, Кусинскомъ 460 душъ муж. пола. Съ 1811 г. заводы эти перешли въ казенное вѣдомство и въ 1818 г., по распоряженію начальства, населеніе завода Златоустовскаго увеличено 257 переселенцами изъ Нижне-Тагильскаго зав. Пермской губерніи.

Съ началомъ ихъ существованія начинается и расколъ. Въ Челябинскѣ онъ существовалъ по крайней мѣрѣ около 1760 г. Въ это время тамъ насчитывалось только 100 душъ сектантовъ, поддерживавшихъ связь съ Екатеринбургомъ. Въ 1780 г. здѣсь уже явно проповѣдуетъ лжеучитель Колосовъ, посланный сюда екатеринбургскими раскольниками. Въ концѣ XVIII в. появился расколъ въ слободахъ Чумляцкой и Карачельской. Около 30-хъ гг. нынѣшняго (XIX) вѣка тамъ было много сектантовъ, именуемыхъ „квасниками“. Село Птичье и слободы Окуневская и Таловская имѣли два толка раскольниковъ: часовенныхъ и поморцевъ. Первые явились здѣсь еще при началѣ заселенія Таловки въ 1750 г. изъ уѣздовъ Тюменскаго и Шадринскаго. Одновременно возникъ расколъ въ слоб. Куртамышской. Въ сс. Долговскомъ, Петровскомъ, Становскомъ и Кинельскомъ и слоб. Каминской распространился онъ въ концѣ прошлаго столѣтія отъ Екатерин-

бургскихъ раскольниковъ. А отсюда проникъ въ крѣпости Крутоярскую, Звѣриноголовскую и друг. Старовѣры Таловскіе, Куртамышскіе, Долговскіе и Каминскіе питали особенное уваженіе къ раскольникамъ Екатеринбургскимъ, потому, должно быть, что первымъ ихъ вѣроучителемъ былъ крестьянинъ Тельминовъ. Сначала онъ принималъ дѣятельное участіе въ шайкѣ Пугачева, а послѣ проповѣдывалъ расколъ по указаннымъ селеніямъ и умеръ въ 1853 г. болѣе ста лѣтъ отъ рожденія.

Вообще по Челябинскому уѣзду расколъ съ прошлаго столѣтія распространился далеко. Многіе священники (напр., с. Петровскаго и Коельской крѣпости) не разъ жаловались на уклоненіе своихъ прихожанъ отъ Церкви Божіей. По временамъ расколъ достигалъ такихъ размѣровъ, что между послѣдователями являлись даже самосожигатели. Въ 1757 г. разомъ сожглось 172 человѣка. До 1761 г. такихъ случаевъ было нѣсколько. Въ 1771, 1780 и 1792 гг. они повторились.

Главными двигателями раскола, кромѣ указанныхъ причинъ, были скиты, обнаружившіеся въ первой четверти XVII столѣтія въ с. Введенскомъ и дерр. Слаткиной, Жуковой и Гагариной. Группировавшіеся въ нихъ сектанты вовсе отвергали существованіе истинной церкви и даже въ Символѣ вѣры исключили 9-й членъ. Сколько извѣстно, это совершенно новая отрасль раскола, зашедшая въ своихъ заблужденіяхъ гораздо далѣе, чѣмъ всѣ до того существующія секты безпоповщины.

Изъ сихъ скитовъ то и частію изъ Пермской губерніи и выходили расколоучители совращать православныхъ чадъ. По дѣловымъ бумагамъ въ числѣ ихъ значутся, напримѣръ:

Въ 1762 г. монахъ Варлаамъ, преданный за распространеніе лжеученія гражданскому суду и успѣвшій скрыться, въ 1779 г. оперировалъ бѣглый монахъ Ѳеодотъ, въ 1780 г. расколоучитель Даніилъ, въ 1782 г. Колосовъ, прибывшій для преступной дѣятельности изъ Екатеринбурга и скрывавшійся у раскольниковъ Челябинска, того же года обнаруженъ потаенно жившій въ крѣпости Коельской проповѣдникъ Бѣгуновъ, основатель извѣстной секты того же названія; потомъ въ 1776 г. нѣсколько вѣроучителей проходили по крѣпостямъ Уйской линіи, оставивъ тамъ свои гибельные плоды.

Какъ видно по отчету гражданскаго губернатора, за 1838 г. числилось раскольниковъ въ г. Челябинскѣ, 1 крѣпости, 2 волостяхъ, 2 станицахъ, 5 селахъ и 15 деревняхъ разнаго сословія 2485 м. п. и 2787 ж. п., помѣщич. крестьянъ 47 м. 48 ж. п. Но это количество далеко не отвѣчало дѣйствительности, ибо по записямъ мѣстныхъ священно-церковно-служителей насчитывалось въ уѣздѣ послѣдователей

безпоповщинскихъ сектъ 2476 м. п. и 2729 ж. п., а поповщинской 1234 г. муж. и 1327 женщ.

Троицкъ имѣлъ немного раскольниковъ, за то значительное количество ихъ обитало въ с. Нижне-Кумляцкомъ, Кундравахъ, Нагушахъ, Емашинской, крѣпостяхъ Коельской и Уйской и заводѣ Златоустовскомъ. Сей послѣдній являлся разсадникомъ раскола и, по своему значенію между окрестными поселенцами, производилъ особенно сильное вліяніе, почему о томъ не лишне сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Съ самаго начала заселенія его въ 1754 г. начали появляться въ немъ сѣмена раздора. Сначала онѣ распространялись тихо, незамѣтно. Но въ 1775 г., какъ это видно изъ архива дѣлъ главной конторы, раскольники составляли тамъ уже отдѣльную общину и указомъ 10 Августа этого года были обложены пошлиною по 3 р. 85 к. Пугачевское возмущеніе еще болѣе способствовало усиленію раскола, ибо извѣстно, что Пугачевъ самъ принадлежалъ къ расколу. Затѣмъ послѣдній усилился вслѣдствіе переселенія изъ внутреннихъ губерній, уже зараженныхъ имъ. На это, между прочимъ, указываетъ усвоенное здѣшними раскольниками названіе „Кержакъ“, занесенное, повидимому, изъ Нижегородской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, существуютъ обширные Керженскіе скиты. Въ подраженіе послѣднимъ завелись раскольническіе скиты и по склонамъ Уральскихъ горъ, изъ которыхъ нѣкоторые существуютъ и до сихъ поръ.

Въ 1820 г. Златоустовскій расколъ усилился переселеніемъ сюда 227 мужчинъ и 239 женщинъ изъ Тагильскаго завода. Эти переселенцы успѣли заразить своимъ лжеученіемъ даже многихъ изъ православныхъ. Отъ нихъ и златоустовскіе раскольники получили общую кличку „тагильцевъ“. Вслѣдствіе такой неразрывной связи ихъ было то, что когда жители Тагильскаго завода приняли единовѣріе, то примѣру ихъ послѣдовали тогда же и златоустовскіе сектанты.

Число послѣднихъ въ 1838 г. показывалось 356 д. м. п. и 374 ж. п. Но въ 1844 г., послѣ принятія ими единовѣрія, количество ихъ спустилось до 254 муж. и 262 жен. Чрезъ семь лѣтъ (въ 1851 г.), по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, считалось 256 первыхъ и 278 послѣднихъ. Но, повидимому, ихъ было гораздо больше. По крайней мѣрѣ въ духовныхъ росписяхъ 1856 г. означалось не бывшихъ у исповѣди и Св. Причастія 5870 душъ златоустовцевъ. А такую цифру можно объяснить лишь тѣмъ, что въ ней безъ сомнѣнія находилось преимущественное количество раскольниковъ.

Вліяніемъ Златоустовскихъ сектантовъ поддерживается сей недугъ и въ заводахъ Міясскомъ, гдѣ почти одинъ и тотъ же духъ раскола,

Саткинскомъ и Кусинскомъ, куда лжеученіе занесено въ послѣдней четверти XVIII стол. частію изъ Тагильскаго завода, отчасти и изъ Нижегородской губерніи.

По отчетамъ гражданскаго начальства, за 1838 г. раскольниковъ считалось въ г. Троицкѣ, 3-хъ крѣпостяхъ, 2 волостяхъ, 1 селѣ, 4 заводахъ и 1 деревнѣ—1283 д. муж. п. и 1406 д. ж. п. По свѣдѣніямъ же церковнымъ, опредѣлялось разныхъ сектантовъ 1544 муж. и 1633 женщины. Очевидно, первая цифра уменьшена.

Менѣе зараженъ былъ расколомъ уѣздъ Верхнеуральскій. Сектанты находились только въ трехъ мѣстахъ: въ самомъ городѣ Верхнеуральскѣ и крѣпости Карагайской среди казаковъ Оренбургскаго войска и Бѣлорѣцкомъ заводѣ—между рабочими.

Въ городѣ были, и теперь, безъ сомнѣнія, есть такъ называемые „жидовствующіе“, принимающіе, вмѣсто крещенія, обрѣзаніе. Какъ распространялась и откуда явилась эта секта—неизвѣстно.

По отчету губернатора за 1838 г. старовѣровъ и жидовствующихъ числилось въ уѣздѣ всего 135 д. об. пола. Но едва ли цифра эта вѣрна, такъ какъ въ одномъ Бѣлорѣцкомъ уѣздѣ даже въ настоящее время ихъ насчитывается гораздо больше.

Въ заключеніе всего обзора необходимо было бы представить движеніе населенія раскольниковъ, но съ точностью сдѣлать этого пока трудно.

Предварительно этого изслѣдованія представляется только: цифра раскольниковъ (по всей Оренбургско-Уфимской епархіи) за 1856 годъ восходила до 47,577 душъ об. п.; въ томъ числѣ однихъ Уральцевъ считалось 31,642 д.

Если даже ограничиться этою цифрою, то, очевидно, расколъ еще слишкомъ многочисленъ въ Оренбургской губерніи и требуетъ дѣятельныхъ мѣръ къ его ослабленію. Какія мѣры признаются къ этому лучшими, объ этомъ въ свое время будетъ сказано.[1])

---

[1]) Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшихъ перепискахъ не сохранилось послѣднихъ свѣдѣній и неизвѣстно, были ли присланы они Уфимскимъ владыкой Оренбургскому ген.-губернатору.—П. Ю.

Проектъ преподаванія военныхъ наукъ въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ въ исходѣ царствованія Императора Николая I

(Изъ всеподданнѣйшаго доклада А. С. Норова Императору Николаю I.)

Поспѣшаю всеподданнѣйше донести, что повелѣнія Вашего Величества уже сего числа начали исполняться и съ новаго года получатъ настоящее развитіе. Преподаваніе строевого устава пѣхотной службы, ротнаго и баталіоннаго пойдетъ весьма быстро, ибо уже *съ 1850 года во всѣхъ гимназіяхъ производится ученіе маршировки ежедневно* послѣ классовъ. Здѣшній Попечитель передъ праздникомъ былъ въ 1-ой Гимназіи и нашелъ, что 5-й, 6-й, и 7-й классы прекрасно маршировали рядами, шеренгами и фрунтомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь испрашивать Высочайшаго соизволенія *открыть въ факультетахъ физико-математическихъ обоихъ университетовъ преподаваніе артиллеріи и полевой фортификаціи*, что бывало допущено прежде при нѣкоторыхъ университетахъ.

Не излишнимъ считаю присовокупить, что въ царствованіе Императрицы Екатерины II-ой, съ Ѳоминой недѣли, т. е. съ весны, начинались по вечерамъ военныя экзерциціи. Студенты, наставляемые офицерами, дѣлили учениковъ по желанію ихъ на роты и учили ружейнымъ пріемамъ, выправкѣ, маршировкѣ и строю.

Въ лѣтнюю вакацію эти занятія повторялись еще чаще и продолжались до Сентября. Осенью бывалъ *университетскому пѣхотному баталіону смотръ* въ присутствіи Московскаго Коменданта или шефа полка изъ стоявшихъ въ столицѣ.

Авраамъ Норовъ.

На этой всеподданнѣйшей запискѣ, рукою Императора Николая Павловича, карандашомъ написано:

Преподаванію артиллеріи и фортификаціи не вижу препятствія; ежели въ числѣ студентовъ найдутся теперь-же желающіе практически приготовиться къ строевой службѣ при войскахъ, то легко можно будетъ сему желанію удовлетворить, прикомандировавъ ихъ къ образцовому пѣхотному полку. Учениковъ же гимназій можно, одинъ или два раза въ недѣлю, учить ротному ученію здѣсь въ манежѣ 1-го Кадетскаго Корпуса, о чемъ можно условиться съ Его Высочествомъ Наслѣдникомъ.

27 Декабря 1854 г.

Сообщилъ **К. А. Военскій.**

Петроградъ 19 Февр. 1915 г.

Son oeuvre.

L'oeuvre de Guillaume II, de son armée, de ses intellectuels est une seule et même oeuvre. La voix omnipotente qui commande; la force obéissante qui agit comme instrument; les cervaux qui professent, encouragent, sanctionnent, sont trois éléments formant une trinité puissante qui est le moteur de cette oeuvre. Oeuvre gigantesque, mise en action par la guerre actuelle et préparée de longue date avec une ténacité, une ingéniosité, une volonté déconcertantes, dignes d'une meilleure cause. A côté de ces moteurs, agissaient la perfidie, le mensonge, l'espionage, l'hypocrisie, mis largement à contribution.

La conquête de l'Europe ou, si vous le préférez, la soumission absolue de l'Europe au joug allemand, que l'on nomme à Berlin „l'organisation", était depuis des années l'objét d'une savante préméditation.

Ces longs préludes auraient dû révéler à nous, comme aux autres puissances, les symptômes du danger qui menaçait. Ce que nous tolérions en France, avec une générosité et une largesse aussi imprudentes qu'imprévoyantes, existait également avec intensité un peu partout en Europe et même au delà de ses frontières. Ici l'Allemagne s'imposait avec autorité; ici elle se montrait gracieusement utile; là elle se rendait avantageuse, insinuante, rempante, entrante, pénétrante, absorbante. L'Allemagne ne considérait—elle pas les divers Etats comme des colonies ouvertes à son expansion? Elle rayonnait, si je puis m'exprimer ainsi. Elle prenait possession du commerce, de l'industrie, des finances, inondait le monde de ses produits. Elle avait des agents dans tous les milieux et chacun d'eux approprié et dressé à son rôle. Ici la presse était son doyée. Là elle était ouvertement soumise. Ici la bourse était son temple. Là les banques étaient à sa dévotion. Ici elle était propriétaire. Là elle était locataire. Dans les hôtels elle avait des voyageurs,

Дѣло Вильгельма.

Дѣло Вильгельма II, его арміи и интеллигенціи—одно и то же дѣло. Полновластный голосъ, отдающій приказанія; послушная сила, дѣйствующая, какъ заведенная машина; умы наставляющіе, ободряющіе и утверждающіе—вотъ составныя части, изъ которыхъ слагается могущественная троица, двигательная сила этого дѣянія. Исполинское дѣло, сдѣланное нынѣшней войной, дѣло, къ которому давно готовились, готовились съ упорствомъ, изобрѣтательностью и неуклонной волею, достойными болѣе высокой цѣли. Рука объ руку съ этими двигателями дѣйствовали предательство, ложь, лицемѣріе, шпіонство, и всѣмъ этимъ пользовались очень широко.

Завоеваніе Европы, или, если хотите, полнѣйшее Ея порабощеніе нѣмецкому игу, порабощеніе, которое въ Берлинѣ называли „организаціей“, въ теченіе долгихъ лѣтъ былъ тщательно обдумано.

Какъ намъ, такъ и другимъ государствамъ, эти долгіе сборы должны были открыть глаза на зловѣщіе признаки опасности. То, что съ такимъ великодушіемъ и съ терпимостью, съ легкомысліемъ и недальновидностью допускалось во Франціи, мало-по-малу также напряженно развивалось по всей Европѣ, и даже за ея предѣлами. Здѣсь Германія взяла въ свои руки власть; тамъ она была такъ мило полезна; тамъ она приносила выгоду, тамъ была доносящей, ползающей, вкрадчивой, всепроникающей, всепоглощающей. Развѣ Германія не считала разныя государства своими колоніями, открытыми для ея сбыта? Она излучалась, если можно такъ выразиться. Она овладѣла торговлей, промышленностью, денежнымъ рынкомъ, наводняла своими произведеніями весь міръ. У нея были доброхоты во всевозможныхъ слояхъ общества, и каждый изъ нихъ приспособлялся и входилъ въ свою роль. Тутъ заправилой была печать. Тамъ банки преданно служили дѣлу. Тутъ она была собственникомъ. Тамъ была наемникомъ. Въ

des directeurs, des domestiques, chacun d'eux remplissait ses fonctions d'espion.

La mode de la Société parisienne de se rassembler pour un thé qui ressemblait à un dîner, ou pour un dîner qui ressemblait à un souper, et cela dans la promiscuité de ces centres, faisait qu'au lieu de causer à la maison on causait dans un endroit public. Dans ces belles assemblées, on parlait beaucoup et de tout. On était porté à frequenter là où il y avait le plus de monde. Naturellement les tables étaient si voisines et alors..... ceci est un détail entre mille.

Dans cette ville qu'elle désignait comme la Babylone moderne; l'Allemagne avait ses créatures dans le monde de la galanterie. Dans la haute société, elle spéculait sur l'engouement pour la musique exclusivement allemande, elle encourageait les cénacles où l'on la célébrait; elle forçait les portes de l'Opéra. Elle tentait aussi à répandre les oeuvres de ses écoles de peinture et de sculpture qui, chaque année plus nombreuses, pénétraient dans nos expositions. Large était l'hospitalité de nos artistes. Une statue refusée faisait si grand tapage que le scandale valut à son auteur une réclame de curiosité qui fit courir tout Paris. Et puis de l'atelier au salon, il n'y a qu'un pas.

On peut bien dire que l'art décadent, que l'on a eu le tort d'appeler art nouveau, est une importation allemande et je connais des pays où il a fait plus de ravages qu'en France. Moscou, pour ne citer qu'une ville, a subi les atteintes de cette dépravation du goût.

La Russie, autant que la France, a souffert de l'action souterraine et sournoise de l'Allemagne qui, par mille artifices, cherchait à se rendre nécessaire et à s'imposer un peu partout.

Combien de sujets allemands sont venus en Russie s'enrichir. En s'y installant, en y pullulant, ils introduisaient un peu de leur influence. Combien de sujets russes allaient en Allemagne faire des cures de toutes sortes, y achetaient des propriétés et y dépensaient leurs capitaux et leurs revenus. Sans doute, en elle même, la chose n'est pas blâmable, mais en agissant de la sorte, les russes ne fournissaient-ils pas à l'Allemagne et cela inconsciemment, des moyens d'étude et de pénétration? Je n'entends pas critiquer les contacts entre voisins, mais l'utilisation de ces contacts pour instruire l'un deux contre l'autre avait des dangers. Ces dangers consistaient à mettre l'Allemagne en mesure de connaître

гостинницахъ у нея были путешественники, управляющіе, слуги, и каждый изъ нихъ выполнялъ должность шпіона.

Парижскій обычай, чтобы Общество собиралось на чай, похожій на обѣдъ, и на обѣдъ, похожій на ужинъ, и дѣлано это въ самыхъ центрахъ нѣмецкаго засилья, сдѣлалъ то, что вмѣсто того, чтобы вести бесѣду у себя дома, люди дѣлали это въ общественныхъ мѣстахъ. На этихъ многолюдныхъ собраніяхъ говорили много, и обо всемъ. Мы привыкли бывать тамъ, гдѣ было самое многолюдное общество. Конечно, столики стояли очень тѣсно, и тогда..... это только одна изъ тысячи подробностей.

Въ городѣ, который Германія собиралась сдѣлать современнымъ Вавилономъ, у нея были свои творцы въ мірѣ изящества. Въ высшемъ обществѣ она играла на пристрастіи къ музыкѣ, главнымъ образомъ нѣмецкой, поощряла вечеринки, гдѣ торжествовала музыка; она открывала двери Оперѣ. Она также пыталась распространять произведенія своихъ школъ живописи и ваянія, и дѣлаясь все многочисленнѣе, они занимали все больше мѣста на нашихъ выставкахъ. Велико было гостепріимство нашихъ художниковъ. Непризнанная статуя дѣлала столько шума, что скандалъ служилъ заманкой для его создателя и любопытство охватывало весь Парижъ. А тамъ, отъ мастерской до гостиной—всего одинъ шагъ.

Съ полной увѣренностью можно сказать, что декадентское искусство, ошибочно названное новымъ искусствомъ, было вывезено изъ Германіи, и я знаю страны, гдѣ оно произвело гораздо бо̀льшее опустошеніе, чѣмъ во Франціи. Упомяну только объ одномъ городѣ—это Москва, она испытала на себѣ эту порчу вкуса.

Россія, также какъ и Франція, пострадала отъ скрытой подпольной дѣятельности Германіи, которая, съ помощью тысячи ухищреній, старалась сдѣлаться необходимой и мало-по-малу проникнуть повсюду.

Сколько нѣмецкихъ подданныхъ наѣхало въ Россію, чтобы разбогатѣть. Устроившись здѣсь, крѣпко пустивши здѣсь крѣпкіе корни, они понемногу начинали проявлять свое вліяніе. Какое множество русскихъ подданныхъ ѣздило въ Германію во всевозможныя лѣчебныя мѣста, пріобрѣтало тамъ собственность и тратило свои капиталы и доходы. Безъ сомнѣнія, сами по себѣ это поступки непредосудительные, но развѣ, поступая такимъ образомъ, Русскіе безсознательно не снабжали Германію средствами для изученія Россіи и для распространенія своего вліянія? Я осуждаю не договоры между сосѣдями, но нахожу, что пользоваться этими договорами для того, чтобы возстановить од-

l'état moral, les tendances, les qualités, les côtés faibles, en un mot le caractère du voisin qu'il étudie. La méfiance n'est pas une vertu, mais elle est parfois une protection utile.

Du reste les traitements barbares, voir même les insultes infligés aux hôtes russes, y compris les plus augustes, surpris en Allemagne par la déclaration de la guerre, sont un éloquent témoignage des sentiments qu'elle professait vis à vis du voisins dont la présence cessait d'être productive.

Nous avons donc assisté, sans y porter l'attention qu'elle méritait, à l'élaboration de l'oeuvre de Guillaume II. Ses artisans étaient légion; ses moyens innombrables.

Nos imprévisions ont facilité la longue et savante préparation des Allemands. „Songeons, comme l'a si bien dit le sénateur Jénouvrier, que depuis quarante quatre ans toute la volonté allemande, toute la science allemande, tout le commerce, toute l'industrie allemande, toute la ruse et l'espionage allemands étaient tendus vers la guerre actuelle. Nous n'y pensions nous autres; eux ne pensaient qu'à cela. Nous leur donnions généreusement une place chez nous; ils se naturalisaient, ils semblaient devenir des Français; c'était pour mieux nous trahir" [1]).

Nous ajouterons que chose pareille existait en Russie, en Belgique et ailleurs. Sous cette forme, c'est à dire par la naturalisation, nos ennemis avaient toutes sortes de facilités pour servir leur vraie patrie au détriment de leur patrie d'emprunt. La révision des naturalisations au profit des Allemands est l'objet des préoccupations de notre parlement. Souhaitons que pareille mesure soit prise par nos chers alliés.

Les procédés variés et ingénieux de nos ennemis ne doivent pas passer sous silence et méntent d'être analysés, car ils forment un éloquent faisceau de preuves établissant leur volonté bien arrêtée de faire cette guerre. Pendant que tous ces moyens préparatoires étaient mis en oeuvre; pour les masquer aux yeux de la France et de la Russie, l'empereur d'Allemagne, avec une sinistre duplicité, parlait de paix. Il convient de citer ici quelques passages de ses retentissantes allocutions.

Il se lie formellement le 28 Juin 1888 dans son discours du trône au Reichstag.

---

[1]) Le Gaulois du 8 février 1915.

ного противъ другого, очень опасно. Эта опасность заключается въ томъ, что Германіи дается возможность изучить настроеніе умовъ, склонности, способности, слабости, словомъ, характеръ наблюдаемаго ею сосѣда. Недовѣрчивость не есть добродѣтель, но подчасъ она можетъ оказать важныя услуги.

Въ концѣ концовъ варварское обращеніе, а именно—оскорбленія, нанесенныя русскимъ гостямъ, включая сюда и самыхъ Высокихъ, гостямъ, которыхъ объявленіе войны застигло въ Германіи, служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ тѣхъ чувствъ, которыя Германія питала по отношенію къ своимъ сосѣдямъ, присутствіе которыхъ перестало быть ей выгоднымъ.

Словомъ, мы, не удѣляя этому должнаго вниманія, были свидѣтелями той внутренней работы, которая создавала дѣло Вильгельма II. У него былъ легіонъ сотрудниковъ; средства его были несмѣтны.

Наша недальновидность облегчила долгія и обдуманныя приготовленія нѣмцевъ. „Подумаемъ о томъ,“ какъ прекрасно выразился сенаторъ Женувріе, „что въ теченіи сорока лѣтъ вся нѣмецкая наука, торговля, вся нѣмецкая промышленность, вся нѣмецкая хитрость и шпіонство стремились къ нынѣшней войнѣ. Мы, всѣ остальные, не думали о ней; а они думали только о ней. Мы великодушно пріютили ихъ у себя; они у насъ освоились, на видъ они сдѣлались французами; и это было сдѣлано для того, чтобы предать насъ.“ [1])

Прибавимъ, что то же самое происходило въ Россіи, Бельгіи и въ другихъ государствахъ. Такимъ образомъ, т. е. пріобрѣтая права гражданства, нашимъ врагамъ было очень легко служить своей настоящей родинѣ въ ущербъ родинѣ искусственной.

Теперь нашъ парламентъ занятъ пересмотромъ гражданскихъ правъ Нѣмцевъ. Выскажемъ пожеланіе, чтобы дорогіе союзники приняли такія же мѣры.

Нельзя обойти молчаніемъ различныя искусныя приготовленія нашихъ враговъ, они заслуживаютъ изученія, потому что являются краснорѣчивымъ собраніемъ доказательствъ, подтверждающихъ ихъ твердое намѣреніе затѣять эту войну. Пока были пущены въ ходъ всѣ эти подготовительныя средства, для того, чтобы отвести глаза Франціи и Россіи, германскій императоръ съ зловѣщимъ лукавствомъ говорилъ о мирѣ. Здѣсь не мѣшаетъ упомянуть о нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ его широковѣщательныхъ рѣчей.

Онъ формально обязываетъ себя къ этому 28 Іюня 1888 года въ тронной рѣчи къ рейхстагу.

---

[1]) Le Gaulois, 8-го Февраля 1915 года.

„Je suis résolu à maintenir la paix avec tous les peuples autant que cela dépendra de moi. Mon amour pour l'armée, la place que j'y tiens, ne me feront jamais succomber à la tentation de priver le pays des bienfaits de la paix, si la guerre ne nous est pas nécessairement imposée par une attaque contre l'Empire ou contre nos alliés. Notre armée doit nous garantir la paix, et, s'il le faut, nous permettre de la reconquérir par les armes avec honneur. Nous le pourrons avec l'aide de Dieu, grâce à la force militaire que nous assure la dernière loi de défense nationale que vous avez votée à l'unanimité. Utiliser cette force pour une guerre offensive est loin de ma peusée. L'Empire allemand n'a besoin ni de gloire militaire nouvelle, ni de conquêtes, maintenant qu'il s'est conquis le droit de vivre comme une nation unie et indépendante".

Le 18 Juin 1895, pour l'inauguration du canal de Kiel Guillaume II s'écriait:

„Tous les peuples demandent et désirent la paix. Ce n'est qu'en temps de paix que le commerce du monde peut se développer, ce n'est que par la paix qu'il peut prospérer; nous voulons maintenir la paix, et nous la maintiendrons. Puisse, grâce à cette paix, le commérce de Hambourg être florissant et prospère".

Le discours prononcé le 22 mars 1905 à Brême est, si possible, plus affirmatif que les précédents.

„Je me suis juré, lorsque je suis monté sur le trône, après le puissant règne de mon grand-père, qu'autant que je le pourrais, je laisserais se reposer les baïonnettes et les canons, mais que les baïonnettes et les canons devraient être tenus affilés et en bon état, afin que la jalousie et l'envie du dehors ne puissent nous empêcher de cultiver notre jardin et d'arranger notre maison à l'intérieur. Je me suis promis, d'après mon expérience et les leçons de l'Histoire, de ne jamais songer à un vain empire du monde. Car que sont devenus ces soi-disant grands empires du monde? Alexandre le Grand, Napoléon I-er, tous les grands capitaines se sont baignés dans le sang et ont laissé des peuples asservis, qui aussitôt se sont soulevés et ont amené la ruine de l'empire.

„L'empire que j'ai rêvé, le voici: l'Empire allemand récemment né, doit avoir la confiance de tous, être considéré partout comme un tranquille, honête, paisible voisin: et si l'on parle peut être un jour, dans l'avenir, d'un empire mondial de l'Allemagne, ou d'une souveraineté

„Я рѣшилъ поддерживать миръ со всѣми народами постольку, поскольку это отъ меня зависитъ. Моя любовь къ арміи, то мѣсто, которое я въ ней занимаю, никогда не заставятъ меня поддаться искушенію и лишить страну всѣхъ благъ мира, если только война не явится для насъ необходимостью вслѣдствіе нападенія на Имперію или на нашихъ союзниковъ. Наша армія должна обезпечить намъ миръ, или, если понадобится, вновь съ честью завоевать его оружіемъ. Мы сможемъ сдѣлать это съ Божьей помощью, благодаря той военной силѣ, которая намъ обезпечена послѣднимъ закономъ о національной оборонѣ, закономъ, который вы провели единогласно. Я далекъ отъ мысли использовать эту силу для наступательной войны. Теперь, когда Германская Имперія отвоевала себѣ права объединенной и независимой націи, ей больше не нужны ни побѣды, ни новая военная слава".

18-го Іюня 1895 года, на открытіи Кильскаго канала, Вильгельмъ II восклицалъ:

„Всѣ народы просятъ и желаютъ мира. Только въ мирное время можетъ развиваться міровая торговля, она можетъ процвѣтать только благодаря миру. Мы желаемъ сохранить миръ, и мы его сохранимъ. Дай Богъ, чтобы благодаря этому миру счастливо процвѣтала гамбургская торговля."

Рѣчь, произнесенная въ Бременѣ 22 Марта 1905 года, если это только возможно, еще болѣе подтверждаетъ эту мысль.

„Вступивъ на престолъ послѣ блестящаго царствованія моего дѣда, я поклялся въ томъ, что, насколько это будетъ отъ меня зависѣть, оставлю въ покоѣ штыки и пушки, но штыки и пушки должны быть наготовѣ и въ хорошемъ состояніи, для того, чтобы извнѣ зависть не помѣшала намъ насаждать нашъ садъ и устраивать нашъ домъ. Наученный опытомъ и уроками исторіи, я далъ себѣ слово никогда не мечтать о суетной міровой державѣ. Потому что, что сталось съ этими, такъ-называемыми великими міровыми державами? Александръ Великій, Наполеонъ I, всѣ великіе полководцы купались въ морѣ крови и оставили порабощенные народы, которые вскорѣ возстали и привели ихъ государства къ паденію.

„Вотъ держава, о которой я мечталъ: недавно возникшая Германская Имперія должна внушать довѣріе всѣмъ, всѣ должны считать ее спокойнымъ, честнымъ, мирнымъ сосѣдомъ: и если когда-нибудь, въ будущемъ, зайдетъ рѣчь о міровой Германской Имперіи или о всемірномъ господствѣ Гогенцоллерновъ, то эта Имперія должна быть осно-

mondiale des Hohenzollern, elle ne doit pas être fondée sur des conquêtes de l'épée, mais sur la confiance réciproque des nations unies dans un même but".

Ces paroles trompeuses du souverain, la prospérité industrielle et commerciale de son empire, l'expansion de ses sujets un peu dans tous les pays, on pourrait presque dire pays colonisés par eux, tout cela semblait écarter l'idée de guerre. Bien des esprits ont été induits en erreur. En effet les discours pacifiques du Kaïser sont en contradiction avec toutes les mesures prises en vue d'une guerre voulue et préparée.

„En dépit de sa folie d'armement qui devait fatalement le conduire à la catastrophe finale, le Kaiser allemand semblait avoir compris que la paix était le meilleur auxiliaire de sa politique économique. L'Allemagne lui devait en grande partie le prodigieux essort de son commerce. Lorsqu'il employait ce mot orgueilleux de m o n d i a l qu'il a inventé, il ne disait rien d'excessif. L'Allemagne jouissait vraiment d'une sorte d'hégémonie qui s'étendait au monde entier. Elle ne dominait pas le monde par sa culture, ni par le rayonnement de son génie, comme le croyaient ses savants: mais le monde était vraiment tributaire de son activité".

„Comment ce chef d'empire a-t-il risqué sa fortune et celle de son peuple dans une aventure aussi hasardeuse qu'une guerre générale? Q u o m o d o c e c i d i t p o t e n s? demande l'Ecriture. Le puissant est tombé parce qu'il a perdu l'équilibre. C'est l'accident ordinaire et fatal qui attend et châtie tous les mégalomanes. La qualité la plus nécessaire aux conducteurs de peuples est la science des limites. Ils doivent savoir mesurer avec certitude le plan de leur entreprises; ils doivent savoir et prévoir que toute ambition qui le dépasse les voue à la culbite et à l'écrasement" [1]).

Nous venons, en citant ses propres paroles, de montrer que Guillaume II a inauguré son oeuvre par le mensonge. L'action longue et persévérante de son peuple n'était que l'émanation de sa volonté. Ce labeur insatiable avait pour but l'assouvissement de l'orgueil sans borne de l'empereur voulant incarner en sa personne l'Allemagne mondiale. Ses critiques les plus mordants et les plus cruels ont qualifié son trait caractéristique de n é r o n i s m e. Ce terme est bien approprié pour désigner son oeuvre.

---

[1]) Jules Delafosse, député du Calvados. Impériale démence. Le Gaulois du 2 février 1915.

вана не на завоеваніяхъ, а на взаимномъ довѣріи народовъ, объединившихся для одной общей цѣли."

Эти лживыя слова государя, расцвѣтъ торговли и промышленности въ его имперіи, внѣдреніе его подданныхъ почти во всѣхъ странахъ, можно сказать, колонизованныхъ ими, все это, повидимому, исключало всякую мысль о войнѣ. Немало умовъ было введено въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ, миролюбивыя рѣчи кайзера идутъ въ разрѣзъ со всѣми мѣрами, которыя имѣлись въ виду для желанной и подготовляемой войны:

„Вопреки его страсти къ вооруженію, которая роковымъ образомъ должна была привести къ конечной рязвязкѣ, германскій кайзеръ какъ-будто понялъ, что миръ былъ лучшимъ приложеніемъ къ его экономической политикѣ. Главнымъ образомъ ему Германія обязана чудеснымъ расцвѣтомъ своей торговли. Употребляя придуманное имъ гордое слово міровая торговля, онъ не впадалъ въ крайность. Германія дѣйствительно пользовалась своего рода владычествомъ, распространявшимся на весь свѣтъ. Ни ея культура, ни свѣтъ ея генія не господствовали надъ міромъ, какъ это думали германскіе ученые: но міръ дѣйствительно платилъ дань ея дѣятельности.

„Какимъ образомъ глава имперіи могъ рисковать своей судьбой и судьбой своего народа, пустившись въ такую зависящую отъ случайностей авантюру, какъ міровая война? Quo modo cecidit potens? спрашиваетъ Писаніе. Владыка палъ, потому что онъ потерялъ равновѣсіе. Это обычная роковая случайность, ожидающая и карающая всѣхъ страдающихъ маніей величія. Самое необходимое качество для всѣхъ вождей народовъ есть искусство знать мѣру. Они должны умѣть точно взвѣшивать планъ своихъ предпріятій; они должны знать и предвидѣть, что всякое превышающее ихъ силы честолюбіе обрекаетъ ихъ на паденіе и гибель". [1])

Мы только-что показали, приведя собственныя слова Вильгельма II, что онъ построилъ свое дѣло на лжи. Настойчивый и упорный трудъ его народа былъ лишь выразителемъ его воли. Эта неутомимая работа имѣла цѣлью удовлетворить безграничное честолюбіе императора, который въ своемъ лицѣ хотѣлъ воплотить міровую Германію. Самые строгіе и безпощадные его критики отмѣтили свойственную ему черту нероиизма. Это выраженіе очень подходитъ для опредѣленія его дѣянія.

---

[1]) Jules Delafosse, député de Calvados. Impériale démence. Le Caulois du 2 février 1915.

Tout ce qui précède esquisse à grands traits la préméditation par la préparation de son oeuvre.

Et lorsqu'il se juge prêt, que l'heure est propice, que ceux qu'il vise sont à ses yeux en mauvaise posture, c'est à dire murs pour la défaite et l'asservissement, le Kaiser ébranle l'Europe. En douze heures il a contredit ce qu'il avait voulu paraître durant 26 ans de régne. Sa puissance militaire formidable, il la croit supérieure à tout, invincible. Ses conquêtes économiques, industrielles, l'expansion de tant de forces matérielles, l'intrusion allemande chez ses voisins ne lui suffisent pas; il lui faut pour lui et par lui un triomphe par les armes.

Guillaume I a accompli une oeuvre: „La Prusse unifiant l'Allemagne asservie mais victorieuse". Guillaume II veut, lui aussi, accomplir son oeuvre: „la suprématie mondiale de l'Allemagne". Suprématie illimitée comme son ambition, géante comme son orgueil. Tyran de l'Allemagne, il rêve la tyrannie de l'Univers. Pour y parvenir, il a mis toutes ses énergies en mouvement. Selon lui la paix était à la fois un péril pour l'Allemagne et le salut de l'Europe. Il veut détruire ce péril et en même temps entraîner la perte de l'Europe.

De ses deux alliés un seul répond à son injonction: l'Autriche. Il saura s'en servir. Berlin est l'empire suzerain. Vienne est l'empire vassal. Si l'Autriche, après avoir pendant plusieurs siècles dominé l'Allemagne, est tombée de chute en chute, au rang de vassale de la Prusse, ce n'est pas faute d'avoir été avertie du péril qui la menaçait.

Dès 1609, le vice-chancelier d'Empire, Strahlendorf, adressa à l'empereur Rodolphe II un mémoire dans lequel il lui conseillait de briser la puissance brandebourgeoise tandis qu'elle n'était encore qu'en voie de formation. Il voyait les Hohenzollern à l'oeuvre, et prévoyait qu'après avoir réuni au Brandebourg le duché de Prusse, Clèves et Juliers, leur ambition croîtrait avec leur puissance, et, comme ils s'étaient convertis au protestantisme, qu'ils ne tarderaient pas à rallier autour d'eux tous les princes luthériens du Nord. Mais cet avertissement ne fut pas entendu et les destins s'accomplirent.

Si l'alliance austro-allemande était l'oeuvre de Bismark, Guillaume II a bien prouvé que l'inféodation actuelle de l'Autriche à l'Allemagne était son oeuvre. La mystérieuse tragédie de Meyerling délivra l'Allemagne des Hohenzollern d'une menace. Mais le drame de Serajévo

Все предыдущее крупными штрихами рисуетъ обдуманность и подготовленность его дѣла.

И когда онъ считаетъ себя готовымъ, когда его часъ пробилъ, когда тѣ, кого онъ намѣтилъ, находятся, по его мнѣнію, въ затруднительномъ положеніи, т. е. когда на нихъ удобно напасть и покорить ихъ, тогда кайзеръ потрясаетъ всю Европу. Въ теченіи двѣнадцати часовъ онъ отмѣняетъ все то, чѣмъ хотѣлъ казаться въ продолженіи двадцати-шестилѣтняго царствованія. Его военная сила—мощная сила, онъ считаетъ ее выше всего, считаетъ непобѣдимой. Ему мало экономическихъ побѣдъ и завоеваній промышленности, мало внѣдренія столькихъ промышленныхъ сихъ, нѣмецкаго вторженія къ сосѣдямъ; ему нужно для него и черезъ него торжество его оружія.

Вильгельмъ I сдѣлалъ одно дѣло: „Пруссія, объединившая покоренную, но побѣдоносную Германію.“ Вильгельмъ II тоже хочетъ сдѣлать свое дѣло: „Всемірное главенство Германіи.“ Главенство, такъ же безграничное, какъ и его честолюбіе, такое же исполинское, какъ и его гордыня. Германскій деспотъ мечтаетъ сдѣлаться деспотомъ міровымъ. Для того, чтобы достичь этого, онъ пустилъ въ ходъ всѣ свои силы. По его мнѣнію миръ былъ гибелью для Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ спасеніемъ для Европы. Онъ хочетъ уничтожить эту гибель и въ одно и то же время погубить Европу.

Изъ двухъ его союзниковъ только одинъ отзывается на его призывъ: это Австрія. Онъ сумѣетъ ее использовать. Берлинъ—государство господствующее, Вѣна—государство подручное. Если Австрія, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ владычества надъ Германіей, послѣ цѣлаго ряда пораженій, опустилась до степени прусскаго подручника, она тѣмъ не менѣе была предупреждена объ угрожающей ей гибели.

Начиная съ 1609 года Штралендорфъ, вице-канцлеръ Имперіи, обратился къ императору Рудольфу II съ запиской, въ которой совѣтовалъ ему сокрушить бранденбургскую власть, пока она находится только на пути къ развитію. Онъ видѣлъ, что дѣлали Гогенцоллерны, и предвидѣлъ, что, разрушивъ для Бранденбурга Прусское Герцогство, (Clèves et Juliers), ихъ честолюбіе будетъ расти вмѣстѣ съ ихъ могуществомъ, а такъ какъ они перешли въ протестантскую вѣру, то и не замедлятъ объединить вокругъ себя всѣхъ сѣверныхъ принцевъ лютеранъ. Но его предсказанія не послушались, и роковое свершилось.

Если австро-германскій союзъ былъ дѣломъ Бисмарка, то Вильгельмъ II доказалъ, что нынѣшнее подчиненіе Австріи Германіи было его дѣломъ.

Таинственная Мейерлингская трагедія избавила Германію Гогенцоллерновъ отъ одной угрозы. Но Сараевская драма лишила Вильгельма II

priva Guillaume II d'un appui solide. Le vieillard immortel ne mourait peut être pas assez vîte; sa survivance à tant de morts semblait contrarier le bouillant Guillaume et il a traité le vieillard allié comme trépassé d'avance. Il s'en est servi comme d'un jouet et s'est emparé du commandement de son armée. La diplomatie autrichienne fût trompée, mise sous séquestre et comme il a été écrit dans le Figaro[1]): „L'Autriche des Habsbourg suivit l'Allemagne des Hohenzollern dans son crime, le plus grand crime qui ait été commis contre l'Humanité".

Guillaume II faisant de son allié, son esclave semblait, après s'être érigé en exécuteur testamentaire, réciter à ses côtés les prières des agonisants. L'octogénaire ne pourra pas mourir en paix, Guillaume II ne l'a pas voulu. C'est encore son oeuvre. Le projet de liquider lucrativement l'allié aprés s'en être servi sera probablement une phase de son oeuvre. Le Docteur allemand Martin, conseiller d'Empire, ne stipulait-il pas ex cathedra: „L'avenir de l'Allemagne exige l'absorption de l'Autriche-Hongrie". Dans cette guerre la première victime du Kaiser a été l'Autriche.

Veut-il aussi liquider la Turquie? Il l'a dominée depuis des années; aujourd'hui il l'a voulue humblement soumise. Au début de la guerre, sur les rives de la Néva, un ambassadeur de la Porte, rencontrant son collégue de Belgique lui exprima ses condoléances au sujet de la prise de Bruxelles par les armées allemandes. Ce dernier de répondre: mais c'est à moi de vous exprimer des condoléances. Surpris le turc le demanda: pourquoi? C'est bien simple, répondit le belge, c'est parce que vous êtes vaincus par l'Allemagne.

La Turquie, Guillaume II s'en était déjà emparé dans ses voyages retentissants à Constantinople et à Jérusalem. Il préparait par sa présence impressionnante et théâtrale à plier la Porte à son joug. „L'avenir de l'Allemagne, écrivait le Docteur Martin précité, exige l'absorbsion des Etats balkaniques et de la Turquie". Donc ordre à la Turquie de marcher contre la Russie est donné par Guillaume II; c'est encore son oeuvre.

Il passe du culte d'Odin, le bon vieux Dieu de la Germanie, à celui de Mahomet. Des forêts mystérieuses où il a encensé l'idole païenne, il passe allégrement à la mosquée et après avoir encensé l'idole, il encense le croissant. Il voudrait que sur son ordre l'Islam se soulevat pour la guerre sainte. Il donne sans compter à la Turquie des généraux

[1]) 25 Janvier 1915.

серьезной поддержки. Безсмертный старецъ, можетъ быть, слишкомъ долго не умираетъ; онъ пережилъ столько смертей, и это мѣшало неистовому Вильгельму, и онъ обращался со старикомъ союзникомъ, какъ съ заранѣе отпѣтымъ. Онъ обращался съ нимъ, какъ съ игрушкой, и взялъ въ свои руки командованіе его войсками. Австрійская дипломатія была обманута и отдана подъ надзоръ, какъ было написано въ Фигаро:[1]) „Австрія Габсбурговъ вслѣдъ за Германіей Гогенцоллерновъ пошла по преступному пути, по пути величайшаго преступленія противъ Человѣчества.“

Вильгельмъ II, превративъ своего союзника въ раба, поставивъ себя душеприказчикомъ, дѣлалъ видъ, что читаетъ по немъ отходную. Восьмидесятилѣтній старикъ теперь не можетъ умереть спокойно, Вильгельмъ II этого не пожелалъ—и это тоже его дѣло. Планъ выгодно устранить союзника, использовавъ все, что было нужно, будетъ вѣроятно, одной изъ слѣдующихъ ступеней его дѣла. Развѣ тайный совѣтникъ, нѣмецкій врачъ Мартинъ, не провозгласилъ ex cathedra: „Будущее Германіи требуетъ поглощенія Австро-Венгріи.“ Въ этой войнѣ Австрія была первой жертвой кайзера.

Хочетъ ли онъ раздѣлаться также и съ Турціей? Онъ властвовалъ тамъ въ теченіе многихъ лѣтъ; теперь онъ захотѣлъ, чтобы она покорилась ему совсѣмъ. Въ началѣ войны, на берегахъ Невы, посланникъ Блистательной Порты, встрѣтивъ своего бельгійскаго сотоварища, выразилъ ему свое соболѣзнованіе по поводу занятія Брюсселя германскими войсками. Послѣдній отвѣчалъ: это я долженъ выражать вамъ сочувствіе. Удивленный Турокъ спросилъ: почему? Очень просто—отвѣчалъ бельгіецъ,—потому что Германія васъ побѣдила.

Вильгельмъ II ужъ завладѣлъ Турціей во время своихъ трескучихъ поѣздокъ въ Константинополь и въ Іерусалимъ. Своимъ внушительнымъ и театральнымъ поведеніемъ онъ подготовлялъ Порту къ тому, чтобы наложить на нее свое иго. „Будущее Германіи, писалъ вышеупомянутый докторъ Мартинъ, требуетъ поглощенія Балканскихъ государствъ и Турціи.“ Итакъ, приказъ выступить противъ Россіи отданъ Турціи Вильгельмомъ II; еще одно его дѣло.

Отъ культа Одина, отъ добраго стараго германскаго бога онъ переходитъ къ Магомету. Отъ таинственныхъ рощъ, гдѣ онъ курилъ ѳиміамъ передъ языческимъ идоломъ, онъ весело направляется въ мечеть и, почтя идола, чтитъ полумѣсяцъ. Онъ хочетъ, чтобы по его приказу Исламъ возсталъ для Священной войны. Онъ безъ счету

[1]) 25 Генваря 1915 года.

non pas soldés mais en solde, des canons, des munitions, puis par dessus le marché des promesses et avant tout des ordres. Il fait brûler une lampe sur le tombeau de Saladin. Il commande aux Turcs de combattre à la fois la Russie et l'Angleterre. Cette folle entreprise les fait par elles deux fois vaincus. Reconnaissez là une des conceptions incensées de Guillaume II qui caractérisent son oeuvre.

Dès lors Autriche et Turquie jouent plutôt le rôle d'esclaves sacrifiés que d'alliées. Leur obédiance est passive. Les généraux allemands commandent les armées autrichiennes et les armées turques et les ordres de Berlin les conduisent à la boucherie.

Revenons au début de la guerre. Le Kaiser veut la guerre, il est prêt. Son oeuvre préparatoire est achevée. L'Autriche est chargée de donner le signal. Elle sert de prétexte. Les livres de toutes les couleurs vous ont appris en détail ce qui se passa dans les chancelleries diplomatiques. Vous y avez constaté le dissimulation et les mensonges de celui qui veut la guerre; vous y avez admiré la loyauté de ceux qui veulent maintenir la paix.

Voilà que Guillaume II attend les déclarations de guerre des alliés, il entend qu'on la lui déclare et veut être attaqué. Mais, lui impatient se trouve obligé à rompre l'équilibre en lançant un défi à l'Europe.

La Russie d'abord. Il juge affaiblie par la guerre japonaise. Il croit que la vodka lui viendra en aide pour démoraliser les soldats. Il a soudoyé de son or des grèves pour créer un mouvement de révolte. Il s'est trompé. La Russie n'est pas ce qu'il croyait. Aussitôt la déclaration de la guerre, la vodka a été proscrite comme un poison. Ainsi a été supprimée l'ivresse. Quant aux grèves, elles ont cessé comme par enchantement. La guerre patriotique est populaire. Le salut de la Patrie réunit toutes les énergies. En Russie chaque coeur bat à l'unisson de celui de Son Tzar.

La France ensuite. Guillaume II la juge désunie, en proie à des luttes intestines; il la pense antimilitariste, esclave amoureuse du bienêtre et incapable d'un effort soutenu. Il connait le règne en France de cette boisson verte qui détruit les forces physiques et désorganise les facultés cérébrales. Il s'est trompé. Il a été la cause, par la prohibition de l'absinthe, d'une véritable régénération. La France n'était pas ce qu'il croyait. En lui déclarant la guerre, il a supprimé les partis pour l'éclo-

шлетъ Турціи своихъ генераловъ, не оплачиваемыхъ, но съ окладомъ, шлетъ пушки, вооруженіе, въ придачу даетъ обѣщанія, но прежде всего шлетъ приказы. Ежели нужно, зажигаетъ лампаду на могилѣ Саладина. Онъ приказалъ Туркамъ воевать одновременно съ Россіей и съ Англіей. Въ этомъ безумномъ предпріятіи они будутъ дважды побѣждены. Сознайтесь, что это одна изъ тѣхъ безсмысленныхъ выдумокъ, которыми отличается дѣло Вильгельма II.

Съ этихъ поръ Австрія и Турція играютъ роль скорѣе принесенныхъ въ жертву рабовъ, чѣмъ союзниковъ. Они повинуются слѣпо. Германскіе генералы руководятъ австрійскими и турецкими войсками, а приказы изъ Берлина шлютъ ихъ на бойню.

Вернемся къ началу войны. Кайзеръ желаетъ войны, онъ готовъ къ ней. Подготовительный трудъ законченъ. Австріи поручено дать сигналъ. Она служитъ предлогомъ. Изъ разноцвѣтныхъ книгъ вы подробно узнали, что происходило въ дипломатическихъ канцеляріяхъ. Вы установили притворство и ложь того, кто хотѣлъ войны; вы наблюдали честность тѣхъ, кто хотѣлъ сохранить миръ.

Итакъ Вильгельмъ II ждетъ объявленія войны союзниками, онъ хочетъ, чтобы ему объявили войну, хочетъ, чтобы на него напали. Но отъ нетерпѣнія онъ вынужденъ нарушить равновѣсіе, бросивъ вызовъ Европѣ.

Сначала Россіи. Онъ считаетъ, что она ослаблена японской войной. Онъ думаетъ, что водка поможетъ деморализаціи солдатъ. Своимъ золотомъ онъ подкупаетъ забастовщиковъ, чтобы вызвать мятежъ. Онъ ошибся. Россія оказалась не такою, какой онъ ее считалъ. Какъ только война была объявлена, водку запретили, какъ ядъ. Такимъ образомъ пьянство было устранено. Что касается забастовокъ, то онѣ прекратились словно по волшебству. Патріотическая война есть война народная. Защита Родины объединила всѣ силы. Въ Россіи всѣ сердца бьются заодно съ сердцемъ Царевымъ.

Затѣмъ Франція. Ее Вильгельмъ II считалъ разрозненной, раздираемой междоусобными распрями; онъ считаетъ ее антимилитаристкой, рабой, влюбленной въ наслажденіе и неспособной къ напряженнымъ усиліямъ. Онъ знаетъ, что во Франціи царствуетъ зеленый напитокъ, истощающій тѣлесныя силы и разрушающій умственныя способности. Онъ ошибся. Благодаря запрещенію абсента, Вильгельмъ самъ сталъ причиной истиннаго возрожденія. Франція была не такова, какою онъ ее считалъ. Объявляя ей войну, онъ не усчиталъ возможности расцвѣта и полнаго единенія, онъ самъ убилъ антимилитаризмъ; любовь

sion d'unité parfaite, il a tué l'antimilitarisme; il a remplacé l'amour du bienêtre par l'amour du devoir. Il a transfiguré la France. Il a imprimé à nos compatriotes un élan sublime de fiéreté Nationale.

Guillaume II en spéculant sur les faiblesses des deux alliés ses ennemis les a fortifiés, les a plus étroitement unis et a doublé, triplé, quadruplé leurs forces morales. Telle est son oeuvre.

Il enfreint, il viole la neutralité de la Belgique. Il l'insulte par ses ultimatums. Ce petit royaume est pour lui une puissance négligeable, sans armée, destinée au servage. Il s'est trompé. La Belgique n'est pas ce qu'il croyait. Ce vaillant peuple a tenu en échec, durant plus d'un mois, les écrasantes hordes teutones et, tout entier, depuis son Roi jusqu'au dernier de ses sujets a formé une immortelle phalange de héros et de martyrs. Guillaume II en Belgique accomplit la plus infâme partie de son oeuvre.

Son oeuvre était un outrage à l'honneur de l'Europe. Cet outrage fit tressaillir l'Angleterre où le culte de l'honneur tient une si large place et avec nous, avec la Russie, avec la Belgique elle veut venger l'honneur menacé. Ici aussi Guillaume II s'est trompé. En Grande Bretagne comme en France, en Russie, et en Belgique il n'y eut qu'un cri: Sauvons le Droit, la Liberté, l'honneur. Guillaume II éprouve des surprises en accomplissant son oeuvre.

Férocité des généraux, des officiers, des soldats allemands; Servilité, hypocrisie des savants allemands; tels sont les résultats de l'action toxique des bacilles du bouillon de Kultur germanique soigneusement cultivés pour l'inoculation des volontés du néfaste souverain. L'influence exercée sur les fauteurs de son activité dévorante n'est pas un des moindres caractères de son oeuvre.

Comme l'a exprimé M. Delafosse, député: „La Kultur spéciale qui élabora ce programme de guerre, puis en ordonna l'exécution, est le plus monstrueux phénomène de barbarie qui ait jamais terrifié le monde.“ [1])

Pour se disculper, nos ennemis se servent de ces mots: „c'est la guerre.“ Oui c'est la guerre, mais la guerre à la manière du milita-

[1]) Jules Delafosse. Les sanctions finales. Echo de Paris 16 Janvier 1915.

къ благамъ жизни онъ замѣнилъ чувствомъ долга. Онъ переродилъ Францію. Онъ внушилъ нашимъ соотечественникамъ чудесный порывъ Національной гордости.

Играя на слабыхъ струнахъ своихъ враговъ, обоихъ союзниковъ, Вильгельмъ II укрѣпилъ, тѣснѣе сблизилъ ихъ, удвоилъ, утроилъ, учетверилъ ихъ нравственныя силы. Вотъ его дѣло.

Онъ нарушаетъ, онъ насилуетъ право Бельгіи. Своими ультиматумами онъ ее оскорбляетъ. Для него это маленькое королевство— ничтожная величина, безъ войска, обреченная на рабство. Онъ ошибся. Бельгія не такова, какою онъ ее считалъ. Этотъ доблестный народъ въ теченіи мѣсяца слишкомъ сдерживалъ сокрушительныя тевтонскія полчища, и весь единый, начиная съ Короля и кончая послѣднимъ подданнымъ, создалъ безсмертный сонмъ богатырей и мучениковъ. Въ Бельгіи Вильгельмъ II совершилъ самую безчестную часть своего дѣла.

Его дѣло было оскорбленіемъ европейской чести. Отъ этого оскорбленія дрогнула Англія, гдѣ культъ чести стоитъ такъ высоко, и вмѣстѣ съ нами, вмѣстѣ съ Россіей и Бельгіей она хочетъ отомстить за угрожаемую честь. Здѣсь Вильгельмъ II опять ошибся. Въ Великобританіи, какъ во Франціи, Россіи и Бельгіи, вездѣ послышался одинъ призывъ: спасемъ Право, Свободу, Честь. Приводя въ исполненіе свое дѣло, Вильгельмъ II наталкивается на неожиданности.

Звѣрства нѣмецкихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, подлость и лицемѣріе нѣмецкихъ ученыхъ, таковы послѣдствія ядовитаго вліянія микробовъ германской культуры, тщательно выращенныхъ для прививки повелѣній злополучнаго государя. Ихъ вліяніе на защитниковъ этой гибельной дѣятельности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ во всемъ его дѣлѣ.

Депутатъ Делафоссъ говоритъ такъ: „Особая kultur, выработавшая такой планъ войны и затѣмъ отдавшая приказъ начать ее, есть самое чудовищное проявленіе варварства, которое когда-либо видѣлъ міръ.“[1])

Чтобы оправдаться, наши враги пользуются словами: „это война.“ Да война, но война по образцу нѣмецкаго милитаризма, понимая такъ, какъ ее понимаетъ его верховный глава, а не та война, какъ ее пони-

[1]) Jules Delafosse. Les sanctions finales. Echo de Paris, 16 janvier 1915.

risme allemand, telle que la comprend son chef suprême et non la guerre telle que nous français, russes, anglais, belges, japonais, serbes nous la comprenons. Nous combattons pour l'honneur et avec honneur.

Le maréchal von Hindenburg va plus loin il a déclaré dans la Neue Freie Presse de Vienne: „on ne fait pas la guerre avec de la sentimentalité. Plus la guerre est faite impitoyablement plus elle est humaine, au fond, car elle prendra fin plus vite. Les méthodes de guerre qui amènent la paix avec plus de promptitude sont et demeurent les plus humaines."

M. Hanotaux a brillament réfuté cette erreur: „Eh bien les faits prouvent que sur ce point comme sur tant d'autres, les Allemands sont de médiocres psychologues. Ils ont dit une bêtise et parce qu'ils l'ont dite, ils veulent que tout le monde la croie: c'est une bêtise de plus, voilà tout. Il en est des affirmations de Hindenburg, comme de celles de Bethmann Hollweg sur le chiffon de papier.

A la façon dont ce dernier plaide sa cause, on voit qu'il la sent perdue: il a cette pancarte plaquée dans le dos jusqu'à la consommation des siècles. Un sort pareil attend la déclaration du maréchal.

Dire qu'on rend les guerres plus courtes en les faisant plus sanguinaires, c'est non seulement une chose affreuse, c'est aussi une erreur de jugement absolue. La violence poussée à ce point crée la fureur, développe l'esprit de vengeance, les haines inexpiables, les résolutions farouches, la volonté de lutter jusqu'à la mort. Les faits sont là." [1])

Comme l'a écrit M. Barrès: „nos ennemis ont fabriqué une extraordinaire artillerie idéologique, si j'ose le dire, et des arguments de tous calibres."

Ne l'oublions pas, ces généraux font la guerre d'une façon criminelle et ils écrivent aussi d'une façon criminelle. Ils déshonorent à la fois et leur épée et leur plume. Voyons en eux les porte-paroles de leur chef suprême et l'émanation de l'esprit qui le dirige dans son oeuvre. Loin do moi la pensée d'atténuer la responsabilité des hordes barbares et de ceux qui les conduisent. Cette bande de bourreaux serviles ne sera jamais assez honie et méprisée. Mais c'est à l'Empereur d'Allemagne

[1]) Gabriel Hanotaux. Crimes de droit commun. Figaro 1-e février 1915

маютъ Французы, Русскіе, Англичане, Бельгійцы, Японцы, Сербы. Мы воюемъ за честь и съ честью.

Фельдмаршалъ Гинденбургъ идетъ дальше и заявляетъ въ Вѣнской Neue Freie Presse: „Съ сантиментальностью нельзя воевать. Чѣмъ война безпощаднѣе, тѣмъ она въ сущности человѣчнѣе, потому что она скорѣе кончается. Способы веденія войны, какъ можно скорѣе приводящіе къ миру, были и останутся самыми человѣчными.“

Г-нъ Ханото блестяще опровергаетъ подобное заблужденіе: „Событія показываютъ, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, нѣмцы являются плохими психологами. Они сказали глупость, и потому только, что они ее сказали, хотятъ, чтобы всѣ ей повѣрили: вотъ еще одна глупость, только и всего. Сюда относятся заявленія Гинденбурга, а также и Бетманнъ-Гольвега о клочкѣ бумаги.

„По тому способу, какимъ послѣдній защищаетъ свое дѣло, ясно видно, что оно проиграно: эти слова до скончанія вѣковъ запечатлѣны на его спинѣ каторжнымъ клеймомъ. Подобная же участь ожидаетъ и заявленіе фельдмаршала.

„Говорить, что война тѣмъ скорѣе кончается, чѣмъ она кровопролитнѣе, значитъ не только сказать ужасную вещь, но также и сдѣлать громадную ошибку противъ правильнаго мышленія. Насиліе, доходящее до такой степени, создаетъ ярость, развиваетъ духъ мщенія, неизгладимую ненависть, жестокую рѣшимость, желаніе бороться не на жизнь, а на смерть. Таковы факты.“ [1])

Баррэ пишетъ: „Наши враги выработали особую мыслительную артиллерію, если можно такъ выразиться, и приводятъ различныя доказательства всевозможныхъ образцовъ.“

Не забудемъ, что эти генералы ведутъ войну преступными способами, и пишутъ тоже преступнымъ образомъ. Они опозорили въ одно и то же время и свою шпагу, и свое перо. Въ нихъ мы видимъ лишь рупоры ихъ верховнаго вождя и развитія духа, направляющаго его дѣятельность. Я далекъ отъ мысли умалять отвѣтственность дикихъ ордъ и тѣхъ, кто ими руководитъ. Мало проклинать и презирать эту шайку подлыхъ палачей. Но нужно добраться и до Германскаго Импе-

[1]) Gabriel Hanotaux. Crimes de droit commun. Figaro, 1-er février 1915.

qu'il faut remonter, car il couvre de son autocratie l'aberration de tout son peuple. Il résume les responsabilités de ses agents en assumant celle de son oeuvre.

Le grand coupable qui se présente actuellement au jugement du monde entier occupera une terrible place dans l'histoire des souverains qui ont voulu par des hécatombes se créer une omnipotence aussi forte que redoutable. Il a préparé, il a causé un ébranlement et un bouleversement général. Il a agi sur le tempérament mondial tel qu'il était en 1914 comme agit un stupéfiant. Il a spéculé sur cet amour de la paix qui animait ses voisins, il a cherché à faire croire qu'il le partageait. Durant qu'il préparait la guerre, il encourageait incidieusement les tendances délétaires chez ceux qu'il allait attaquer. De la sorte il poursuivait son oeuvre.

Son oeuvre, Guillaume II la peint aux nations neutres sous un faux jour. Chez elles il entretient une campagne de mensonges, chez elles il a des agents. Ses diplomates font des efforts surhumains et multiplient des promesses sans bornes et sans avenir.

Guillaume II a tout prévu excepté l'encerclement de son empire, encerclement complet aujourd'hui, car il est entouré d'ennemis déclarés ou d'ennemis latents. Et l'on voit combien sage et prévoyante était la politique de M. Delcassé. Encerclement politique, militaire, économique et financier. „Le fauve est bien et irrémédiablement enfermé dans sa cage. Il n'en peut plus sortir. Il ne peut plus s'y nourrir que des restes de ses rapines.“ [1])

Cette situation critique, c'est son oenvre car elle dérive de la guerre. Or qui a déclaré la guerre à la Russie puis à la France? Qui, par la violation de la neutralité belge a contraint à la guerre la Grande Bretagne? Cette guerre mondiale qui l'a voulue, qui l'a cherchée si non Guillaume II?

Au mépris du droit, le blocus fictif des côtes anglaises est décreté par l'Allemagne. Ce n'est plus la guerre, s'est le brigandage de la grande route de la mer; c'est la piraterie; c'est une crise d'un orgueil colossal qui fait lancer par le Kaiser contre les nations neutres ce manifeste de provocation. Voilà une nouvelle phase de l'oeuvre de Guillaume II.

---

[1]) A. Fitz-Maurice. L'Encerclement. Figaro 11 février 1915.

ратора, потому что своей державной властью онъ прикрываетъ заблужденія своего народа. Онъ утверждаетъ дѣла своихъ чиновниковъ, принимая на себя отвѣтственность за свое дѣло.

Великій преступникъ, стоящій теперь передъ судомъ цѣлаго міра, займетъ страшное мѣсто въ исторіи государей, цѣною кровопролитія пожелавшихъ создать себѣ всемогущую власть, столь же сильную, сколь и опасную. Онъ подготовилъ, онъ создалъ всеобщее потрясеніе и переворотъ. Онъ воздѣйствовалъ на міровой темпераментъ, такой, какимъ онъ былъ 1914 году, такъ, какъ дѣйствуетъ только безумецъ. Онъ игралъ на той любви къ миру, которая вдохновляла его сосѣдей, онъ старался заставить ихъ повѣрить, что и онъ раздѣляетъ съ ними эту любовь. Подготовляя войну, онъ дѣятельно поощрялъ тлетворныя склонности тѣхъ, на кого хотѣлъ напасть. Такимъ образомъ онъ преслѣдовалъ свои цѣли.

Нейтральнымъ народамъ Вильгельмъ II представляетъ свое дѣло въ ложномъ свѣтѣ. У нихъ онъ ведетъ цѣлую кампанію лжи, для нихъ у него есть свои агенты. Его дипломаты употребляютъ сверхчеловѣческія усилія и не скупятся на безграничныя и безконечныя обѣщанія.

Вильгельмъ II предвидѣлъ все, кромѣ блокады своей Имперіи, блокады, теперь уже полной, потому что онъ окруженъ явными врагами и врагами тайными. Теперь ясно, насколько мудрой и дальновидной была политика Делькассэ: политика политической, военной, экономической и финансовой блокады. „Дикій звѣрь крѣпко и безнадежно запертъ въ клѣткѣ. Онъ не можетъ убѣжать. Онъ можетъ питаться только остатками отъ своихъ грабежей.“ [1])

Это крайнее положеніе—его дѣло, потому что оно явилось послѣдствіемъ войны. Потому что, кто же объявилъ войну Россіи, а затѣмъ и Франціи? Кто же, нарушивъ нейтралитетъ Бельгіи, втянулъ въ войну Великобританію? Кто же хотѣлъ, кто искалъ эту міровую войну, кромѣ Вильгельма II?

Вопреки праву, Германіей объявлена фиктивная блокада англійскихъ береговъ. Это уже не война, а разбой на большой дорогѣ и на морѣ; это пиратство; этотъ переломъ въ исполинской гордости, заставляющій кайзера бросить нейтральнымъ народамъ этотъ вызывающій приказъ. Вотъ новая ступень дѣятельности Вильгельма II.

---

[1]) A. Fitz-Maurice. L'Encerclement. Figaro, 11 février 1915.

Cette phase intéresse directement les neutres. Lorsqu'ils se croient à l'abri denière leur craintive neutralité, on annonce qu'on coulera leurs vaisseaux corps et biens. Cet ultimatum brutal succède à la cour faite aux neutres pour obtenir leurs faveurs et leurs concours.

La campagne de Guillaume II pour gagner les neutres à sa cause a produit l'effet contraire à celui qu'il espérait. „Après avoir usé d'une feinte douceur, l'Allemagne passe à la terreur qu'elle répand parmi les neutres, puis elle tente de leur inspirer de la pitié. Elle montre son peuple de 70 millions d'âmes que les commerçants anglais cherchent à faire mourir de faim. Elle invoque à son profit les méthodes de guerre humanitaires.“[1])

Là ne se borne pas l'activité du Kaiser; dans une tentative suprême elle s'est appliquée à désunir les alliés. Or ses essais n'ont fait que rendre leurs rapports plus étroits, plus intimes, qu'affermir leur volonté d'écraser les barbares qui déshonorent le XX-e siècle.

Son oeuvre, avant d'être achevée, a déjà valu bien des malédictions au souverain néfaste. On l'a dit fou, malade, que sais-je encore? Alors, si il est fou, comment se fait-il que ses millions de sujets le conservent comme empereur? Aurait-il communiqué un désordre mental à tout son peuple? Les allemands sont-ils devenus fous d'orgueil et d'ambition à la ressemblance de leur monarque? Ce n'est pas impossible. Si il est malade, comment peut-il se promener constamment de l'Est à l'Ouest de l'Europe? Comment peut-il, en commandant suprême, diriger cette guerre formidable?

Puisqu'il est considéré comme fou et malade à la fois—à la folie, à la maladie il faut opposer un remède radical et ce remède sera sans doute choisi par une consultation européenne.

Dans cette consultation, on examinera avec soin le cas de la personnalité soumise aux autorités compétentes; on examinera minutieusement comment elle s'est comportée depuis le début de la crise datant de Juillet 1914, et cela, après avoir analysé lec symptômes qui l'ont précédé. On examinera sa conduite vis à vis de ses pairs, vis à vis de ses subordonnés. Suivra l'énumération des accès fiévreux du mal: l'excitation traduite par des colères, par des exigeances désordonnées, par des mou-

[1]) Jean Herbette. A l'avertissement américain répond un défi allemand. Echo de Paris. 19 février 1915.

Эта ступень затрогиваетъ именно нейтральныя государства. Прячась за свой трусливый нейтралитетъ, они считаютъ себя въ безопасности, а имъ заявляютъ, что ихъ суда пустятъ ко дну вмѣстѣ съ грузомъ и людьми. Этотъ грубый ультиматумъ смѣнилъ ухаживанія за нейтральными государствами для того, чтобы снискать ихъ расположеніе и поддержку.

Походъ Вильгельма II на нейтральныя государства окончился совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ. „Испробовавъ притворную нѣжность, Германія переходитъ къ запугиванію нейтральныхъ государствъ, потомъ она пытается взывать къ ихъ чувству жалости. Она старается показать, что англійскіе промышленники хотятъ уморить съ голоду все ихъ населеніе, 70 милліоновъ душъ. Для своей пользы она ссылается на человѣчные способы веденія войны“ [1]).

Дѣятельность кайзера этимъ не ограничивается; онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку—старается поссорить союзниковъ. Но всѣ эти усилія только сближаютъ ихъ, дѣлаютъ ихъ отношенія болѣе тѣсными, упрочиваютъ ихъ стремленія раздавить варваровъ, позорящихъ XX-й вѣкъ.

Его дѣло, еще не законченное, уже навлекло немало проклятій на голову злополучнаго государя. Его называли сумасшедшимъ, больнымъ, не знаю, какъ еще? Но если онъ сумасшедшій, какъ же милліоны его подданныхъ все еще считаютъ его своимъ императоромъ? Можетъ быть, онъ заразилъ безуміемъ весь свой народъ? Можетъ быть, нѣмцы помѣшались на гордости и честолюбіи, наподобіе своего владыки? Это не совсѣмъ невозможно. Но если онъ боленъ, какъ же онъ можетъ постоянно переѣзжать съ запада Европы на востокъ? Какъ же онъ можетъ, въ качествѣ высшаго вождя, руководить этой сложной войной?

Если его считаютъ сумасшедшимъ и въ то же время больнымъ, то нужно найти исчерпывающее средство противъ безумія и противъ болѣзни, и, конечно, это лѣкарство будетъ избрано на европейскомъ совѣтѣ.

На этомъ совѣтѣ будетъ тщательно разсмотрѣно дѣяніе того, кто подлежитъ суду свѣдущихъ лицъ; будетъ внимательно изучено, какъ онъ велъ себя съ самаго начала рѣзкаго переворота въ іюлѣ 1914 года, и это будетъ сдѣлано послѣ того, какъ будутъ разсмотрѣны всѣ предшествующіе признаки болѣзни. Будутъ разсматривать его поведе-

[1]) Jean Herbette: A l'avertissement américain répond un défi allemand. Echo de Paris, 19 février 1915.

vements sacadés par des paroles terribles, par l'amour du bruit, par le manque de sommeil, par des visions et autres manifestations anormales.

La consultation portera sur les efforts du sujet soumis à l'expérience éprouvée des celébrités vouées aux sciences morales et politiques, efforts pour dominer et moyens employés dans ce but. Le sujet qu'on examine ne serait-il pas enragé? C'est-on demandé. Est-ce un homme ou un Sur-homme? Est-ce un possédé? Et les docteurs en diplomatie de discourir sur les diagnosties. Les phénomènes de la vie du patient, depuis qu'il se plaint de tout le monde et que tout le monde se plaint de lui, sont solennellement énoncés. Les voici:

oubli de la parole donnée;
destruction des chiffons de papier;
propension au mensonge;
fréquents accès de pillage;
soif de sang; hécatombes militaires;
sacrifices de victimes humaines, vieillards, femmes et enfants après mutilations;
achèvement des blessés;
besoin intermittant et fréquent d'incendier;
goût tout particulier pour multiplier les ruines;
dégoût prononcé de l'honneur.

L'assemblée unanime s'écrie: „horreur!“ Quelle oeuvre monstrueuse!“

Les consultants sont d'accord pour déclarer le cas comme étant très grave. Aucun d'eux n'en a observé de semblable depuis qu'il exerce. Aucun d'eux n'a pu, dans les annales, découvrir de situation similaire. Cas unique déclare la faculté. Alors quel remède opposer au mal?

Une carte géographique de l'Europe s'offre aux regards des membres de cette conférence sanitaire. D'un commun accord les consultants indiquent le centre de la carte. Là est le mal, disent-ils. Puis plus bas: Là sont les parties contaminées.

Les sommités imbues de leur grave responsabilité proposent tout d'abord des saignées successives et une diète rigoureuse. Finalement les plus autorisés par leur compétence tombent d'accord sur la nécessité subséquente d'une intervention chirurgicale. Quand y procèderez vous,

ніе по отношенію къ его сановникамъ, по отношенію къ его подчиненнымъ. Послѣдуетъ перечисленіе лихорадочныхъ приступовъ болѣзни: возбужденіе, выражаемое гнѣвомъ, безпорядочными приказами, порывистыми движеніями, грозными словами, пристрастіемъ къ шуму, безсонницей, галлюцинаціями и другими ненормальными явленіями.

Совѣщаніе сошлется на усилія указаннаго лица, отданнаго подъ власть свѣтилъ нравственныхъ и общественныхъ наукъ, усилія, направленныя къ тому, чтобы овладѣть собой, и тѣхъ средствъ, которыя употреблялись для достиженія этой цѣли. Развѣ испытуемое лицо не придетъ въ бѣшенство? спросите вы. Человѣкъ это, или сверхъ-человѣкъ? Или онъ одержимый? И докторамъ дипломатіи есть о чемъ побесѣдовать съ врачами—діагностами. Тогда будутъ торжественно оглашены нѣкоторыя явленія въ жизни паціента, съ тѣхъ поръ, какъ онъ жалуется на весь свѣтъ, а весь свѣтъ жалуется на него. Вотъ они:

Забытое честное слово.

Уничтоженіе клочковъ бумаги.

Склонность ко лжи.

Частые приступы разбоя.

Жажда крови; военныя гекатомбы.

Принесеніе человѣческихъ жертвъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, послѣ предварительнаго калѣченія ихъ.

Добиваніе раненыхъ.

Непреодолимая и частая потребность въ пожарахъ.

Особое пристрастіе къ умноженію числа развалинъ.

Ясно выраженное отвращеніе къ чести.

Собраніе единодушно восклицаетъ: „Ужасно! Что это за чудовищное дѣло!“

Совѣщающіеся согласны объявить этотъ случай очень тяжелымъ. За все время практики ни одному изъ нихъ не доводилось наблюдать ничего подобнаго. Въ лѣтописяхъ ни одинъ изъ нихъ не встрѣчалъ подобнаго положенія дѣлъ. Власти объявляютъ этотъ случай единичнымъ. Но какое же лѣкарство прописать противъ такой болѣзни?

Передъ глазами участниковъ этого санитарнаго совѣта находится карта Европы. По общему побужденію совѣщающіеся указываютъ на самую середину этой карты. Вотъ гдѣ зло, говорятъ они. Потомъ показываютъ немного ниже: здѣсь зараженныя части.

Знаменитости, проникнутые важностью лежащей на нихъ отвѣтственности, принимая во вниманіе все вышесказанное, прежде всего предлагаютъ по временамъ кровопусканія и соблюденіе строгой діэты. Подъ конецъ самые освѣдомленные изъ нихъ соглашаются, что послѣ этого необходимо хирургическое вмѣшательство. Когда же вы къ нему

maîtres? demandent quelques neutres et ils ajoutent: notre concours alors vous sera acquis.

A ce moment, le sujet soumis malgré sa volonté à cette consultation obligatoire rassemble ses forces déjà épuisées, foudroye d'un regard injecté de sang les émissaires de la santé publique et menaçant encore il leur crie: e t m o i!

Alors les sages docteurs se retirèrent se donnant mutuellement un prochain rendez vous. Ils rédigèrent un bulletin ainsi libellé:

„Cas grave. Symptômes morbides. Situation inquiétante. Intervention chirurgicale nécessaire. Avant d'y procéder une déperdition de forces chez le sujet en traitement est jugée indispensable. Les praticiens se trouveront prochainement réunis pour opérer lorsqu'ils jugeront le moment venu."

„Le présent bulletin sera porté à la connaissance du public."

L'oeuvre salutaire apportera, l'unique, l'irréluctable remède pour mettre fin à l'oeuvre délétère de celui qui a voulu répandre partout le mal et la mort.

Alors Guillaume II, fléau de l'humanité, verra sombrer son oeuvre déjà sur son déclin. L'Europe Vengeresse rendra victorieux son honneur menacé. Le droit et la Liberté, meurtris par le joug barbare reprendront leur rôle immortel. Alors les alliés: Français, Russes, Anglais, Belges, Serbes et Japonais recevront des lauriers de la civilisation triomphante et reconnaissante.

Baron de Baye.

Pétrograd. Mars 1915.

приступите, господа? спрашиваютъ нѣкоторыя нейтральныя особы, и прибавляютъ: тогда и наша помощь будетъ вамъ обезпечена.

Въ эту минуту лицо, противъ своей воли подвергнутое неизбѣжной консультаціи, собирается съ послѣдними силами, и съ налитыми кровью глазами бросаетъ молніеносный взглядъ на публичное собраніе санитарнаго совѣта, и, все еще грозя, кричитъ имъ: А Я!

Тогда мудрые врачи удалились, давъ другъ другу слово собраться въ слѣдующій разъ. Они издали бюллетень, составленный такимъ образомъ:

„Случай тяжелый—признаки его смертельны. Положеніе опасное. Хирургическое вмѣшательство необходимо. Прежде чѣмъ приступить къ нему, для лѣченія считается необходимой потеря силъ у больного. Пользующіе врачи находятъ необходимымъ собраться для совмѣстной работы въ ближайшемъ будущемъ, когда найдутъ, что подходящее время наступило.“

„Этотъ бюллетень будетъ доведенъ до всеобщаго свѣдѣнія.“

Спасительное дѣяніе дастъ единственное, неизмѣнное лѣкарство, чтобы положить конецъ смертельному дѣлу того, кто захотѣлъ повсюду разсѣять горе и смерть.

Тогда Вильгельмъ II, бичъ человѣчества, увидитъ, что его дѣло проиграно. Европа—Мстительница побѣдоносно вернетъ себѣ свою честь, которой онъ грозилъ. Право и Свобода, сдавленныя варварскимъ игомъ, опять возьмутъ на себя свою безсмертную роль. Тогда союзники: Французы, Русскіе, Англичане, Бельгійцы, Сербы и Японцы увѣнчаютъ себя лаврами торжествующей и благодарной цивилизаціи.

Баронъ де Бай

Петроградъ, Мартъ 1915 года.

ДВА ИМАНА ИЛИ ИСТРЕБЛЕНІЕ ДОМА АВАРСКАГО

(Историческое повѣствованіе о Кавказѣ).

Во время короткаго шествія правительницы, вся толпа любопытныхъ, состоящая разумѣется изъ однихъ мужчинъ,—иначе быть не можетъ въ мусульманскихъ странахъ,—преклоняла голову, прикладывая правую руку къ околышку шапки и говорила въ полголоса: „саламъ алекумъ Кистемана-Беке“ [1]). Всѣ эти люди любили правительницу, которую большая часть изъ нихъ въ первый разъ видѣла или воображала, что видитъ. Какимъ это образомъ? спросите вы. Вотъ вамъ объясненіе: Умаханъ, покойный мужъ Кистеманы умѣлъ окружать себя людьми мудрыми, благонамѣренными и преданными родинѣ своей; онъ былъ бичъ и каратель корыстолюбцевъ, обогащающихся притѣсненіями, искателей почестей посредствомъ гнусныхъ происковъ. Изгнавъ и удаливъ изъ Аваріи всѣхъ иноплеменниковъ, онъ любилъ и цѣнилъ бековъ своей земли, которые помогали ему управлять народомъ, будучи съ малолѣтства пріучены почитать своихъ предковъ и ихъ дѣянія. Молодые беки росли съ своимъ поколѣніемъ, и почерпая свѣдѣнія изъ преданій старины, постоянно, собственнымъ опытомъ, роднились съ нуждами, потребностями и чувствами соотчичей; такимъ образомъ любовь и взаимное движеніе было составомъ узъ, связывающихъ всѣ сословія въ Аваріи. Кистемана, умная и благородная женщина, придерживалась правилъ мужа, и слѣпо слѣдовала правительственному направленію, имъ данному; она до того опасалась чужестранцевъ, что даже своихъ родныхъ выпроваживала скорѣе изъ Хунзака, сама же никогда ихъ не приглашала; по этому самому народная гордость Аварцевъ оставалась признательна, что ее не оскорбляютъ зависимостью отъ пришлецовъ и насильниковъ. Аварцы тѣмъ болѣе цѣнили свое

---

[1]) *Беке*, титулъ ханскихъ женъ.

положеніе, что видѣли ежедневно примѣры противнаго въ сосѣдственныхъ ханствахъ, гдѣ искатели приключеній, желая обогатиться трудами чуждаго имъ племени, захватывали бразды правленія и, угнетая народъ, заставляли его терпѣть бѣдность и роптать. Аварцы сравнивали своихъ сосѣдей съ собою, и, разумѣется, любовь и благодарность были справедливымъ возмездіемъ мудрой Кистеманѣ. Строгія, но справедливыя казни обезпечивали общественное спокойствіе. Къ довершенію всего, всѣ допускаемые до правительницы превозносили ея умъ, доброту, внимательность, справедливость и твердость духа, безъ мстительности и самоуправства. Все это заставляло даже тѣхъ, которые не видывали Кистеманы, любить ее съ благоговѣніемъ и благодарностію, теперь же привѣтствовать.

Вдова вошла въ Кунакскую, и всѣ присутствующіе съ благоговѣніемъ встали. Когда она дошла до Ханскаго сѣдалища, тогда Эеренди сдѣлалъ ей знакъ вступить на мѣсто, освященное властію. Снявъ туфли, она обернулась къ собранію; Эеренди просилъ ее сбросить чадру, ибо, говорилъ онъ, тутъ все люди, передъ которыми всякая женщина по заповѣди пророка, должна раскрыться; потомъ пригласилъ ее сѣсть—и все собраніе сѣло. [1]) Кистимана также усѣлась на бархатный коверъ, сложивъ ноги подъ себя и облокотясь на парчевыя подушки. Спустивъ чадру, она показала присутствующимъ свое прекрасное лицо, еще въ полномъ цвѣтѣ молодости; необыкновенный умъ игралъ въ ея выраженіи; а роскошная шея краснѣла подъ тягостью драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ. Ея женщины стали по обѣимъ сторонамъ ханскаго сѣдалища

Маститый Эеренди, славившійся даромъ слова, въ предлинной рѣчи, растянутой всѣми цвѣтами алегоріи азіатскаго краснорѣчія, высказалъ правительницѣ цѣль депутаціи и отъ имени всего народа просилъ ее выбрать одного изъ двухъ предлагаемыхъ жениховъ. Въ заключеніе объявилъ, что его грѣшными, беззвучными устами говорили всѣ присутствующіе, которые въ знакъ подтвержденія важно опустили головы, прикладывая правую руку къ сердцу. Умная и хитрая Кистемана съ достоинствомъ, смѣло отвѣчала слѣдующимъ образомъ:

„Достойный Эеренде и почтенные, мудрые Аварцы! да продлитъ Аллахъ дни ваши и до сохранитъ достоинства всѣхъ и каждаго! Аварскіе Ханы всегда считали свой народъ своимъ семействомъ,—и я, представительница юной нашей владѣтельницы, не могу иначе видѣть себя какъ посреди одного большаго семейства, называемаго Аварскимъ.

[1]) У азіатцевъ женщина тогда только можетъ сѣсть, когда всѣ мужчины сядутъ.

Среди своихъ, первымъ условіемъ должно быть чистосердечіе. Зачѣмъ же вы не скажете мнѣ прямо и просто свое желаніе? Зачѣмъ скрывать истину отъ родной своей? Зачѣмъ вынуждать меня ее переводить? Я вкратцѣ изложу вамъ настоящее. Аварія не довольна своей правительницей, а такъ какъ она мать юной ханши, вы опасаетесь найти слишкомъ сильное сопротивленіе во мнѣ, чтобы уступить бразды правленія другому; по этому вы хотите выдать меня замужъ, чтобы мужъ мой былъ вмѣстѣ и правителемъ! Но скажите, можете ли вы поручиться, что онъ со временемъ не содѣлается Ханомъ? А Паху-Беке, послѣдняя отрасль цѣлаго ряда доблестныхъ вашихъ князей, отцовъ Аварскаго народа, не будетъ изгнана? Вы забыли, что новое Ханское поколѣніе не будетъ имѣть богатѣйшаго наслѣдства Аварскаго дома—преданій о любви народной, о добродѣтеляхъ и преданности къ Отечеству Великихъ Хановъ, дѣдовъ и прадѣдовъ Паху—Беке! Вы забыли, что въ этомъ наслѣдіи таится залогъ блага подвластныхъ и отечества!... Пускай народъ требуетъ отъ меня всего что нужно ему для счастія своего, я сочту себя счастливою пожертвовать жизнію для него, съ радостію сложу съ себя власть и званіе правительницы, если онъ не доволенъ, несчастливъ моимъ правленіемъ; но я слишкомъ предана, слишкомъ привязана къ Аварскому народу, чтобы согласиться лишить Паху-Беке ея отцовскаго наслѣдія, а соотчичей—вѣрнѣйшаго залога ихъ грядущаго благоденствія.

Кистемана умолкла. Она приняла на себя видъ сильнаго душевнаго безпокойства, глубокой тоски, но непоколебимой твердости.

Не смотря на всѣ старанія сохранить должную степенность, весь сонмъ слушателей, къ концу ея рѣчи, оказывалъ признаки возрастающаго негодованія и нетерпѣнія. Самъ Эеренди провелъ неоднократно дряхлою рукою по длинной бородѣ своей такъ крѣпко, что еслибъ другой ему это сдѣлалъ, онъ сказалъ бы, что его выдрали за бороду.

Лишь только Кистемана замолчала, какъ со всѣхъ сторонъ послышались слова: „Эеренди! Увѣрь Кистеману Беке, что намъ правительницы лучше быть не можетъ; весь народъ ее благословляетъ и готовъ лечь за нее и за право Паху-Беке; одинъ врагъ отечеству можетъ покуситься на права юной Ханши! Изъясни нашу просьбу, желаніе народа!“

Словоохотный старикъ не заставилъ себѣ повторить; онъ началъ новую длинную рѣчь, въ которой исчислилъ всѣ доблести покойныхъ Хановъ и увѣрялъ въ привязанности народа къ ихъ памяти и поколѣнію, въ преданности его Паху-Беке, перебралъ всѣ рѣдкія качества

Кистеманы, выхвалялъ ея мудрое правленіе, говорилъ о любви и преданности къ ней всего народа, который желаетъ лишь устроить и упрочить ея счастіе. Даже и замужемъ она должна оставаться правительницею, а мужъ ея будетъ только первымъ ея тѣлохранителемъ; другой владѣтельной особы они не примутъ, покуда Ханша жива; но еслибъ Аллахъ въ премудрости своей и ниспослалъ смерть на Паху-Беке, то и тогда они не захотятъ другаго владѣтеля, кромѣ Кистеманы, которая приметъ званіе Ханши. Эеренди кончилъ рѣчь словами: „во всемъ сказанномъ мною клянусь передъ Аллахомъ четомъ и нечетомъ, утреннимъ и вечернимъ номазомъ, мечемъ своимъ!“ Всѣ присутствующіе въ восторгѣ повторили клятву.

Кистемана, слушавшая слова почтеннаго старца съ видомъ смущенія и застѣнчивости, внутренно торжествовала. Она нагнула миловидную свою головку въ знакъ признательности за клятву — и слеза благодарности къ зрителямъ, а по истинѣ—слеза изъ запаса женскаго лукавства, выкатилась изъ черныхъ длинныхъ ея рѣстницъ и пробѣжала по щекѣ, какъ *пелегрина*[1]) Зосима перекатывалась по свѣтло-розовому атласу.

Эеренди, оправясь отъ треволненія чувствъ, продолжалъ опять, украшая рѣчь всевозможнымъ и невозможнымъ краснорѣчіемъ, и дошелъ еще разъ до предложенія одного изъ двухъ извѣстныхъ жениховъ.

Положенія вдовы становилось затруднительно: она должна была рѣшиться, и рѣшиться тотчасъ. Хотя ея выборъ былъ уже сдѣланъ; но она постигла, что оба предлагаемые жениха имѣли своихъ сообщниковъ и клевретовъ; слѣдственно назвавъ Султанъ-Ахметъ-Хома, она ставила противъ себя всѣхъ приверженцевъ Сурхая. Однако внезапное вдохновеніе, мгновенный, безотчетный изворотъ лукаваго женскаго ума, вывели ее изъ затрудненія.

Всѣ зрители ожидали рѣшительнаго отвѣта. Недобранныя четки остановились въ рукахъ. Царствовшая глубокая тишина прерывалась лишь однимъ біеніемъ благородныхъ сердецъ стариковъ. Одно сердце не билось сильнѣе обыкновеннаго—это сердце Кистеманы.

Правительница помолчала немного, потомъ опустивъ голову, съ достоинствомъ, но голосомъ тихимъ и грустнымъ, внятно произнесла: „слабая горлица, оставшаяся одинокою, предназначена насытить льва[2])

[1]) *Пелегрина*, превосходнѣйшая въ свѣтѣ жемчужина, принадлежавшая московскому жителю, Греку Зосиму. (См. выше, стр.)

[2]) Левъ у азіатцевъ въ большомъ уваженіи и употребляется какъ аллегорія всѣхъ добродѣтелей мужскихъ; змѣя также презираема, какъ и вездѣ.

или змія, она предпочитаетъ могучаго! „Едва выговорила, какъ Эеренди и за нимъ весь сонмъ вскричали: „счастливый Султанъ-Аметъ -Хамъ! Поздравляемъ тебя, Кистемана-Беке съ твоимъ выборомъ; да иначе тебѣ и немогло внушить твое благородное сердце!“

Вдова въ удивленіи подняла голову и какъ будто испуганная сказала: „Я никого не назвала!“ Эеренди въ недоумѣніи, съ нѣкоторымъ негодованіемъ спросилъ: кого-же она разумѣетъ подъ названіемъ льва? „Вы всѣ пришли“ отвѣчала Кистемана „отъ имени народа просить меня выбрать въ мужья одного изъ двухъ соперниковъ. Какъ тотъ, такъ и другой мнѣ совершенно неизвѣстны; достоинства ихъ должны быть равны, когда вы ставите ихъ ровно въ своемъ предложеніи. Стремясь во всемъ возможномъ предугадывать всегда нужды и исполнять желанія Аварцевъ, которые для меня милѣе всего на свѣтѣ, я въ настоящемъ случаѣ покоряюсь вашему стремленію. Полная довѣренности къ вамъ и къ каждому изъ васъ, достойные мужи! я представила вамъ выборъ, будучи увѣрена, что вы это сдѣлаете лучше чѣмъ я сама. Вы назвали Султанъ Ахметъ-Хана, да будетъ такъ! Чрезъ три дня совершится нашъ бракъ. „Послѣ этого Кистемана почтительно поклонилась всему собранію, встала, одна изъ женщинъ подала ей чадру и она съ восторгомъ въ душѣ, пошла обратно къ себѣ.

Дѣло рѣшено. Султанъ-Ахметъ-Ханъ будетъ мужемъ правительницы и признанъ старшинами и людьми почетными львомъ, а Сурхай остался зміемъ. Кому станетъ онъ мстить за такое оскорбленіе? Цѣлому народу, котораго депутаты нанесли ему этотъ позоръ и своимъ необдуманнымъ восторгомъ разрушили всѣ его надежды, его партію, составленную цѣною сокровищъ, имъ расточенныхъ. Нѣтъ, не такъ думалъ Сурхай и не то объяснила ему мать! Вся вина на Кистеманѣ, на нее должны обрушиться его вражда и месть! Но слова правительницы безвредны, къ нимъ нельзя и придраться—тѣмъ хуже для нее! Подъ видомъ преданности и покорности, въ ея семьѣ будетъ скрываться лютый врагъ, поклявшійся ей мстить, мстить безпощадно: если не удастся ей такъ ея поколѣнію, всему, дорогому ея сердцу!

Здѣсь встрѣчается странное сближеніе. Въ концѣ прошлаго столѣтія, королева Марія Антонія оскорбляетъ во Франціи распутнаго Герцога Орлеанскаго, и скрижали исторіи осквернены бѣдствіями Мадамъ Вато и омерзительными дѣлами гражданина Эгалите. Среди кавказскихъ дебрей, въ Аварскомъ ханствѣ, прекрасная Ханша, мудрая правительница, оскорбляетъ Аварскаго ченку—и наступаетъ кровавый Аварскій эпизодъ. Не служитъ ли это доказательствомъ, что вездѣ пороки и страсти человѣческія одинаковы?

Бракъ совершился въ назначенный день.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, покорный своему предназначенію и воинскимъ склонностямъ, въ честныхъ и успѣшныхъ набѣгахъ скоро пріобрѣлъ себѣ славное имя въ горахъ.

Умная и хитрая Кистемана, вѣрная предначертанной себѣ цѣли, несмотря на любовь и преданность къ ней мужа, не смотря на страстныя чувства, которыя сама къ нему питала, немедленно по достиженіи Паху-Беке лѣтъ замужества, убѣдила и вынудила Султанъ-Ахметъ Хана развестись съ собою и взять за себя дочь ея.

Разводъ и новый бракъ наконецъ совершилось, и бразды правленія перешли въ руки мужа юной Паху-Беке. Кистемана осталась въ Хунзакскомъ Ханскомъ дворѣ; чѣмъ сильнѣе страдали ея чувства, тѣмъ болѣе она старалась заглушить ихъ въ нѣжно-страстной любви къ дочери; но ни любовь эта, ни глубокое уваженіе къ ней зятя и всего народа, благословлявшаго ее, не могли исцѣлить глубокихъ ранъ, нанесенныхъ ея чувствамъ. Она потухла искренно и всенародно обласкиваемая; даже и Сурхай жалѣлъ ее, однако не отчаявался смертію Кистеманы. Онъ жалѣлъ, потому что всѣ его старанія отмстить ей остались тщетны—случай не допустилъ его удовлетворить своей ненависти; а не отчаявался, потому что еще оставались Паху-Беке и Султанъ-Ахметъ-Ханъ, которыхъ покойная правительница любила съ самоотверженіемъ, всей силою благороднаго ея сердца.

Впрочемъ не завидна была доля Сурхая: послѣ рокового выбора мужа Кистеманою, почти всѣ купленные его приверженцы раскрыли глаза и мало по малу отъ него отстали, а имя змѣи осталось ему навсегда въ народѣ. Такъ часто въ свѣтѣ, самыя пресловутыя имена, достигшія до этой степени по безотчетной силѣ молвы, вдругъ однимъ счастливымъ словомъ ниспровергаются и предаются уже на всегда заслуженной брани и хулѣ. Сверхъ того, истощивъ большую часть своего наслѣдства, Сурхай не могъ болѣе покупать себѣ хвалы и приверженцевъ цѣною сокровищъ. Оставленный всѣми, этотъ ченка искалъ въ пьянствѣ и распутствѣ развлеченія чувствамъ злобы и кары, всюду его преслѣдующей столь же тяжко, сколько и совѣсть преступника, а потому служилъ соотчичамъ предметомъ соблазна, омерзенія и посмѣянія. Не станемъ описывать Султанъ-Ахметъ-Хана; кто пожелаетъ съ нимъ познакомится, тотъ можетъ прочесть прекрасную повѣсть Амалатъ-Бека.

Но пользуясь неограниченнымъ правомъ воздавать справедливое мертвымъ, постараемся доказать истинныя причины его коварныхъ

измѣнъ Россіи, столь несогласныхъ, повидимому, съ его врожденной храбростію—добродѣтелью служащей несомнѣннымъ доказательствомъ благородной и высокой души.

Во первыхъ, должно вспомнить, что лишь нравственное положеніе, называемое европейскимъ современнымъ просвѣщеніемъ, дѣлаетъ умъ человѣческій способнымъ понимать въ одно время различныя понятія и покорять противорѣчіе чувствъ разсудку. Человѣкъ же не передѣланный въ горнилѣ просвѣщенія, одностороненъ въ своихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ и поступкахъ—таковъ былъ и Султанъ-Ахметъ-Ханъ. Рожденный воиномъ, проведшій всю жизнь въ бояхъ, заслужившій уваженіе и любовь соотчичей посредствомъ воинскихъ подвиговъ, онъ былъ только воинъ, болѣе ничего, и путеводимъ одними воинскими правилами; слѣдственно, онъ не измѣнялъ имъ, когда подъ видомъ покорности Россіи, старался лишь усыпить ея бдѣніе для того, чтобы внезапно напасть на ея предѣлы и одержать выгоды въ сущности ничтожныя, но ласкавшія его самолюбіе и поддерживавшія воинскую его славу во мнѣніи народномъ. Онъ называлъ это военною хитростію.

Во вторыхъ, въ тѣ годы русскіе частные начальники, справедливо не довѣряясь ханамъ, старались всѣми мѣрами противоставить имъ соперниковъ, которые, увлекаясь лестными надеждами, клеветали на своихъ владѣтелей, дѣлали на нихъ всевозможные извѣты и тѣмъ возставляли Русскихъ противъ нихъ. Это случилось и въ Аваріи, гдѣ палъ выборъ на Сурхая, чтобы противопоставить его Султанъ-Ахметъ-Хану. Само собою разумѣется, что ченка, кромѣ многихъ представлявшихся существенныхъ выгодъ, будучи заклятый врагъ хану и его семейству, не упустилъ случая отмстить ему.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, видѣвъ награды, которыя Русскіе съ свойственною имъ щедростію расточали на Сурхая; сравнивалъ свои достоинства съ его пороками, и тѣмъ терялась въ его глазахъ цѣна милостей, имъ самимъ получаемыхъ. Скоро потомъ онъ сталъ сильно оскорбляться отличіями, жалуемыми Сурхаю, который тогда уже снялъ всякую личину и явно оказывалъ хану безпредѣльную ненависть, столь долго скрываемую непримиримую вражду. Хотя Султанъ-Ахметъ-Хану легко было приказать убить ченку, но проливая потоки крови въ битвахъ, ему никогда и на умъ не приходило гнусное убійство. Съ другой стороны народъ былъ доволенъ управленіемъ обожаемаго хана и не видя никакихъ залоговъ благополучія въ порокахъ Сурхая, состоявшаго подъ особымъ покровительствомъ гяуровъ, проливалъ съ ожесточеніемъ свою кровь за Султанъ-Ахметъ-Хана противу Русскихъ.

Не объясняетъ ли это причину столь долгой войны Аваріи съ Россіею, которой благодѣтельное покровительство ей было со всѣхъ сторонъ, выгодно? Какъ защитница хановъ и существующихъ правъ, Россія никогда не требовала отъ Аваріи ни налоговъ, ни пожертвованій, между тѣмъ какъ давала ханамъ чины, жалованье, подарки, и всегда оказывала этой землѣ свое могучее покровительство.

Наконецъ Сурхай достигъ своего. За измѣны и набѣги, Султанъ-Ахметъ-Ханъ былъ отрѣшенъ Русскими отъ ханскаго достоинства, а Сурхай назначенъ правителемъ Аваріи до совершеннолѣтія юнаго Нусалъ-Хана, старшаго сына Султанъ-Ахметъ-Хана.

Изгнанный ханъ бѣжалъ отъ своихъ приверженцевъ въ горы, чтобы не навлечь, говорилъ онъ, на свое отечество бѣдствій, кровопролитія и разоренія. Онъ зналъ, что многіе положили бы за него свои головы, но онъ берегъ этихъ людей какъ послѣднюю надежду Аваріи. Султанъ-Ахметъ-Ханъ вскорѣ послѣ того погибъ безъ вѣсти, что часто случается на Кавказѣ. Сурхай, въ Хунзакѣ, первый узналъ о его смерти и объявилъ о томъ народу!...

Однако ченка не долго управлялъ Аваріею. Ненависть народа, личные пороки и лихоимство, а пуще всего коварство, дѣлавшее его неблагонадежнымъ, убѣдили кавказское высшее начальство, отрѣшить Сурхая и поручить бразды правленія Паху-Беке во имя малолѣтнаго сына ея Нусалъ-Хана.

У Паху-Беке, по смерти мужа ея, Султанъ-Ахметъ-Хана, осталось трое сыновей: Нусалъ—наслѣдный ханъ, Умаханъ и Булачь, и одна дочь—Султанета, возлюбленная Амалатъ-Бека, какъ мы видимъ изъ повѣсти Марлинскаго.

Султанета была второй женой Абу-Мусейлимъ-Хана, шамхала тарковскаго, валія дагестанскаго, владѣтеля буйнакскаго и пр., по удаленіи имъ первой жены, утратившей свою молодость и прелести въ его объятіяхъ и послѣ рожденія ею сына. Какъ шамхальша Султанета не была безгласна: въ ней замѣчались многія черты ума и твердости духа ея бабки Кистеманы; но необузданная ревнивость, самовластіе и корыстолюбіе—страсти совершенно ее поработившія, удалили отъ нея сердце шамхала; къ тому же оспа въ совершеннолѣтіи и выросшій зобъ измѣнили прежнюю красоту ея лица. Чувственный шамхалъ помышлялъ уже о новомъ бракѣ, когда представился случай, благопріятствовавшій его видамъ. Предпріимчивый ханъ мехтулинскій сваталъ за брата своего прекрасную собою и неизъяснимой доброты

вдову Кигели Кафыркумыкскую; Абу-Мусейлимъ-Ханъ укралъ ее и женился на ней. Вскорѣ послѣ того, оставивъ при себѣ сына и двухъ дочерей Султанеты, прогналъ мать ихъ въ 1842 году.

Султанета проживаетъ нынѣ, недалеко отъ Дербента, гдѣ проводитъ грустные дни, оплакивая утраченную красоту, величіе и отнятыхъ дѣтей, истощается въ безполезной ревности и ненависти къ счастливой и кроткой Кигели-Беке Кафыркумыкской.

Паху-Беке управляла Аваріею счастливо и спокойно, умѣла заслужить народную любовь, но коротки были для нея дни счастія! Родилось мюридство, и Газы-Мулла взволновалъ всѣ умы, проповѣдуя всеобщее возстаніе мусульманъ. Умная Паху-Беке постигла, что религія служитъ лишь предлогомъ честолюбцу, который стремится стать на обломкахъ владѣтельныхъ домовъ. Она спѣшила объявить себя противъ нововведенія и обмана; народъ послѣдовалъ ея примѣру. Правительница хотѣла изгнать изъ Аваріи Сурхая, который, она знала, имѣлъ тайныя сношенія съ мятежниками; но тщетны были ея старанія: обманутое русское начальство, видя въ этомъ вредныя замыслы Паху-Беке, требовало чтобы Сурхай оставался въ Хунзакѣ и даже имѣло съ нимъ постоянную переписку о дѣлахъ Дагестана.

Въ началѣ 1832-года, Газы-Мулла, привлеченный баснословными расказами о сокровищахъ Аварскаго владѣтельнаго дома, подъ предлогомъ карать упорствующихъ въ вѣроотступничествѣ, пошелъ съ своими полчищами на Аварію и наконецъ обложилъ самый Хунзакъ.

Несмотря на слѣпое довѣріе и любовь Аварцевъ къ правительницѣ, Газы-Мулла нашелъ среди ихъ много послѣдователей. Съ одной стороны имъ представляли имана, какъ мужа угоднаго Аллаху, творящаго чудеса, муршата истины; самъ же онъ разжигаетъ рвеніе народа призывомъ къ священной войнѣ, доказывалъ кораномъ, что они обязаны идти на козавветъ и возбуждалъ фанатизмъ повторяя своимъ ратямъ 52-е стихъ IX главы Корана: „изъ двухъ достославныхъ жребіевъ насъ ожидаетъ одинъ—либо побѣда, либо мученическій вѣнецъ!“ Съ другой стороны гнусный Сурхай, тайными кознями подстрекалъ народъ покинуть своихъ хановъ и слѣдовать за возмутителемъ. Странно покажется, что всѣми презираемый этотъ человѣкъ находилъ послѣдователей коварнымъ своимъ совѣтамъ! Но когда поразмыслишь, тогда найдешь это довольно обыкновеннымъ и даже естественнымъ: возмемъ примѣромъ *сатану*—всякой постигаетъ его и трепещетъ при мысли о наущеніи злого духа; многіе вѣрятъ въ его

существованіе, а очень, очень мало тѣхъ, которые ему не повинуются и не усердно служатъ!

Но возвратимся къ нашему предмету. Газы-Мулла осаждалъ Хунзакъ. Паху-Беке, убѣдясь, что ея ратники защищаются не горячо, будто нехотя, поняла что это происходитъ отъ недоумѣнія совѣстей— за кого имъ сражаться, чтобы быть угодну Аллаху, и постигая всю опасность, грозившую какъ ея семейству, такъ и всей Аваріи, она немедленно повелѣваетъ защитникамъ Хунзака выступить за стѣны и разсѣять полчища мятежника, но ея воины остановились! Они не отказываются отъ ея повелѣнія; но не исполняютъ его. Паху-Беке схватываетъ топоръ и выбѣгаетъ за стѣны осажденнаго мѣстечка, несется на непріятельскія толпы и кричитъ своему народу: „смотрите, робкіе Аварцы, какъ старуха защищаетъ мѣстопребываніе вашихъ хановъ! Кровь вашей ханши, вдовы Султанъ-Ахметъ-Хана да ляжетъ на ваши же неподобныя головы!“ Ратники, пристыженные мужествомъ Паху-Беке, бѣгутъ въ бой, опереживаютъ ее, ударяютъ на непріятельскія толпы—и мюриды опрокинуты, обращены въ бѣгство. Прокламація русскаго Сардаря всюду провозглашала примѣрный поступокъ Аварской вдовствующей ханши.

Вскорѣ послѣ этого Нусалъ-Ханъ достигъ совершеннолѣтія и женился на Гебетъ-Беке, родной сестрѣ Абу-Мусейлимъ-Хана, шахмала Тарковскаго, мужа Султанеты. Послѣ брака своего, онъ утвержденъ русскимъ Сардаремъ Аварскимъ ханомъ и введенъ въ управленіе ханства подъ руководствомъ матери его Паху-Беке, которая назначена его пѣстуномъ и совѣтницей.

Управленіе Нусалъ-Хана было нѣкоторое время довольно спокойно; но когда Гамзатъ послѣдовалъ Газы-Муллѣ, тогда русскій Сардарь требовалъ отъ юнаго хана и отъ Паху-Беке выдачи подвластнаго имъ мятежника, какъ было выше сказано. Напрасно мать и сынъ клялись, что не въ состояніи этого исполнить, хотя оно совершенно согласно съ ихъ собственными выгодами. Сардарь, обманутый ближайшимъ военнымъ начальствомъ, который ввѣрился наущеніямъ злонамѣреннаго Сурхая, не вѣрилъ клятвамъ Аварскаго владѣтеля и видѣлъ въ отказѣ лишь доказательство его соучастія въ мятежѣ, воздуваемомъ Гамзатомъ. Чепка старался всѣми мѣрами поддерживать эти подозрѣнія и былъ наконецъ виновникомъ, что русское начальство остановило выдачу пенсіона и жалованья, которое получали отъ правительства Паху-Беке и Нусалъ-Ханъ.

Дѣла Аваріи принимали день отъ дня грознѣйшій видъ. Юный ханъ и мать его писали къ Сардарю и просили вспомоществованія

русскихъ войскъ, призывали шахмала тарковскаго, Ахметъ-Хана мехтулинскаго и хана казыкумыкскаго на помощь себѣ противъ общаго врага ихъ—Гамзата. Но Сардарь, который не вѣрилъ грозившей опасности Аваріи, требовалъ прибытія Нусалъ-Хана въ Тифлисъ; другіе же владѣтели Дагестанскіе—жалуясь на претерпѣнныя ими пораженія, отвѣчали, что, будучи вынуждены заботиться о самихъ себѣ, они не могутъ подать никакой помощи своимъ сосѣдямъ.

По обычаямъ Кавказа, владѣтелю удалиться изъ своихъ владѣній во время грозящей опасности есть позоръ, особенно когда хану восемнадцать лѣтъ, какъ было тогда Нусалу. Притомъ же самое положеніе Аваріи не дозволяло ему оставить народъ, потрясенный сомнѣніемъ и колеблющійся рѣшить, чье дѣло правое—своихъ хановъ или имана? Въ подобныхъ обстоятельствахъ отъѣздъ владѣтеля къ гяурамъ служилъ бы поводомъ къ злонамѣреннымъ толкамъ и навѣрное рѣшилъ бы всѣ недоумѣнія въ пользу Гамзата,—и Аварцы конечно передались бы безъ всякаго отлагательства на сторону мюридовъ. Все это не укрылось отъ ума Паху-Беке, а чтобы угодить съ одной стороны Сардарю, а съ другой предупредить зло, она отправила въ Тифлисъ Умахана, второго сына своего, шестнадцатилѣтняго юношу съ описаніемъ опаснаго положенія Аваріи и прося убѣдительно немедленно прислать русское войско на помощь. Сама же зарыла большую часть семейныхъ сокровищъ въ землю, остальную отправила для храненія къ зятю своему шамхалу тарковскому и дочери—Султанеты.

Умахалъ былъ принятъ въ Тифлисѣ очень неблагосклонно за то, что пріѣхалъ онъ, а не владѣтель. Вскорѣ его отпустили назадъ въ Хунзакъ съ ничтожными подарками и многими наставленіями, какъ Аварскій Ханъ и мать его должны себя вести, чтобы доказать свою вѣрность Россіи, снабдили его письмами къ Нусалъ-Хану, Паху-Беке и Сурхаю, въ которыхъ повторялись тѣ же постановленія и требованія выдачи мятежнаго Гамзата.

VIII.

Et de tous ces grands noms, profanateur sublime!
Tu jouas avec eux, comme la main du crime
Avec les vases de l'autel.

Lamartine: Ode à Napoléon.

По возвращеніи Умахана изъ Тифлиса въ Хунзакъ, двадцати пятидневное заточеніе Гамзата кончилось, а зловѣщее знамя Имана развѣвалось по прежнему на крышѣ его Хутокской сакли.

Народъ опять стекался отовсюду, благоговѣя передъ справедливостью и святостью своего учителя, который доказалъ, что въ благочестивой строгости своей онъ самъ себя не щадитъ. Умный и закоренѣлый врагъ Гамзата, Эракли-Магома, и этотъ на время умолкъ, предвидя, что всякое его слово противъ Имана, теперь лишь повредитъ ему самому.

Между тѣмъ злоба Сурхая не дремала: съ одной стороны, его гонцы отвозили къ ближайшему русскому начальнику извѣты на хана и на его мать; съ другой, онъ убѣждалъ Гамзата спѣшить воцареніемъ истиннаго ученія въ Хунзакѣ и призывалъ его карать все поколѣніе Аварскихъ хановъ за вѣроотступничество, за то, что они, изъ личныхъ видовъ, просятъ помощи гяуровъ противъ правовѣрныхъ Аварцевъ. Въ народѣ, Сурхай тайно распространялъ слухи, что ханы подкуплены гяурами и живутъ въ короткой съ ними связи, что они хотятъ уступить имъ своихъ подвластныхъ, которыхъ Русскіе будутъ брать въ солдаты, какъ они дѣлаютъ уже съ Казанскими татарами, и прочія нелѣпости. Онъ доказывалъ все это недавнею поѣздкою Умахана въ Тифлисъ и увѣрялъ, что изъ угожденія гяурамъ, Паху-Беке и сынъ ея призывали Аварцевъ на войну противъ праведнаго Гамзата и тѣмъ жертвовали какъ здѣсь, такъ и въ вѣчности своими соотчичами, ибо пророкъ въ *Премудрой Книгѣ* глаголетъ, что тотъ, кто падетъ на полѣ брани противъ поборниковъ истиннаго ученія, наслѣдуетъ адъ.

Наконецъ, въ половинѣ Іюля 1834 года, рати Имана ринулись изъ Хутона—жерла всѣхъ воинскихъ сборовъ Гамзата—и осадили Хунзакъ, тѣсно и крѣпко обложивъ мѣстечко. Уже семь дней древнее мѣсто пребываніе Аварскихъ Хановъ было осаждено; непріятель истреблялъ поспѣвшіе хлѣба и тѣмъ лишалъ несчастныхъ Аварцевъ надежды на годовое пропитаніе, съ такимъ трудомъ добываемое на искуственныхъ уступахъ ихъ горъ.

Паху-Беке съ отчаяніемъ видѣла бѣдствія своего народа, тщетно поджидая помощи изъ Дагестана. Она замѣчала, что духъ осажденныхъ съ каждымъ днемъ упадалъ, голодъ становился ощутителенъ, между тѣмъ доходили даже всюду зловѣщія слухи распространяемые Сурхаемъ. Соболѣзнуя о столькихъ бѣдствіяхъ, угнетающихъ Аварцевъ, она рѣшилась послать людей почетныхъ и вѣрныхъ усовѣстить Гамзата.

Иманъ притворился будто внимаетъ посланцамъ и обѣщалъ имъ войти въ переговоры съ мудрою Паху-Беке, говоритъ, что его требованія ограничатся однимъ возстановленіемъ истинной вѣры и тре-

буетъ Булача, меньшаго брата Аварскаго Хана какъ залогъ, что на переговорахъ не будетъ измѣны.

Нѣжная мать со слезами обнимаетъ прекраснаго[1]) десятилѣтняго Булача и немедленно отправляетъ его заложникомъ къ Иману, который отсылаетъ ребенка въ Хутокъ.

Посланцы, отвезшіе оманата, получили дорогіе подарки отъ Гамзата и возвратились къ Нусалъ-Хану съ увѣреніемъ, что Иманъ не забываетъ своего подданства Аварскимъ ханамъ и благоговѣетъ въ душѣ къ ихъ потомку. Но будучи теперь облеченъ Аллахомъ въ высокое званіе, онъ не можетъ быть уже подвластнымъ, а предлагаетъ юному хану свой союзъ и начальство надъ всѣми полчищами собираемыми подъ Иманское знамя. Гамзатъ велѣлъ также сказать, что онъ ожидаетъ самаго владѣтеля съ отвѣтомъ, имѣя переговорить съ нимъ еще о другихъ предметахъ, касающихся до Аваріи.

Благородный юноша закипѣлъ негодованіемъ, бѣшенствомъ за дерзкія предложенія гнуснаго ченки его Ханства. Въ изступленіи онъ вскричалъ, что этотъ разбойникъ [такъ называлъ онъ Гамзата] не удостоится союза даже съ его трупомъ.

Паху-Беке, предусмотрительная, согбенная подъ бременемъ собственныхъ и народныхъ бѣдствій, тщетно старалась укротить пылкость сына, напрасно умоляла его, для блага всей Аваріи, согласиться ѣхать къ мятежнику и выслушать всѣ его предложенія съ благоразуміемъ. Видя, что ея убѣжденія ни къ чему не ведутъ, старуха прибѣгнула къ послѣднему средству, сказала, что она понимаетъ хитрость юнаго хана: подъ притворнымъ гнѣвомъ его скрывается страхъ предстать предъ Гамзатомъ.

Едва произнесла Паху-Беке, какъ юный ханъ выскочилъ изъ комнаты, велѣлъ осѣдлать коня, вооружился и взявъ съ собою Умахана и восемь надежнѣйшихъ нукеровъ, отправился въ непріятельскій станъ.

Шатеръ Гамзата былъ раскинутъ на курганѣ, въ шести стахъ шагахъ отъ Хунзака, передъ нимъ развѣвалось знамя Имана—хоругвь мюридства. Караулъ изъ 40 самыхъ надежныхъ и отчаянныхъ изувѣровъ новаго ученія, въ неутомимомъ бдѣніи, стерегъ его день и ночь.

---

[1]) Замѣчательно на Кавказѣ то, что породы хановъ, бековъ и узденей необыкновенно породисты: съ перваго взгляда ихъ можно узнать по правильности лица и благовидности. Не обязаны ли они этимъ кинжалу, карающему за малѣйшее подозрѣніе, внушенное ревностію?

Ханъ со свитой своей поѣхалъ прямо къ шатру, слѣзъ съ лошади, спутники его сдѣлали тоже, и вошелъ въ шатеръ, который нашелъ пустымъ. Въ числѣ караульныхъ было много Аварцевъ изъ Хутокскаго селенія: они тотчасъ узнали пріѣзжихъ. Шамиль, будущій преемникъ Гамзата, Муратъ-Бекъ и Чонанъ-Бекъ—оба племянники Имана, Магома Гаджи Ява Оглы—молочный братъ Нусалъ-Хана[1]) и Деберсулъ Магома Ирганайской—первый мюридъ Гамзата, окружали ставку: всѣ эти люди отличались изступленнымъ своимъ фанатизмомъ.

Нусалъ-Ханъ слышалъ изъ шатра какъ Деберсеулъ-Магома Ирганайской нагло говорилъ брату его Умахану, оставшемуся извнѣ съ нукерами, что по шеріату, за ослушаніе противу Имана, должно наказать Аварскаго Хана и его брата сорока однимъ ударомъ палокъ; въ слѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ пистолета, пылкій юноша отвѣчалъ дерзкому мюриду, повергнувъ его мертваго на землю. Нусалъ-Ханъ выбѣгаетъ изъ шатра и въ то же мгновеніе Магома-Гаджи-Ява-Оглы, питавшій кровавую месть къ молочному брату за смерть двухъ своихъ братьевъ, казненныхъ за измѣну, раскраиваетъ Хану, ударомъ шашки, лѣвую щеку съ частію челюсти, а Муратъ-Бекъ кинжаломъ закалываетъ Умахана, между тѣмъ какъ Чонанъ-Бекъ доканчиваетъ раненаго. Юный Ханъ, поддерживая одною рукою отвалившуюся щеку, другою опрокидываетъ ружейнымъ выстрѣломъ Чонанъ-Бека смертельно раненаго, потомъ выхватываетъ пистолетъ и убиваетъ на повалъ Муратъ-Бека; наконецъ обнажаетъ шашку и съ помощію своихъ нукеровъ, красивый и стройный юноша, одаренный необычайною силой, изрубаетъ на смерть весь караулъ Имана. Выбѣжавшія изъ стана толпы, объятыя паническимъ страхомъ при этой отчаянной сѣчѣ, стоятъ вдали и не дерзаютъ принять участіе въ этомъ побоищѣ. Къ Хунзакѣ все уже зашевелилось, собирались бѣжать на помощь юному герою—Нусанъ-Хану, который, изрубивъ всѣхъ окружающихъ, въ изступленіи бросается на толпу зрителей; она отступаетъ, удаляется и наконецъ обращается въ бѣгство. Но тутъ послышался голосъ Шамиля, остававшагося у шатра съ Магмедъ Гаджи-Ява-Оглы, который говорилъ: „Бѣгите, бѣгите скорѣе за веретенами, женоподобные трусы! авось ими удастся вамъ заколоть безбородаго[2]) юношу. Срамники! Стрѣляйте же въ него изъ ружей, развѣ не видите, что у него только шашка!“ Магома-Гаджи-Ява-Оглы услышалъ голосъ, обличающій его товарищей въ позорной тру-

[1]) Молочный братъ или сестра считается на Кавказѣ наравнѣ съ самымъ близкимъ кровнымъ родствомъ.

[2]) Въ Азіи, покуда мужчины не имѣютъ бороды, они уподобляются женщинамъ.

сости, въ жадномъ влеченіи мести, онъ подбѣгаетъ къ Нусалъ-Хану сзади и застрѣливаетъ его.—Тѣло Нусала, Умахана и восьми нукеровъ немедленно растерзаны, поруганы, посрамлены толпою, желающей отмстить на трупахъ свое бѣгство и свой позоръ.

Среди труповъ мюридовъ, одинъ еще шевелится—это Чонанъ-Бекъ; онъ требуетъ скорѣе своего отца; Имашъ—Алій подходитъ и нагибается къ сыну, который умирающимъ голосомъ говоритъ ему: „Отецъ! я совершилъ сей часъ тяжкій грѣхъ; ты одинъ можешь спасти меня отъ справедливой и неумолимой кары Аллаха! Я поднялъ руку на безвреднаго Умахана, ты сегодня лишаешься обѣихъ своихъ сыновей отъ руки Аварскаго Хана; по шеріату тебѣ принадлежитъ его меньшой братъ, а мой молочный—это Булачь. Возьми его, да замѣнитъ онъ тебѣ и матери моей, его кормилицъ, двухъ вашихъ сыновей! Всякія ласки ваши Булачу будутъ служить облегченіемъ моимъ замогильнымъ мученіямъ; поклянись, что исполнишь мое завѣщаніе!“ Отецъ далъ клятву, и Чопанъ-Бекъ испустилъ духъ. На другой же день Булачь замѣнилъ его мѣсто въ родительскомъ домѣ Хутоха.

Послѣ этой ужасной сѣчи, Гамзатъ, притворившись полнымъ негодованія за убійство Аварскихъ Князей, вошелъ торжественно, безъ сопротивленія, въ Хунзакъ и занялъ Ханскій дворецъ. Паху—Беке, Гебетъ—Беке и Сурхай были арестованы, и обѣ ханши выведены изъ двора Аварскихъ Князей.

Хитрый Гамзатъ, чтобы угодить народу, который втайнѣ оплакивалъ своихъ Хановъ, казался глубоко огорченный кровавыми происшествіями, имъ самимъ подготовленными, чтобы сгладить себѣ всѣ пути и удовлетворить вполнѣ своему честолюбію.

На слѣдующій день по занятіи Хунзака, Гамзатъ собралъ свои полчища, все духовенство, старѣйшинъ и людей почетныхъ и торжественно принялъ названіе Имана-Азама, въ силу завѣщанія Газы-Муллы. Потомъ въ рѣчи полной лицемѣрія изъяснилъ въ жаркихъ выраженіяхъ печаль свою о убіеніи Аварскаго Хана, сообщилъ свое намѣреніе жениться на вдовѣ Нусала, какъ скоро она разрѣшится отъ бремени, прежде же было невозможно, ибо оно запрещалось Кораномъ. Иманъ просилъ все собраніе помочь ему принести утѣшеніе несчастной Паху-Беке, лишившейся столь ужасно своихъ двухъ сыновей и послалъ тотчасъ за нею двухъ мюридовъ изъ самыхъ надежныхъ; другихъ отправилъ за Сурхаемъ.

Гебетъ-Беке была внѣ всякой опасности: во первыхъ, беременность, въ которой она осталась послѣ Нусала, ограждала ее отъ злобы правовѣрныхъ; во вторыхъ, она была сестра сильнаго въ Дагестанахъ князя, Шамхала Тарковскаго. Гамзатъ, опасаясь ея брата, не смѣлъ покушаться на жизнь и свободу юной вдовы; при томъ Иманъ Азамъ, женившись на ней, имѣлъ въ виду безпрепятственно преступить послѣднюю ступень ведущую къ ханскому достоинству, хотя власть его была въ сущности уже признана. Будущій же сынъ Гебетъ-Беке не затруднялъ Гамзата; онъ зналъ, что жизнь не прочна и что есть много средствъ избавиться отъ лишняго ребенка. Всѣ этѣ причины заставляли его окружать Гебетъ-Беке всевозможнымъ вниманіемъ. Нельзя было разлучить и съ свекровкою, а между тѣмъ страшились вліянія твердаго духа и ума старухи на неопытную вдову; внѣшнихъ заступниковъ Паху-Беке не имѣла; любовь народа, испуганнаго недавними ужасами и мнимою властію Имана Азама, не представляла теперь никакого опасенія. Посланные Гамзата пришли звать старуху къ Иману. Паху-Беке, отъ всѣхъ бѣдствій перенесенныхъ ею столь внезапно, впадшая въ какое-то безчувственное оцѣпененіе, пошла, сама не зная куда и зачѣмъ. Ее повели мимо кручи, сравненной нами съ Тарпейскою скалой; тутъ одинъ изъ мюридовъ сорвалъ безъ сопротивленія чадру съ старухи, другой въ тоже мгновеніе ударомъ шашки снялъ съ нея голову, и, бросивъ ее вмѣстѣ съ трупомъ въ Аварскій Койсу, изувѣры пришли объявить, что, проходя мимо рѣки, вдовствующая ханша бросилась въ нее и погибла. Все собраніе не могло удержаться отъ изъявленія сильной печали; Гамзатъ не отсталъ отъ другихъ: всѣ видѣли, какъ онъ скорбѣлъ о плачевной участи несчастной ханши. Но вскорѣ это чувство было прервано приходомъ Сурхая. Развратъ совершенно измѣнилъ прежнюю благовидность ченки: его лицо опухло отъ чрезмѣрнаго пьянства, глаза потускли, щеки и носъ побагровѣли, все вмѣстѣ дѣлало его видъ столь же отвратительнымъ, сколько дѣла его внушали омерзенія и презрѣнія.

Гамзатъ спросилъ Сурхая, зачѣмъ онъ желалъ предстать предъ нимъ.

„Иманъ Азамъ!“ отвѣчалъ трепещущій ченка: „по правамъ наслѣдства, я теперь Ханъ Аварскій! Прошу тебя именемъ Аллаха вразумить меня, какъ управлять народомъ; въ залогъ моей вѣрности возьми аманатомъ мою мать—никого ближе не имѣю—и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю тебѣ всѣ сокровища Аварскаго владѣтельнаго дома!“

Гамзатъ окинулъ взоромъ все собраніе и увидѣвъ во взглядѣ всѣхъ сильное негодованіе, произведенное словами Сурхая, не скрывая своего гнѣва, ему молвилъ:

„Презрѣнный ченка! Какія твои права? Ты забываешь Булача Аварскаго и дѣтище храбраго Нусалъ-Хана, скрывающееся еще въ чревѣ матери? Забываешь самую вдову? Или твои права основаны на твоей преступной жизни, на твоемъ распутствѣ, постыдномъ предъ людьми, на измѣнахъ твоимъ ханамъ и родственникамъ, на гнусныхъ ковахъ, внушенныхъ дерзкимъ честолюбіемъ, на непависти къ твоимъ братьямъ—противной Аллаху, или они основаны на дружбѣ твоей съ гяурами, свиноѣдами? Нѣтъ, Сурхай! Такая жизнь, по шеріату даетъ тебѣ право не на ханство Аварское, а на другое!“

Послѣ этого Иманъ открылъ коранъ, пробѣжалъ въ полголоса, невнятно, нѣсколько стиховъ, потомъ обратясь къ Мюридамъ, приведшимъ ченку, громко и торжественно сказалъ имъ: „Именемъ Аллаха, Всесправедливаго, да будетъ прославлено Имя Его!— приказываю немедленно отрубить голову Сурхаю, Аварскому ченкѣ, а мать его Шахъ-Беке предать справедливой мести народа!“ Едва кончилъ Иманъ, какъ Мюриды схватили Сурхая, вывели его и за порогомъ ханскаго покоя исполнили смертный приговоръ, произнесенный надъ нимъ; потомъ тѣ же Мюриды спѣшили принять на себя обязанность народной кары и умертвили Шахъ-Беке. Оба эти трупа бросили въ Аварскій Койсу, съ той же самой скалы, откуда за полчаса передъ тѣмъ кинули обезглавленное тѣло Паху-Беке. Быть можетъ эти три тѣла, увлеченныя потокомъ рѣки въ Каспій, легли купно въ глубинѣ лона морскаго! И смерть соединила тѣхъ, которые не могли быть союзниками на землѣ!

IX.

Guerre aux tyrans, poussons le cri de délivrence,
Et la victoire y répondra,
Guerre aux tyrans! jamais en France
Jamais l'anglais ne règnera.
Casimir Delavigne. Charles VII.
A défaut de clarté, il nous compte un désir.
La voix qui crie Alla! la voix qui dit mon Père,
Lui portent l'emens pur et l'emens adultère:
A lui seul de choisir.
Lamartine.

Всѣ жители Хунзака, обоихъ половъ, собирались къ Гебетъ-Беке, по туземному обычаю раздѣлить съ ней горе въ утратахъ, ее постигшихъ. Всѣ подходили къ порогу вдовы съ восклицаніями горести.

Переступивъ за порогъ, женщины рвали на себѣ косы, мужчины свои бороды; всѣ раздирали въ кровь щеки и лбы ногтями, при воплях отчаянія и сильныхъ рыданіяхъ.

Лишь два молочные брата Умахана—Османъ и Аджи-Муартъ, извѣстные нелицемѣрною своей привязанностію къ покойному юному хану, одни не шли къ злосчастной вдовѣ. Оскорбленная такимъ поведеніемъ, столь противнымъ обыкновеніямъ ихъ страны, Гебекъ-Беке посылаетъ спросить причину этого непонятнаго поступка.

„Скажи Ханшѣ," отвѣчалъ Османъ посланцу въ неизъяснимой скорби—„что братъ и я—мы стыдимся [1]) видѣть, стыдимся и показаться соотчичамъ, покуда по обычаямъ святой старины, кровь возлюбленныхъ нашихъ хановъ не отмщена."

Эти слова разошлись тотчасъ по всему Хунзаку, дошли до Гамзата и возбудили въ немъ подозрѣнія. Иманъ поручаетъ немедленно надзоръ за Османомъ и Аджи-Муратомъ ихъ двоюродному брату Магомѣ-Гаджи-Ява-Оглы.

Прошли два мѣсяца. Гамзатъ все это время только помышлялъ, какъ укорениться на ханствѣ Аваріи. Тщетно умолялъ онъ брата своего, Иматъ-Алія, выдать Булача подъ предлогомъ возвратить ему наслѣдство предковъ; Иматъ-Алій, зная что у него просятъ питомца на закланіе, рѣшительно отказался отъ исполненія этой просьбы. Между тѣмъ закоренѣлый врагъ Гамзата, Эракли Магома пробудился отъ минутнаго летаргическаго сна: не теряя времени, онъ всюду разсылалъ въ горы гонцовъ, которые провозглашали Имана похитителемъ Аварскаго ханства и его сокровищъ, обличали его въ дерзостномъ властолюбіи, въ безбожномъ ханоубійствѣ и представляли всѣмъ горнымъ жителямъ, что они отвѣчаютъ передъ Аллахомъ за дни Булача. Эти всѣ обстоятельства убѣдили Гамзата въ невозможности уничтожить послѣдняго изъ Аварскихъ Хановъ,—и онъ, отложивъ это намѣреніе до удобнѣйшаго времени, рѣшился всѣми мѣрами привязать къ себѣ Аварцевъ, пріучивъ ихъ мало по малу къ своей власти.

Иманъ видѣлъ необходимость изгладить изъ одной памяти недавнія убійства. Заглушить эти воспоминанія въ тревожной боевой жизни было бы совершенно согласно съ нравами этихъ людей; но какъ это сдѣлать? На призывъ Гамзата, Аварцы не подымутся на брань; на прежнихъ союзниковъ онъ не можетъ болѣе полагаться, послѣ неу-

[1]) У кавказцевъ стыдъ есть выраженіе самаго сильнаго, глубокаго ощущенія.

щеній Эраклы Магомы, который предалъ Имана всеобщему порицанію и ненависти. Гамзатъ прибѣгнулъ къ единственному остававшемуся средству: онъ занялъ Аварцевъ молитвою и старался раздуть въ нихъ, какъ можно сильнѣе, религіозный фанатизмъ.

Такимъ образомъ Иманъ сплился утвердиться во власти, пріобрѣтенной имъ гнусною измѣной и постыднымъ рядомъ убійствъ, когда въ первыхъ числахъ Сентября, въ вечеру, Магома Гаджи-Ява-Оглы пришелъ извѣстить его, что Аджи-Муратъ съ братомъ рѣшились убить Гамзата и сами ему сознались въ томъ, приглашая и его участвовать въ заговорѣ, но когда намѣрены они совершить преступленіе—еще не рѣшено. Хотя Магома-Гаджи-Ява-Оглы говорилъ тихо, но нѣкоторыя слова его долетѣли до слуха Калишъ-Бека Аварскаго, стоявшаго за окномъ кунакской Гамзата и присланнаго тайно отъ Эракли Магомы въ Хунзакъ съ тѣмъ, чтобы попытать: нельзя-ли возбудить Хунзакцевъ къ возстанію и свергнуть иго, положенное на нихъ Иманомъ.

На слѣдующій день была джюнга. Всѣ правовѣрные должны были собраться въ мечеть на молитву. Первою мѣрой предосторожности, взятою Гамзатомъ, было запретить подъ опасеніемъ смертной казни, являться кому бы то ни было въ мечеть вооруженнымъ[1]).

Калишъ-Бекъ, простоявъ немного подъ окномъ Гамзата, спѣшитъ къ своему пріятелю Аджи-Мурату и находитъ его за трапезой въ семейномъ кругу, состоявшемъ изъ отца его, дряхлаго старика и Османа, брата Аджи-Мурата, старшаго его двумя годами. Пріятель Калишъ-Бека былъ юноша лѣтъ 20, статный и средняго роста: въ строгомъ выраженіи лица его, покрытаго теперь блѣдностію отъ заточенія, на которое онъ себя присудилъ со дня смерти Нусалъ-Хана, замѣтна была глубокая скорбь. Оба брата были чрезвычайно сходны между собою какъ чертами, такъ и выраженіемъ лица. По приглашенію хозяевъ Калишъ-Бекъ сѣлъ за трапезу, послѣ которой они совершили омовеніе и тогда гость тихо разсказалъ Аджи-Мурату причину его посѣщенія. Онъ договаривалъ еще послѣднія слова, когда кто-то постучался у наружной двери; ее отперли и Магома-Гаджи-Ява-Оглы вошелъ. Сказавъ *саламъ олекумъ* онъ прибавилъ: „братья! я къ вамъ пришелъ шаушомъ (десятникомъ) передать приказаніе Имана, чтобы завтра никто не смѣлъ, подъ опасеніемъ смертной казни, являться въ мечеть вооруженный. Прощайте, уже поздно! а многимъ еще надо тоже объявить. Аджи-Муратъ, проведи меня.“ Когда оба вышли вмѣстѣ, шаушъ ска-

[1]) У кавказцевъ кинжалъ есть необходимость и не включается въ число вооруженія.

залъ двоюродному брату своему: „послушай, Аджи Муратъ! Не должно откладывать убійство ченки: видишь, онъ уже запрещаетъ носить храбрымъ Аварцамъ оружіе, хочетъ сдѣлать изъ насъ бабъ; всѣ очень недовольны этимъ повелѣніемъ. Рѣшайся же скорѣй, право я теряю терпѣніе!“

—Какъ же ты хочешь меня торопить—отвѣчалъ Аджи Муратъ: вотъ уже два мѣсяца, какъ я не выхожу изъ дому? теперь, когда выйду, все вниманіе будетъ обращено на меня, и, разумѣется, ничто не удастся; но погоди немного, если допуститъ Аллахъ, успѣемъ выполнить свое намѣреніе!

Магома Гаджи-Ява-Оглы стремглавъ побѣжалъ извѣстить Гамзата, что его жизнь еще не въ опасности; а Аджи Муратъ заперевъ крѣпко дверь не велѣлъ никого болѣе впускать. Вошедъ въ комнату, гдѣ оставались отецъ и братъ съ гостемъ Аджи-Муратъ разсказалъ имъ свой разговоръ съ шаушемъ и передалъ отцу, сказанное ему Кометъ-Бекомъ. Старикъ погрузился въ глубокое и грустное размышленіе, даже слеза блеснула въ его тусклыхъ очахъ. Но вдругъ глаза просіяли, лице озарилось вдохновеніемъ и старикъ торжественно произнесъ: „Сыновья! опасность вамъ грозящая затмила было мой разсудокъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ я думать, что совершивъ убійство, вы уцѣлѣли бы? Нѣтъ сомнѣнія, что окружающіе Имана васъ въ тоже мгновеніе растерзаютъ. Нѣтъ, дѣти! не станемъ заблуждаться: какъ прежде, такъ и теперь—вы обречены на жертву! Но ожидающія васъ гоненія злобнаго Гамзата, да содѣлаютъ мудрѣе и рѣшительнѣе, да ускорятъ исполненіе вашего замысла! Вы это должны для себя, чтобы не томиться въ ежечасныхъ опасеніяхъ! для чести и блага и родины своей! Какой позоръ покроетъ въ грядущемъ Аварію, если посреди ея сыновъ не найдется ни одного, кто-бъ отмстилъ за кровь хановъ, измѣннически пролитую! Какой срамъ ляжетъ на родину нашу, если не найдется никто, кто-бъ подвигнулся на священную комлу (кровомщеніе)! Подумайте! что будетъ съ Аварцами, если этотъ злодѣй хано-убійца, утвердится на всегда на ханскомъ сѣдалищѣ! Какія неисчисленныя бѣдствія станутъ терзать Аварію! Откладывать нечего: спасенія на землѣ вамъ нѣтъ! Заклинаю васъ, завтра же кончить все, покуда Гамзатъ не успѣлъ принять всѣхъ мѣръ предосторожности! Послѣ завтра, быть можетъ, уже будетъ поздно, и вы погибнете безъ пользы для себя, безъ пользы для родины святой! И ужасъ вашей казни оцѣпенитъ всѣхъ замышляющихъ отмстить за кровь князей! Тебѣ спасибо, Калишъ-Бекъ, за извѣщеніе; но въ настоящее время, благоразуміе не позволяетъ ввѣряться никому; по этому ты не оставишь моего дома до

тѣхъ поръ, покуда дѣти мои не совершатъ убійства, возложеннаго на нихъ долгомъ и честію."

Блѣдное лицо Аджи Мурата покрылось слабымъ румянцемъ. Взглянувъ на брата, онъ прочелъ во взорѣ его чувства, волновавшія юношу и съ жаромъ отвѣчалъ: „Отецъ! мудры слова твои и свято исполнена будетъ воля твоя! Давно уже это цѣль брата и моя; но когда насъ не станетъ, ты останешся одинокій: кто предастъ тебя, дряхлаго старца, землѣ—послѣднее убѣжище каждаго, когда смертный часъ твой настанетъ? Калишъ-Бекъ! ты давній другъ мнѣ: успокой меня и брата—поклянись намъ призрѣть отца, когда насъ не будетъ!"

—Само собою разумѣется—отвѣчалъ спокойно гость, нисколько не измѣнивъ вида своего:—но если ты хочешь клятвы, даю ее тебѣ; только въ такомъ случаѣ даю, когда вамъ обоимъ удастся убить Гамзата, иначе я даю торжественный обѣтъ или отмстить за своихъ хановъ и за тебя,[1]) или самъ погибнуть.

Старикъ въ избыткѣ чувствъ всталъ и обнялъ гостя. Послѣ того всѣ разошлись спать, положивъ, что отецъ долженъ обдумать, какимъ образомъ исполнить убійство, или по выраженію его—справедливый приговоръ Аллаха. Молодые люди заснули спокойно, обреченные на неизбѣжную смерть; но они не страшились ея, не опасаясь гласности дѣла, доведшаго ихъ до плахи. Они покупали благодарность соотчичей, признательность потомства жизнію, которую съ восторгомъ жертвовали на славное по ихъ убѣжденію, и справедливое дѣло!

Не то было съ Гамзатомъ. Всю ночь валялся на постели онъ томимый безсонницей, тщетно искалъ онъ спокойствія отъ мыслей и не находилъ: открытіе заговора противъ его жизни пробудили властолюбца отъ упоенія величія. Какія противорѣчія должны были сталкиваться въ его умѣ! Какіе страшные вопросы онъ долженъ былъ себѣ дѣлать! Найдетъ ли онъ защиту и прибѣжище отъ злоумышленниковъ въ любви народной, въ преданности своихъ приверженцевъ и окружающихъ? Поклонники ли они его добродѣтелей или власти, достигнутой посредствомъ столькихъ злодѣйствъ? Но какія же его добродѣтели? Когда и въ чемъ онъ ихъ явилъ? А власть, съ какою цѣлью онъ ее стяжалъ

---

[1]) На Кавказѣ, всякій человѣкъ предпринимающій что либо, избираетъ себѣ товарища: оба обязываются взаимною клятвой помогать другъ другу и мстить одинъ за другого. На войнѣ, если одинъ убитъ, другой долженъ вынести изъ боя его трупъ, когда же онъ этого не выполнитъ, то подвергается всеобщему презрѣнію и негодованію. На него смотрятъ какъ на плѣнника.

и поддерживалъ столь многими казнями и гоненіями? Или мудрымъ управленіемъ, онъ основалъ благосостояніе народа, содѣлалъ его лучше и нравственнѣе? Нѣтъ! но онъ завѣрилъ, что наставляетъ его на стезю спасенія. Хорошо—если народъ повѣритъ этому; а какъ онъ постигнетъ, что ты, Иманъ Азамъ, проповѣдывалъ то, что самъ не исполняешь и чему самъ не вѣришь! что ты употребляешь вѣру, какъ средство достигнуть власти, которую въ свою очередь употребляешь не для блага ближняго, но чтобы обогатиться и насытить свое алчное властолюбіе, удовлетворить гнуснымъ влеченіямъ души твоей! Куда дѣнутся тогда, святой мужъ! призраки твоего величія, твоего благочестія, твоей мудрости. Скрыты ли еще довольно твои каверзы въ ряду преступленій, тобою внушенныхъ, чтобы достичь теперяшняго твоего положенія? Вѣритъ ли народъ, что ты не участникъ въ пролитой крови!

Скажи, Гамзатъ, когда и гдѣ нанесется тебѣ смертный ударъ? Укажи, какую часть тѣла постигнетъ смертоносная рана? Ужасна твоя ночь, Гамзатъ! Но не заблуждайся, ты никого не обманываешь, кромѣ самаго себя, всѣ тебя видятъ, знаютъ, понимаютъ. Гнусность, пороки, низость твоего нрава всѣмъ извѣстны!

Первые лучи солнца едва освѣтили Хунзакъ. Османъ, Аджи-Муратъ и Калишъ-Бекъ уже сидѣли вмѣстѣ въ кунакской, гдѣ наканунѣ произнесенъ былъ смертный приговоръ Гамзату. Наконецъ и старикъ, согбенный лѣтами, вошелъ туда же: онъ несъ въ рукѣ тяжелый узелъ. Послѣ взаимнаго мусульманскаго привѣтствія, предалъ сыновьямъ все придуманное имъ въ ночь для исполненія угоднаго Аллаху дѣла; потомъ развязалъ узелъ, вынулъ изъ него блестящую колчугу и сказалъ:

„Вотъ родовой панцырь нашей семьи: много острыхъ лезвеевъ и мѣткихъ пуль на немъ останавливалось—одинъ онъ только и есть въ нашемъ родѣ! Одинъ изъ васъ, сыновья мои, долженъ сегодня его надѣть. Ты, Османъ, старшій въ родѣ послѣ меня; по законамъ наслѣдства, панцырь принадлежитъ тебѣ. Надѣнь его, и да защититъ онъ тебя отъ вражескихъ ударовъ, какъ уже много разъ служилъ онъ твоимъ предкамъ!“

—Не мудры слова твои, отецъ!—отвѣчалъ Османъ.—Я жилъ на свѣтѣ больше брата: я старшій, слѣдственно послѣ тебя, мнѣ хранить дни Аджи-Мурата. Отдай панцырь брату пускай онъ надѣнетъ его тотчасъ.—

„Нѣтъ! по справедливости законовъ, панцырь принадлежитъ Осману и я его не надѣну сказалъ твердымъ голосомъ Аджи-Муратъ.— Тѣмъ болѣе что братъ объявилъ уже мнѣ,—по праву старшинства ему должно нанести первый ударъ Гамзату, и онъ не уступитъ мнѣ этого права, а такъ какъ первый ударъ все рѣшитъ, то и панцырь мнѣ не нуженъ.“

—Отецъ и старшій братъ повелѣваютъ тебѣ облечься въ кольчугу—возразилъ старикъ—не ослушайся старшихъ, возьми и надѣнь сейчасъ панцырь; да спасетъ онъ нынѣшній день твою жизнь! Смотри, не попирай власти поставленной Богомъ надъ тобою въ тотъ день, когда ты готовишь руку на исполненіе приговора Великаго Аллаха!

Аджи-Муратъ покорился. Молча онъ снялъ съ себя черкеску и облекся въ кольчугу. [1])

Полдень приближался. Уже муэдзинъ на минаретѣ Хунзакской ханской мечети, протяженымъ голосомъ, сзывалъ правовѣрныхъ къ Азанъ-намазу (полуденная молитва). Духовенство и народъ шли къ мечети: всѣ лица были строги и постны, какъ расколъ, которому они пріобщались.

Хунзакская ханская мечеть находилась на площади, не подалеку отъ воротъ ханскаго двора. Это длинное и узкое строеніе изъ дикаго камня, поросшаго мхомъ. Темныя стѣны, закоптѣлыя временемъ, и бурьянъ, растущій на плоской крышѣ, свидѣтельствуютъ о ея древности. Мечеть раздѣляется на двѣ узкія, длинныя галлереи посредствомъ двухъ вальяжныхъ столбовъ, поддерживающихъ грубые своды потолка. Въ южной стѣнѣ прислоненъ возвышенный амвонъ для проповѣдника и вѣчно теплятся три лампады, прикрѣпленныя къ потолку. Оконъ весьма мало и тѣ сдѣланы бойницами, такъ что пропускаютъ очень немного свѣта. Стѣны выштукатурены глиною и покрыты красною краской подъ лакомъ, и во всѣхъ направленіяхъ написаны черными и золотыми буквами стихи изъ Корана. Одна дверь въ сѣверной стѣнѣ служитъ общимъ входомъ.

Народъ наполнялъ мечеть, благочестиво преклонивъ колѣно. Впереди были Османъ и Аджи Муратъ на лицахъ ихъ покрытыхъ не-

[1]) Кавказцы носятъ выше рубашки бешметъ, стеганный на ватѣ, а сверхъ всего черкеску изъ туземнаго сукна. Когда же они въ панцырѣ, то этотъ надѣвается на бешметъ подъ черкескою. Панцырьники никогда не снимаютъ кольчуги, даже и дома, вѣроятно, чтобы не отвыкнуть отъ ея тягости.

обычайной блѣдностію, выражалось чувство совершенной покорности предопредѣленію. По обыкновенію принятому многими въ этой странѣ, они имѣли на плечахъ бурки, что очень способствуетъ скрытію оружія, когда въ томъ случается надобность.

Въ толпѣ пробѣжалъ шопотъ: „Иманъ-Азамъ идетъ!“ И въ слѣдъ за тѣмъ дверь мечети распахнулась настежь, благовидный и стройный Гамзатъ вошелъ: онъ былъ въ бѣлой черкескѣ опушенной черною тесьмой; подъ черкескою, на бешметѣ его проглядывалъ поясъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ; голова Имана была обернута красною чалмой! Онъ шелъ, окруженный по обычаю Аварскихъ хановъ, какъ шла нѣкогда Кистемана-Бека изъ терема въ кунакскую, принимать народную депутацію. Подойдя ко входу, стража Гамзата остановилась, а онъ переступилъ за порогъ и продолжалъ идти къ южной сторонѣ, потупивъ взоръ съ притворнымъ благочестіемъ. Народъ въ глубокомъ молчаніи оставался на колѣняхъ.

Османъ одинъ всталъ и громко сказалъ собранію: „Развѣ не видите что идетъ великій мужъ? Вставайте же!“ Всѣ безмолвно встали.

Гамзатъ, вѣроятно занятый доносомъ, ему наканунѣ сдѣланнымъ, уподоблялся приговоренному, идущему на казнь, который по свойственному человѣку чувству, дѣлается крайне суевѣренъ и во всякой бездѣлицѣ видитъ благое предзнаменованіе, толкуя все въ свою пользу, и до самой послѣдней минуты, съ слѣпою вѣрою, ласкаетъ себя надеждою, что казнь его будетъ отмѣнена, хотя бы нѣкіимъ чудомъ давно истекшихъ вѣковъ. Услышавъ голосъ Османа, Иманъ невольно содрогнулся и поднялъ глаза на говорящаго: но услышавъ смыслъ словъ, онъ съ выраженіемъ ласковой благодарности опустилъ взоръ и продолжалъ идти къ своему мѣсту.

Впереди всѣхъ былъ постланъ длинный и узкій коверъ. Тамъ, снявъ черкеску, Иманъ остался въ бешметѣ и сѣлъ на коверъ, разувшись, онъ сталъ совершать предмолитвенное омовеніе[1]) въ поданномъ ему тазѣ. Османъ, который до нельзя откладывалъ свое намѣреніе, тутъ подошелъ къ нему и твердымъ голосомъ, громко сказалъ: „Гамзатъ! мы любили своихъ хановъ и были ими счастливы: ты измѣнически ихъ умертвилъ! ... „Въ это мгновеніе, онъ выхватилъ пистолетъ изъ подъ бурки; раздался выстрѣлъ, и властолюбецъ сначала тихо опустился, потомъ вдругъ своды повторили ударъ тѣла его объ полъ.

[1]) Магометанская молитва совершается съ босыми ногами; передъ молитвою правовѣрные обязаны умыть себѣ лицо, руки, ноги и выполоскать ротъ.

Предсмертныя движенія повели члены, и Иманъ Азамъ былъ уже безжизненнымъ трупомъ.

Со всѣхъ сторонъ засверкали кинжалы, Османъ падаетъ отъ безчисленныхъ ударовъ; но крѣпкіе, острые базалаи тупятся о панцырь Аджи-Мурата, который напрасно спѣшитъ на выручку брата. Мюриды воспользовались первымъ оцѣпленіемъ народа и хотѣли растерзать обоихъ юношей, но громкій голосъ Аджи-Мурата пробудилъ Аварцевъ. „Братья, Аварцы!“—кричитъ онъ имъ: „проснитесь! Смерть и гибель дерзскимъ мюридамъ!“—Смерть и гибель мюридамъ!—повторили сотни голосовъ. Мюриды въ числѣ 40 человѣкъ бросились опрометью изъ мечети, вбѣжали въ ханскій дворъ и заперлись въ одномъ изъ многочисленныхъ домовъ.

Жители Хунзака окружили домъ, гдѣ скрылись враги, управлявшіе ими до этого времени силою наглости и предпріимчивости. Туда прибѣжалъ Калишъ-Бекъ; обнявъ Аджи-Мурата, который всѣмъ распоряжался, онъ оглядывается и видитъ около себя Магому Гаджи-Ява-Оглы, успѣвшаго въ суматохѣ сорвать съ головы своей чалму. Родство съ Османомъ и Аджи-Муратомъ дѣлало его неприкосновеннымъ; но Калишъ-Бекъ горя негодованіемъ при видѣ такой наглости, обличаетъ передъ народомъ Гамзатова шауша, напоминаетъ его ударъ Нусалъ-Хану, и гнусный Магома Гаджи-Ява-Оглы падаетъ подъ ударами кинжаловъ озлобленной толпы.

Хунзакцы, видя невозможность вытѣснить мюридовъ изъ ихъ убѣжища, зажигаютъ домъ. Пламя распространяется и часть ханскаго двора весело горитъ. Ожесточенный народъ схватываетъ Магому-Гаджи-Ява-Оглы, котораго вся жизнь заключается теперь въ чувствительности многочисленныхъ ранъ, и бросаетъ его въ огонь. Шаушъ возвращенный пламенемъ къ жизненности, испускаетъ страшные вопли, клянетъ Гамзата и умираетъ полусожженный. Все стало безмолвно: лишь трескотня распространяющагося огня слышится; но вдругъ, внутри горящаго дома, мюриды отчаяннымъ напѣвомъ запѣли предсмертную молитву. Еще мгновеніе и полусгорѣвшая дверь открывается; изъ среды пламени и густаго чернаго дыма, выбѣгаютъ мюриды съ засученными рукавами; звѣрское отчаяніе горитъ въ ихъ очахъ; съ обнаженными кинжалами въ рукахъ—послѣднія ихъ надежда—они съ остервенѣніемъ кидаются на Хунзакцевъ и ужасное побоище начинается. На минуту все слилось въ хаосъ, трупы валятся, кровь течетъ, глазъ не можетъ поймать никакого предмета; наконецъ не стало болѣе враговъ! Озлобленный народъ присоединяетъ къ 40 убитымъ мюридамъ трупъ Гам-

зата, разрубаетъ ихъ на мелкія части и раскидываетъ по всѣмъ улицамъ Хунзака. Но Шамиль и нѣсколько спасшихся мюридовъ не дождались этого зрѣлища; они бѣжали изъ Хунзака и вскорѣ оставили самую Аварію.

X.

Hélas! et tu péris, jeune homme infortuné!
. . . . . .
. . . . . .
Mais la mort t'a frappé sans pitié pour ses charmes.

Lamartine.

Когда все утихло къ Хунзакѣ, Аджи Муратъ принялъ на себя временное управленіе Аваріею и защиту ханской вдовы, Гебетъ-Беке, о чемъ онъ немедленно извѣстилъ всѣхъ Дагестанскихъ владѣтелей и просилъ русскаго Сардаря назначить правителя.

Шамиль же, скрывшійся въ Унцукулѣ—главной деревнѣ Койсубулинскаго общества, подъ кровъ Эракли-Магомы, родственника покойнаго дяди своего Газы-Муллы, нашелъ въ гонителѣ Гамзата—покровителя и ревностнаго защитника своихъ правъ. По завѣщанію перваго Имана, онъ провозгласилъ себя наслѣдникомъ Гамзата и Иманомъ. Первымъ его дѣломъ было послать за Имашъ-Аліемъ, пріемнымъ отцомъ Булача Аварскаго. Когда этотъ прибылъ на приглашеніе, Шамиль, выбравъ нѣсколько мюридовъ изъ самыхъ извѣстныхъ изувѣровъ, послалъ ихъ тайно, въ деревню Карачи, куда незадолго передъ тѣмъ Имашъ-Алій переѣхалъ на житье съ женою и юнымъ Булачемъ.

Мюриды прибыли въ деревню ночью и спрятались до слѣдующаго дня, когда случай помогъ имъ подстеречь послѣдняго потомка Аварскихъ Хановъ, который игралъ съ сосѣдними дѣтьми на улицѣ. Они подошли къ нему, схватили и увлекли въ оврагъ, неподалеку отъ деревни, гдѣ и объявили, что хотятъ его убить. Напрасно невинный младенецъ молилъ о помилованіи, плакалъ, рыдалъ, упрекалъ мюридовъ въ истребленіи его семейства, обѣщалъ богатый выкупъ отъ оставшагося ближайшаго его родственника, Асманъ-Хана Казыкумышскаго, но все было тщетно. Изверги говорили младенцу, что на немъ мстятъ за кровь Гамзата и своихъ единомышленниковъ; они придумывали терзанія, чтобы мучить невинную свою жертву. Сначала перерѣзали Булачу кинжаломъ верхнюю кожу горла, потомъ подъ пред-

логомъ, что кинжалъ тупъ, повторили это другой разъ. Болѣе получаса продолжались истязанія, ребенокъ замеръ подъ ножемъ и тогда злодѣи сняли съ него голову. Эракли-Магома, который благопріятствовалъ Шамилю, молчалъ, притворяясь будто ничего не знаетъ о гнусномъ убійствѣ Булача.

И такъ не оставалось болѣе ни единаго князя Аварскаго на землѣ.

По совершеніи этого злодѣянія, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ преступленій, Шамиль созвалъ, сколько оставалось, мюридовъ и пошелъ на Хунзакъ съ намѣреніемъ возвратить себѣ принадлежавшее его предмѣстнику; но главной цѣлью его было овладѣть вдовою Ханшею; однако покушеніе это не состоялось. Воинственный Аджи-Муратъ, какъ этотъ разъ, такъ и позднѣе, вынудилъ Шамиля удалиться безъ успѣха отъ Хунзака.

Тѣмъ временемъ русское правительство вняло просьбамъ Аджи-Мурата и прислало войско, чтобы защитить вдову ханскую и спасти Аварію. Русскій отрядъ вступилъ въ эту страну, взялъ съ боя деревню Хутохъ—гнѣздо всѣхъ ковъ и смутъ, срылъ ее и вошелъ въ Хунзакъ, назначивъ правителемъ ближайшаго родственника Аварскаго дома Ахметъ-Хана Мехтулинскаго, который долженъ былъ управлять именемъ вдовы Гебетъ-Беке.

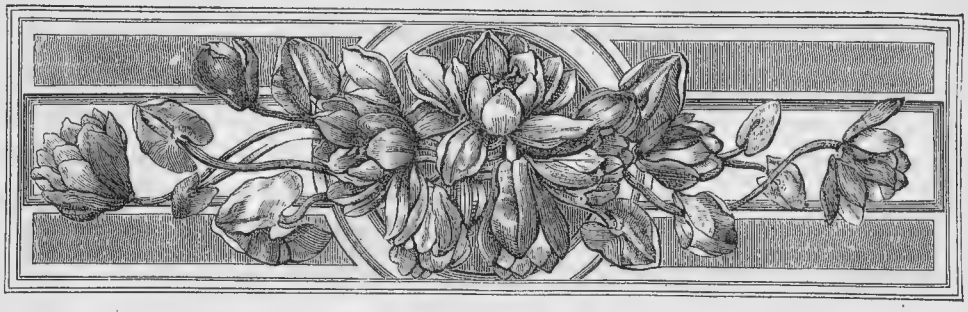
Вскорѣ ханша разрѣшилась отъ бремени сыномъ, къ общей радости Аварцевъ, и такимъ образомъ потухшій родъ Аварскихъ князей опять воскресъ. Радость была такъ велика, что въ горахъ Дагестана, импровизаторы воспѣвали мать, скрывавшую въ своей утробѣ надежду цѣлаго народа отъ кровожадныхъ злодѣевъ.

Жаль, что истина помрачаетъ славный характеръ Аджи Мурата, проблеснувшій столь примѣрной преданностію къ законной власти, отвагою и безкорыстіемъ, почти равняющимися съ нашимъ незабвеннымъ Сусанинымъ—гордостью Россіи!—Увы! теперь Аджи-Муратъ сдѣлался мюридомъ и союзникомъ Шамиля! Что понудило его измѣнить своимъ прежнимъ убѣжденіямъ—неизвѣстно; но каковы бы ни были тому причины—его поступокъ непростителенъ и перевѣшиваетъ всѣ предыдущія доблестныя дѣла!

Единственный ханъ Аварскій, послѣдній потомокъ владѣтельнаго дома Аваріи находится нынѣ въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ воспитывается подъ благодѣтельной сѣнью нашего Правительства, замѣнившаго ему попечительныхъ родителей.

Ему посвящается этотъ истинный разсказъ о всѣхъ бѣдствіяхъ его дома, взятый изъ народныхъ преданій и повѣствованій стариковъ. Пускай мужаетъ онъ!—и всѣ ужасы, постигшіе его родъ, преисполненный замѣчательныхъ, великихъ и мудрыхъ нравовъ, наконецъ самое спасеніе, которымъ онъ обязанъ Правительству, да содѣлаютъ его достойнымъ и вѣрнымъ слугою Россіи!

Конецъ.



ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукій брату.

Я долженъ просить у тебя тысячу извиненій, милый другъ! Я получилъ всѣ твои письма, одно милѣе другаго, а въ первый разъ извѣщаю тебя объ этомъ. Г-нъ Дурново, уѣзжающій послѣзавтра, привезетъ тебѣ мой портретъ, который я тебѣ дарю. Чайльдъ Гарольда ты можешь оставить у себя, на сколько тебѣ вздумается, а также и поэму, изъ которой ты узнаешь много новаго. Итакъ, запасись терпѣніемъ еще на одинъ день.

Пишу тебѣ уже въ мундирѣ, потому что сегодня первый день Пасхи, и я отправляюсь въ соборъ св. Петра посмотрѣть, какъ Папа будетъ служить обѣдню. Небу не было угодно, чтобы мы вмѣстѣ встрѣтили этотъ праздникъ, но, можетъ быть, оно чѣмъ нибудь другимъ вознаградитъ насъ за это. Я чувствую себя великолѣпно. Желаю тебѣ такого же хорошаго здоровья, какъ мое.

Воскресенье.

Чтобы доставить вамъ особое удовольствіе, дорогой другъ, могу сказать, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Италинскій, въ письмѣ къ Нессельроде, написанномъ по настоянію Гагарина, который хотѣлъ такимъ образомъ тоже поухаживать за Нессельроде, отказался отъ своей должности во Флоренціи и попросилъ, чтобы въ этомъ городѣ Сверчкова сдѣлали независимымъ отъ Рима посломъ.

Это частное письмо старика до сихъ поръ не имѣло никакихъ послѣдствій, потому что покойный Императоръ никогда не хотѣлъ, чтобы во Флоренціи былъ посолъ. Такъ видишь, что поле сраженія осталось цѣликомъ за Гагаринымъ. Теперь выслушай мой планъ. Я только

что получилъ отъ графини Нессельроде письмо, въ которомъ находится такая фраза: „Повѣрьте, князь, что *о васъ думаютъ* (подчеркнуто). я надѣюсь, что въ теченіе этого лѣта, вы окончательно въ этомъ убѣдитесь".

А такъ какъ я ей буду писать, то если ты хочешь получить мое мѣсто и избавиться отъ маленькаго городка, Флоренціи, и отъ высокомѣрія Гагарина, я буду просить его для тебя, потому что—честное слово—Флоренцію стоитъ промѣнять на Римъ, кромѣ того, твои денежныя дѣла здѣсь поправятся, и, наконецъ, здѣшнее посольство имѣетъ будущее.

Въ настоящее время я нахожусь въ большой милости у своего начальника, который день и ночь твердитъ мнѣ о томъ, что онъ недоволенъ Нессельроде. Повидимому у старика есть долги, и онъ не знаетъ, какъ выйти изъ затрудненія!

Я восторгаюсь успѣхомъ своихъ депешъ о смерти Александра, и убѣжденъ, что въ первый же разъ, какъ будемъ представлены, мы безъ всякаго затрудненія получимъ все, о чемъ просили. Но когда? и какимъ образомъ? Чортъ знаетъ!

Возвращеніе гр. Коссаковскаго было мнѣ очень полезно, потому что кузина прислала мнѣ съ нимъ 1500 франковъ, о которыхъ ты ее просилъ; но что́ мнѣ было очень тяжело, такъ это то, что при этомъ она не удостоила написать мнѣ ни одного слова, а поручила Коссаковскому передать мнѣ деньги въ письмѣ, всѣ выраженія и обороты котораго носятъ характеръ официальной записки. Мнѣ было очень грустно въ тотъ день, когда получилъ эту сумму, и, кто знаетъ, стоитъ ли брать деньги безъ особой нужды, при тѣхъ денежныхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ я нахожусь? У кузины, несмотря на то, что она невысоко цѣнитъ людей, слишкомъ добрая душа для того, чтобы она могла уступить вліянію ума, и я не могу понять, да это и было бы слишкомъ тяжело, какъ только рѣшилась она поступить такимъ образомъ.

Но довольно объ этомъ; Смотря по обстоятельствамъ, мы часто разсуждаемъ сердцемъ, и тому, кто никогда не былъ бѣденъ, не суждено узнать всей глубины человѣческаго сердца.

Голицыны чудесные ребята, и насколько я могъ наблюдать, какъ они держатъ себя въ свѣтѣ, они умны, но молоды, у нихъ слишкомъ юношескіе взгляды; сразу видно, что они ни о чемъ серьезно

не размышляли. Они уѣдутъ черезъ недѣлю, потому что, несмотря на то, что разлука охлаждаетъ любовь, Мишель повидимому еще достаточно сильно любитъ глупую Бомбелль. Альбини, ищущій *прежде всего* своей собственной выгоды, на первомъ планѣ ставитъ здоровье Мишеля, но они черезчуръ молоды и смотрятъ на него, какъ на воспитателя, котораго нужно стыдиться и поэтому часто ставятъ его въ глупое положеніе. Въ концѣ концовъ вы знаете все это лучше меня.

Мы не на шутку составили планъ совмѣстнаго путешествія на югъ Франціи, и я поѣхалъ бы съ радостью, если бы не предпочли Гагарину дать отпускъ.

Г-жа де Сентъ-Олэръ уѣзжаетъ изъ Рима завтра, мы растаемся, какъ истинные друзья, увѣряю тебя, что это очень интересная женщина, настолько умная, добрая и привѣтливая, насколько это вообще возможно.

Орловъ добрый малый, онъ отчасти ударился въ либерализмъ, между тѣмъ, какъ я громко заявляю о своей преданности престолу. Кромѣ того, мы находимся въ столь счастливыхъ условіяхъ, что не можемъ возбудить ни малѣйшаго подозрѣнія относительно тѣхъ чувствъ, которыя исповѣдываемъ.—Мнѣ очень хочется пріѣхать во Флоренцію, повидаться съ тобой, но я заранѣе предвижу, что это не удастся. Возвращаю тебѣ письмо изъ Москвы, на этотъ разъ оно удовлетворительно и довольно подробно. Очевидно Поль находится въ большомъ затрудненіи, а его женитьба похожа на сухое дерево, не дающее плодовъ.—Отъ Италинскаго князь Гагаринъ получилъ полномочія говорить о своихъ частныхъ дѣлахъ и о дѣлахъ посольства, а такъ какъ эти полномочія даны ему письменно, то боюсь, что это можетъ намъ дорого обойтись, хотя я и не вполнѣ убѣжденъ, что онъ можетъ поступить такъ дурно.....

Но этого не слѣдовало бы дѣлать. Сегодня у насъ большой *патріотическій* обѣдъ на 25 кувертовъ, на немъ Корсакова будетъ играть первую роль, потому что въ настоящее время она единственная въ Римѣ русская дама. Орлова больна.

Увидишь Гагарина, сдѣлай мнѣ одолженіе, подробно сообщи все, что онъ будетъ говорить обо мнѣ. Прощай, милый другъ, будь здоровъ.

Между прочимъ В. въ моемъ присутствіи попробовалъ получить для тебя разрѣшеніе пріѣхать на нѣсколько дней въ Римъ, чтобы повидаться съ мной. Просьба не имѣла успѣха.

Князь Гагаринъ ровно ничего не угадалъ. Конечно г-жа Сентъ-Олэръ—предметъ моего восхищенія, но я никогда не былъ въ нее влюбленъ. Письмо, написанное Дурново, то содержанію своему можетъ быть разсматриваемо, какъ обвиненіе въ молчаніи, и я надѣюсь, что ты остался имъ доволенъ.

Здѣсь предполагаютъ, что это ты влюбленъ, и въ нѣсколькихъ особъ сразу? Корсакова притворяется ученой, а ея дочери—наивными. Съ такимъ состояніемъ это можно себѣ позволить! Я чувствую, что обращаюсь съ ними чрезвычайно недружно, но что подѣлаешь! Ихъ дородность располагаетъ меня къ этому. Голицыны уѣзжаютъ изъ Рима въ началѣ будущей недѣли. Но не пріѣдутъ ли они слишкомъ поздно, чтобы соблюсти приличія? Для нихъ создадутъ особыя. Я поддерживаю въ нихъ старый образъ мыслей; они противятся; но мои убѣжденія лишь крѣпнутъ изъ этого. Они меня тронули: хотятъ, чтобы я вмѣстѣ съ ними ѣхалъ во Францію: я даю неопредѣленныя обѣщанія. Это невозможно, подумать объ этомъ было бы безуміемъ. Они хотятъ утащить меня во Флоренцію, это не невозможно, но очень трудно, необыкновенно трудно. Мнѣ очень хочется посмотрѣть твои новые покои. У меня въ комнатѣ—солнечный лучъ. Лучъ надежды!—

Я чувствую себя великолѣпно, но сильно тоскую. Г-жа де Кастельянъ лежитъ въ постели. Она вовсе не такъ очаровательна, какъ могла бы быть.

Четвергъ. 30 Марта.

Мнѣ было совѣстно слишкомъ обременять посылками Дурново, и это помѣшало мнѣ, достойный другъ, прислать тебѣ съ нимъ мой портретъ, который до такой степени похожъ, какъ только можно этого желать. Провидѣнію угодно, чтобы Голицыны доставили его тебѣ, они уѣзжаютъ завтра, рано утромъ, но мой планъ—уѣхать вмѣстѣ съ ними, увы! не осуществился. Мишель, тотчасъ по пріѣздѣ во Флоренцію обѣщалъ прислать мнѣ кое-какія книги, а Теодоръ пришлетъ мнѣ изъ Ливурно портфель.

Сдѣлай одолженіе, постарайся переслать ихъ поскорѣе. Моя библіотека увеличивается съ каждымъ днемъ, недавно я получилъ въ подарокъ отъ секретаря прусскаго посольства мемуары Манштейна о Германіи.

Но съ другой стороны, мое собраніе автографовъ не двигается съ мѣста. Вчера, мы посѣтили богослуженіе (Te Deum), гдѣ, по слу-

чаю выздоровленія австрійскаго императора, присутствовалъ самъ папа. Храмъ былъ украшенъ замѣчательно хорошо, но скопцы пѣли очень плохо. Корсакова смертельно скучна. Теперь я предлагаю тебѣ одну сдѣлку, требующую большой ловкости. Ты знаешь, что Бутурлинъ—отецъ поручилъ мнѣ переслать ему во Флоренцію огромное количество табаку. Черезъ Дурново я только что отправилъ ему послѣднюю часть этой клади, но вотъ въ чемъ бѣда! Для своего собственнаго употребленія я похитилъ двѣ коробки, въ общемъ одинъ фунтъ. Нельзя ли посвятить въ эту тайну добрую графиню Анну и упросить ее, на сколько возможно смягчить справедливый гнѣвъ графа Бутурлина, или же расположить въ мою пользу очаровательную мадемуазель Елизавету? Я получилъ еще письмо отъ князя Гагарина, но воздержусь и не сообщу тебѣ содержаніе его. Кромѣ портрета, Голицыны передадутъ тебѣ нѣсколько строкъ отъ меня. Ради Бога, не забудь сжечь мое письмо, посланное съ Дурново. Въ наше время никакая предосторожность не можетъ быть лишней. Я чувствую себя прекрасно, погода, хотя и хорошая, но холодно. Тысяча пожеланій, поклоновъ и поцѣлуевъ. Прощай, дорогой братъ.

Воскресенье, 2 сего Апрѣля 1826 года.

Извѣстно ли тебѣ, что Ливіо разорился и что я *на самомъ дѣлѣ* потерялъ треть своего содержанія? Вотъ какимъ образомъ судьба наказываетъ тѣхъ, кого любитъ!

Вторникъ.

Сегодня я заявилъ Италинскому о своемъ новомъ назначеніи. Ему было это непріятно. Старикъ привыкъ ко мнѣ. „Вотъ подходящій моментъ, чтобы предложить вашему брату пріѣхать ко мнѣ, если онъ хочетъ замѣнить васъ, напишите ему“. Таковы были слова уважаемаго старца. Рѣшай же, милый братъ. Съ одной стороны, тебѣ предстоитъ быть переписчикомъ и редакторомъ. Съ другой стороны, переписывать тебѣ придется рѣдко, но по крайней мѣрѣ ты будешь находиться подъ покровительствомъ ученаго и уважаемаго министра.

Римъ—чудное мѣстопребываніе для тѣхъ, кто любитъ древности, тамъ ты будешь въ полной безопасности отъ всякихъ сплетенъ, а кромѣ того я такъ хорошо знаю городъ и его обитателей, что твое пребываніе здѣсь будетъ лишь продолженіемъ моего. На что же, тебѣ надѣяться во время пребыванія въ Тосканѣ?—совсѣмъ не на что. Другое дѣло, если бы ты могъ смотрѣть на эту жизнь, какъ на

учебные годы; а здѣсь, кромѣ того, твои финансы были бы въ тысячу лучше, климатъ великолѣпно подходилъ бы для тебя, дружескія связи для тебя ужъ готовы, а *въ случаѣ надобности* я предоставилъ бы въ твое распоряженіе всѣ *необходимыя средства.* Такимъ образомъ, вотъ цѣлый милліонъ преимуществъ, и признаюсь, я былъ бы необыкновенно спокоенъ за тебя, зная, что ты устроился въ Римѣ. Но не нужно терять времени, и я прошу тебя, въ двухъ словахъ сообщи мнѣ свое окончательное рѣшеніе, и обязательно съ первой же почтой, потому что мнѣ, какъ можно скорѣе, нужно отвѣчать графинѣ Несселъроде, и я воспользовался бы этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы говорить съ нею о твоихъ пожеланіяхъ; а ты пока съ своей стороны сдѣлай подобные же шаги. Повторяю, единственное, что могло служить тебѣ препятствіемъ, это необходимость быть переписчикомъ, но какъ знать, не ожидаетъ ли тебя подобная же участь при первомъ же новомъ начальникѣ? Значитъ, нужно зрѣлое размышленіе,—такіе случаи не всегда бываютъ въ нашемъ распоряженіи. Тебѣ останутся мои комнаты, со всѣми моими книгами, съ мебелью и прекраснымъ, обширнымъ видомъ изъ оконъ. Пріѣзжай въ Римъ, милый другъ. Италинскій сейчасъ же написалъ бы ко Двору, чтобы просить для тебя мое мѣсто. Я еще не получалъ никакого официальнаго извѣщенія о своемъ назначеніи. Обязательно нужно, чтобы кранъ пришелъ ко мнѣ на помощь и далъ бы мнѣ 2000 франковъ, если онъ не хочетъ, чтобы я истратилъ до послѣдней копѣйки всѣ свои деньги, предназначенныя для путешествія. Очень благодаренъ тебѣ за твое послѣднее письмо и за всѣ заключающіяся въ немъ новости. Ты какъ нельзя лучше употребилъ булавку Демидова, но я все таки полагаю, что лучше всего было бы обратить ее въ деньги. Я уѣду изъ Рима какъ только получу официальное назначеніе и уплачу свои долги, а пока нужно употребить всѣ усилія, чтобы задержать Голицыныхъ во Флоренціи, несмотря на то, что Альбини придетъ въ отчаяніе, а причина этого—любовь Мишеля къ г-жѣ де Бомбелль. Послѣдняя—между нами будь сказано—могла бы послужить прекраснымъ орудіемъ для выполненія моихъ плановъ.—Вотъ письмо къ Демидову. Но прежде чѣмъ отвѣчать ему, тебѣ необходимо посвятить въ мои планы Дурново-отца и хитреца Нарышкина. Въ своемъ письмѣ я не хочу ничего предрѣшать, потому что гораздо лучше предоставить свободу великодушію нашего ближняго, крана. Вотъ та сдѣлка, которую я тебѣ поручаю: она нелегка, но я уповаю на Господа Бога.—И все устроится.

Въ посылкѣ отъ Пери, дорогой мой Мишель, находится прелестный портфель, чудной работы и удивительно удобный. Я буду бранить

Пери за такую большую трату. При подаркѣ есть письмо, въ которомъ она сообщаетъ, что весною де Мэстръ со всей семьей пріѣдетъ въ Италію. Слабое здоровье малютки заставляетъ ихъ рѣшиться на это путешествіе, которое они начнутъ съ Ниццы. Такъ вотъ истинная причина молчанія де Мэстра; для меня этого вполнѣ достаточно, чтобы успокоиться на счетъ того, помнитъ ли онъ меня.

Молодые Голицыны добрые ребята, но совершенныя дѣти. Они вовсе не созданы для путешествій, переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, не извлекая изъ этого никакой пользы ни для своего образованія, ни для здоровья. У нихъ нѣтъ опредѣленныхъ или ясно выраженныхъ вкусовъ ни къ какому роду занятій; они любятъ женщинъ, но совершенно не умѣютъ выбирать самыхъ милыхъ. Г-жа Хитрово вчера вечеромъ пріѣхала въ Римъ, а въ воскресенье опять уѣдетъ во Флоренцію. Она ѣдетъ въ Москву на коронацію! Сдѣлай мнѣ одолженіе, дорогой Рафаэль, спроси у Піатти, есть ли у него перечисляемыя мною книги, и сколько онѣ могутъ стоить.—Руководство къ изученію политическаго устройства Европейскихъ государствъ и ихъ колоній *Геерена*. О вліяніи крестовыхъ походовъ, *Геерена*. О политикѣ и торговлѣ древнихъ народовъ *Геерена*. Опытъ изученія духа и вліянія реформаціи Лютера, *Карла Villers'a*. О созерцаніи природы, *Бонне*. Бесѣды объ измѣненіяхъ земного шара, *Кювье*. Исторія Папъ. Только что получилъ твое письмо. Вотъ пропуски для Огинскаго. Прощай. Отъ всей души цѣлую тебя.

Только время покажетъ, дорогой мой другъ, хорошо или дурно ты поступилъ, не захотѣвши замѣнить меня въ Римѣ; а пока я пишу графинѣ Нессельроде, ничего не упоминая о тебѣ, а старикъ, предложившій тебѣ мое мѣсто, легко успокоится. Я готовлюсь къ путешествію и читаю все, что попадетъ подъ руку, относительно страны, которую увижу. Я безъ малѣйшаго сожалѣнія покидаю Римъ, но тамъ остаются лица, дружескія отношенія которыхъ никогда не изгладятся изъ моей памяти. Единственное, что дѣйствительно тревожитъ меня, это долги, которыхъ за четыре года набралось порядочно, а что ставитъ меня въ величайшее затрудненіе, такъ это паденіе Ливіо, несомнѣнное паденіе, благодаря которому я теряю цѣлую треть, за Сентябрь прошлаго года. Изъ этого слѣдуетъ, что парижская сумма не вывела меня изъ затрудненія, а 150 экю Демидова не хватитъ, чтобы устроить всѣ мои дѣла. Ахъ, я очень боюсь, какъ бы кранъ въ эту рѣшительную минуту не отказалъ мнѣ въ помощи: тогда мнѣ придется поду-

мать о займѣ, а гдѣ же мнѣ, чортъ возьми, найти его? Планъ ѣхать до Парижа вмѣстѣ съ кузенами основанъ на крайней необходимости совершенно ничего не тратить отъ Рима до Парижа; стало быть необходимо, чтобы эти господа не уѣзжали изъ Флоренціи, до тѣхъ поръ, пока я не пріѣду къ нимъ, потому что какъ только Италинскій получитъ мое офиціальное назначеніе, я на слѣдующій же день уѣду изъ Рима. Я ничего не беру съ собой, кромѣ иконъ, писемъ Пери и нѣсколькихъ книгъ объ Испаніи, такъ что вся моя поклажа состоитъ изъ одного тощаго чемодана и портфеля, въ которомъ находятся мои любимыя вещи. Ахъ, дорогой Мишель, понимаешь ли ты, какъ я счастливъ при мысли, что снова увижу своего милаго друга Пери, увижу послѣ долгой и печальной разлуки, теперь, когда прочныя узы уже соединяютъ насъ. Въ Римѣ всѣ окружающіе разрываются на части, чтобы женить меня на одной изъ дочерей Корсаковой, всѣ, кончая Италинскимъ, который сказалъ мнѣ однажды: „Право, она богатая невѣста, и лицомъ недурна.“ Но эти напрасныя усилія только убѣдятъ ихъ въ непреодолимомъ моемъ отвращеніи къ тому, чтобы пожертвовать душевнымъ спокойствіемъ ради состоянія, на которое никогда нельзя расчитывать.

Мое пребываніе во Флоренціи не можетъ не быть очень краткимъ, потому что я боюсь надолго задерживать кузеновъ въ сѣтяхъ г-жи де Бомбелль. Постарайся, на сколько возможно, расположить въ мою пользу доктора, дай ему почувствовать, какъ ему будетъ интересно, что я поѣду путешествовать вмѣстѣ съ *его воспитанниками*.

Повторяю, эту сдѣлку я поручаю именно тебѣ, она поможетъ тебѣ проявить всю свойственную твоему характеру ловкость. Немногіе имѣющіяся у меня книги я перешлю тебѣ съ извозчикомъ, а вмѣстѣ съ ними и прекрасный портретъ отца, сдѣланный карандашемъ для гравюры; потому что онъ немножко великъ для того, чтобы я могъ взять его съ собою; взамѣнъ я попрошу у тебя тотъ, съ котораго онъ былъ срисованъ. Въ Римѣ есть множество людей, жившихъ подолгу въ Мадридѣ: ихъ разсказы вовсе не ободряютъ меня, но и далеко не лишаютъ одушевляющей меня смѣлости, и положа руку на сердце я признаюсь, что по моему, Мадридъ я всегда предпочелъ бы Парижу и Лондону.—Какое огромное преимущество въ томъ, что я хорошо знаю характеръ своего будущаго начальника! То хорошее, что говорятъ о Мейндорфѣ заставляетъ меня забыть непріятности, которыя мнѣ пришлось услышать отъ злого Гагарина, а единственная вещь, которая, въ сущности, должна была бы доставить мнѣ большое удовольствіе, тревожитъ меня, а именно присутствіе *Панина*, у котораго

слишкомъ странные взгляды для того, чтобы они могли согласоваться съ моими. А между тѣмъ ты знаешь, какая тѣсная связь была между нами, и если я имѣю право жаловаться на его прежнее поведеніе, то вѣдь люди мѣняются, и на семъ свѣтѣ мы можемъ быть увѣрены лишь въ настоящемъ.

Что касается рисунка, заказаннаго графиней Бутурлиной Брюлову, то я не перестаю подгонять художника, но онъ до такой степени занятъ работой надъ Рафаэлемъ въ Ватиканѣ, что это дѣло, повидимому, поглощаетъ все его время и всѣ его помыслы. Сдѣлай мнѣ еще одно одолженіе, спроси у Піатти, сколько стоитъ сочиненіе Ботта, о народахъ Италіи: оно мнѣ очень нужно, и я надѣюсь, что ты не заставишь меня долго ждать отвѣта. Я съ такимъ огромнымъ нетерпѣніемъ жду своего офиціальнаго назначенія, что день кажется мнѣ вѣчностью. Невозможно себѣ представить, что здѣсь плетутъ о петербургскихъ безпорядкахъ, а самыя животрепещущія новости передаются изъ устъ въ уста во всѣхъ классахъ общества. Честное слово, итальянцы сошли съ ума. Смерть Матвѣя Монморанси произвела сильное впечатлѣніе на его двоюроднаго брата, находящагося въ Римѣ. Это былъ его близкій другъ и единственная его поддержка. Посланникъ уѣхалъ изъ Рима и на нѣсколько дней отправился въ *Пало*. Прощай, дорогой братъ, да благословитъ тебя Господь.

Римъ, 9 Апрѣля 1826 года.

Надѣюсь быть во Флоренціи черезъ двѣ недѣли. Знаешь, что въ Петербургѣ не на шутку разыскиваютъ общество зеленой лампы, членомъ котораго я состоялъ семь лѣтъ тому назадъ?—Это потому, что и Трубецкой былъ членомъ этого общества. Еще разъ прощай.

Вторникъ.

Я получилъ твое длинное письмо, достойный другъ мой, а съ сегодняшней почтой отправляю Демидову еще болѣе длинное, въ которомъ говорю, что ты на словахъ скажешь ему все, о чемъ я не пишу въ вышеупомянутомъ письмѣ, т. е. относительно суммы, которую я хотѣлъ бы получить отъ него для покрытія моихъ долговъ.

Безъ этого „sine qua non“ я не тронусь изъ Рима. Ты отлично видишь, что это лишь угроза. Вчера я получилъ отъ него сразу два письма; онъ косвеннымъ образомъ отказывается прійти мнѣ на помощь, и между прочимъ говоритъ: „конечно, я былъ бы очень радъ помочь вамъ, но *разумно*“, это значитъ, что онъ хочетъ отъѣхать на 500 рубляхъ. Мало! слишкомъ мало! Въ настоящее время это единственная

вещь, которая меня безпокоитъ, и мучаетъ меня! Когда же кончится эта неизвѣстность и когда буду я на пути во Флоренцію? Я пробуду у васъ съ недѣлю, потому что боюсь, вопреки ихъ средствамъ, надолго задерживать кузеновъ въ объятіяхъ новой Армиды. Кошка, а не Армида! Не намекай мнѣ на Мадридъ, я увѣренъ, что еще вернусь въ Италію и вмѣстѣ съ тобою буду прогуливаться подъ сѣнью каштановъ или у римскихъ раскопокъ. Ты очень плохо поступаешь, задерживая посылку Гагарина; въ ней находятся письма графини Нессельроде, которыя могутъ быть нужны ему; такъ пошли же ее немедленно въ Сіенну. Наши московскія дамы проѣхали черезъ Флоренцію; мать ищетъ свою дочь; положеніе довольно забавное, вѣдь Ницца и Флоренція не по пути. Мужъ Лидіи горячая голова! Тутъ что то да есть. Я получилъ аккредитивы. Все будетъ исполнено. А пока сгораю отъ нетерпѣнія узнать содержаніе письма Антонины, потому что я ужъ косвеннымъ путемъ кое что узналъ изъ устъ княгини. Плохо, очень плохо! Я расчитываю на твое обѣщаніе—какъ можно дольше задержать Голицыныхъ во Флоренціи, потому что я вѣдь погибшее дитя, если упущу этотъ единственный, единственный благопріятный случай!

Путешествовать вмѣстѣ съ ними. Avete capito? (Поняли?) Мнѣ тяжело видѣть, что есть лица, искренно сожалѣющія о томъ, что я уѣзжаю изъ Рима и я обвиняю себя насчетъ тѣхъ, кто придерживается политики Макіавели. Въ сущности, что такое жизнь, люди, Мадридъ и Римъ? Картина, которая поблѣднѣетъ и отъ которой черезъ нѣсколько лѣтъ не останется и слѣда. Прощай. Про какія копіи ты меня спрашивалъ? Какія письма къ Боссомдрони? Я ни слова не слыхалъ о нихъ. Погода восхитительная! Пери, Пери! вотъ что никогда не померкнетъ въ моихъ глазахъ.

С. не жалѣю. Не въ свои сани садились,—а разума было не мало!—

Мое офиціальное назначеніе все еще не получено, дорогой другъ, но теперь оно ужъ не можетъ надолго запоздать. А пока я наслаждаюсь послѣдними днями своего пребыванія въ Римѣ и сегодня утромъ, пользуясь наилучшей въ мірѣ погодой, мы, кампаніей въ 25 человѣкъ, отправляемся на пикникъ въ Фраскати. Сдѣлай одолженіе, скажи кузенамъ, что рисунки Кэтъ и Пинелли совсѣмъ готовы, что два первыхъ стоятъ 10 луидоровъ, а послѣдній 3 луидора. Меня

торопятъ, чтобы я ихъ взялъ, а у меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ. Прощай. А письмо Антонины? Мои привѣтствія мадемуазель Лотцъ.

Въ ожиданіи своего офиціальнаго назначенія я начинаю укладывать всѣ свои книги, и не дожидаясь своего отъѣзда изъ Рима, пошлю ихъ тебѣ съ первымъ же извозчикомъ, который согласится взять на себя это порученіе, и предупреждаю тебя объ этомъ для того, чтобы ты заранѣе могъ принять необходимыя мѣры. Моя библіотека невелика, но въ ней есть очень хорошія книги, и за все можно дать до 100 піастровъ. Благодарю тебя за выдержки изъ петербургскаго журнала. Мое назначеніе на мѣсто *второго* секретаря въ Мадридъ есть повышеніе; я замѣняю Панина, и откровенно сознаюсь тебѣ, что несмотря на искреннюю привязанность къ этому человѣку, при его характерѣ я не могу избавить себя отъ тысячи непріятностей. Такимъ образомъ, я почти доволенъ тѣмъ, что онъ отозванъ. Что касается чина, мнѣ сказали на ушко, что я буду представленъ передъ отъѣздомъ изъ Рима, а я не уѣду отсюда, не получивши также и твоего представленія, потому что, честное слово, мы оба этого заслуживаемъ. Чинъ—это самое лучшее, потому что въ настоящее время просить камеръ-юнкера значило бы, слишкомъ выставлять себя на показъ, такъ сказать, воспользоваться своимъ обычнымъ положеніемъ, тогда какъ столькимъ лицамъ отрѣзаны всѣ пути къ почестямъ. Однимъ словомъ, ты меня поймешь. Довольно.

1. Исполнилъ ли ты порученіе на счетъ табаку, и достаточно ли ловко намекнулъ, что я оставилъ двѣ коробки для своего личнаго употребленія. Этотъ вопросъ непремѣнно нужно освѣтить, потому что отчасти отъ него зависитъ, окажетъ ли мнѣ хорошій пріемъ семейство Бутурлиныхъ.

2. Сколько стоитъ Исторія народовъ Ботта? Здѣшній книготорговецъ представилъ мнѣ только общій счетъ и никакъ не могъ мнѣ сказать, сколько стоитъ каждая книга въ отдѣльности.

3. Повліять на Голицыныхъ, чтобы они прислали изъ Ливурно въ Испанію портфель и нѣсколько книгъ.

4. Сообщить мнѣ содержаніе письма Антонины.

5. Сказать Строганову, что ему нѣтъ писемъ.

Письмо Охотникову было передано своевременно.

Всѣ они уѣхали въ Неаполь, и только Толстой остался въ Римѣ. Я обращаюсь съ нимъ необыкновенно небрежно, но ни съ кѣмъ не хочу сближаться, если только меня не обязываетъ къ этому извѣстный возрастъ или какія нибудь особыя заслуги. Отъ Демидова я получилъ письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что его со всѣхъ сторонъ осыпаютъ насмѣшками! Онъ не отказываетъ мнѣ въ денежной помощи, но ждетъ моего пріѣзда во Флоренцію, чтобы устроить всѣ мои дѣла. Мнѣ не нравится. А пока я уплачу свои долги деньгами, предназначенными на дорогу и во что бы то ни стало тотчасъ же соберусь въ путь. Демидовъ предлагаетъ мнѣ прекрасное помѣщеніе у себя, но я остановлюсь только у тебя. Такъ будетъ вѣрнѣе. Я все еще не отвѣтилъ графинѣ Нессельроде, потому что я *на свой счетъ* заказалъ для нея нѣсколько рисунковъ, которые будутъ приложены къ моему письму. *Я сдѣлаю изъ нея покровительницу.*

Прощай, голубчикъ. Передай отъ меня тысячу привѣтствій г-жѣ Лотцъ и Аннетъ, которыхъ я увижу съ большимъ удовольствіемъ.

18 сего Апрѣля 1826 года.

Четвергъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ не могу не считать повышеніемъ свое новое назначеніе, дорогой мой Рафаэль. Панинъ занималъ мѣсто Второго Секретаря; если же Указъ гласитъ, что я назначенъ Вторымъ Секретаремъ, а Панинъ уѣзжаетъ изъ Мадрида, стало быть замѣняю его я; я же получу и жалованіе отъ общественныхъ щедротъ. Поэтому всѣ согласны съ тѣмъ, что мое новое мѣсто есть повышеніе. Сегодня утромъ почта не принесла мнѣ ничего опредѣленнаго, и я боюсь, какъ бы Альбини не потерялъ терпѣнія и не принялъ крайнихъ мѣръ. Твоя ловкость доставила мнѣ удовольствіе; въ то же время и огорчила меня. Кузены говорили тебѣ о моихъ книгахъ, число ихъ очень ограничено, но это хорошія книги, а главное, въ очень хорошихъ изданіяхъ.

Вотъ главныя изъ нихъ:

Исторія Варки	1 томъ	великолѣпныя изданія in folio, за 50 франковъ.
„ Сегюи	1 томъ	
Данте, съ рисунками		5 томовъ, это изданіе стоило мнѣ больше 160 франковъ
Пинелли		
Исторія Гвикардини		5 томовъ
Исторія живописи Ланчи		3 тома

и т. д. и т. д. Ахъ, если бы мнѣ дали жалованье за цѣлый годъ.— Ты не можешь себѣ представить, сколько мнѣ нужно заплатить передъ отъѣздомъ, а всѣ мелкіе подарки и награды, которыя я долженъ сдѣлать въ Римѣ тѣмъ, кто мнѣ служилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и имѣетъ право на эти знаки моей признательности. Мой слуга, слуги дома Италинскаго, его ключница, хозяйка дома, гдѣ я живу и т. д. У меня голова идетъ кругомъ. Сегодня вечеромъ меня выберутъ членомъ Академіи Св. Луки, прославившейся своими литературными и археологическими трудами; такимъ образомъ, до отъѣзда изъ Рима я сдѣлаюсь членомъ четырехъ академій. Для будущаго это хорошо. Я собралъ 6 великолѣпныхъ рисунковъ, которые не замедлю переслать по ихъ высокому назначенію, и которые, надѣюсь, заслужатъ чины намъ обоимъ! Повторяю, я не уѣду отсюда раньше, чѣмъ не получу этой милости. Какъ только придетъ мое офиціальное назначеніе, для меня будутъ просить аудленціи у папы, я найму экипажъ и поѣду съ прощальными визитами ко всѣмъ знакомымъ. А ты, тѣмъ временемъ, приложи всѣ усилія для того, чтобы Голицыны не уѣхали изъ Флоренціи до тѣхъ поръ, пока я не пріѣду туда. Велико мое желаніе совершить путь отсюда до Парижа *съ удобствами*, вдоволь насмотрѣться на югъ Франціи, а для меня это единственный въ мірѣ случай.

Толстой уѣхалъ во Флоренцію сегодня утромъ.

Назначенія все еще нѣтъ, дорогой мой другъ, я взбѣшенъ и не понимаю, что такое могло вызвать такую задержку и очень опасаюсь какъ бы мой предшественникъ самъ не пріѣхалъ извѣстить меня о днѣ моего отъѣзда. Ась! А пока сдѣлай мнѣ одолженіе, попроси для меня *пропуски* и пришли мнѣ сюда. Я укладываю свои книги и намѣреваюсь отправить ихъ до отъѣзда изъ Рима. Мы будемъ вмѣстѣ распаковывать ихъ.

„О вѣй попутный вѣтръ, вѣй мощными устами
„Въ вѣтрило кораблей.

„Прощай.

„Возстали злобныя народы.
„По Робеспіеровымъ стопамъ,
„Изъ полной чаши пьютъ свободы
„Преступну ненависть къ Царямъ!“

Четвергъ.

Какъ быть? ангелъ мой. Было бы больше чѣмъ непростительно заставлять Голицыныхъ томиться въ объятіяхъ новой Армиды. Мое назначеніе, которое все не приходитъ, возобновившаяся лихорадка и безпокойство, справедливое безпокойство Альбини, слишкомъ уважительныя причины, для того, чтобы я могъ расчитывать на ихъ дальнѣйшее пребываніе во Флоренціи. Сегодня утромъ я получилъ прелестное письмо отъ Свѣчиной, она извѣщаетъ меня о томъ, что мое жалованіе *будетъ увеличено больше, чѣмъ вдвое.* Она пишетъ объ успѣхѣ, который одержали нѣкоторыя мои размышленія о событіяхъ дня, изложенныя въ одномъ изъ моихъ писемъ. Правда, это были однѣ изъ самыхъ сокровенныхъ моихъ помышленій, а поведеніе Свѣчиной является блестящимъ доказательствомъ ея расположенія. Послѣ такого доказательства считаешь ли ты меня способнымъ цѣнить женщинъ и выбирать друзей? Чтобы ты могъ познакомиться съ содержаніемъ письма Свѣчиной, посылаю его тебѣ, и убѣдительно прошу тебя, съ первой же почтой возврати мнѣ его обратно вмѣстѣ съ письмомъ графа де Мэстра; потому что я никогда не разстанусь съ перепиской этихъ двухъ лицъ, и мнѣ пріятно всегда имѣть ее у себя. А вотъ новая сдѣлка.

Ко мнѣ явился молодой Итальянецъ, который долженъ былъ поступить ко мнѣ на службу; онъ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе, а въ домѣ министра его отлично знаютъ; потому что вѣдь отъ слугъ можно узнать самыя точныя свѣдѣнія о поведеніи и характерѣ имъ подобныхъ. Я не захотѣлъ упустить такого удобнаго случая; захотѣлъ принять его къ себѣ на службу; такъ хотѣлось бы узнать, можно ли мнѣ взять его съ собою. Поэтому только Голицыны могутъ рѣшить этотъ вопросъ; потому что, если я не смогу уѣхать вмѣстѣ съ кузенами, мнѣ никакъ не обойтись безъ слуги. Однако слугу всегда необходимо имѣть. Я напишу нѣсколько благодарственныхъ словъ Нарышкину.

Подвиньте же немножко дѣло о портфелѣ, который становится мнѣ такъ необходимъ, такъ же какъ и путешествіе Лаборда, послѣднее, что было написано объ Испаніи. Я написалъ чрезвычайно удачное письмо въ Археологическую Академію, которая прислала мнѣ дипломъ вмѣстѣ съ посланіемъ ко мнѣ, необычайно льстиво написаннымъ. Завтра меня будутъ избирать членомъ въ *двухъ* новыхъ академіяхъ. И я уѣду изъ Рима съ пятью научными дипломами. Достаточно? Не слишкомъ ли много? Развѣ не лучше, чѣмъ ничего?—

Если моя родственная обязанность требуетъ не задерживать больше кузеновъ, тогда намъ нужно назначить другъ другу свиданіе въ Генцѣ. Тогда они уѣдутъ изъ Флоренціи, а я поспѣшу пріѣхать къ нимъ. Печальное стеченіе обстоятельствъ! Прощай.

Задержка моего офиціальнаго назначенія начинаетъ меня серьезно тревожить. Какъ же! Въ газетахъ было написано давнымъ давно, а изъ министерства до сихъ поръ ни единаго слова? Развѣ мое замѣщеніе должно подкрасться незамѣтно и пріятно меня ошеломить? Послѣ своего назначенія въ Мадридъ, я съ каждымъ днемъ становлюсь все болѣе чуждымъ нашей канцеляріи, гдѣ первый секретарь заводитъ новые порядки, которые будутъ очень затруднительны для вновь поступившаго. Слишкомъ большого усердія не хватитъ на долю и черезчуръ яркій свѣтъ только сгуститъ сумерки, которые настанутъ, какъ только онъ погаснетъ. Знаешь, кранъ прислалъ мнѣ 200 экю, а его письмо начинается очень странно: „Вы никогда не угадаете, кто мнѣ сказалъ, что въ Римѣ вы надѣлали долговъ“. Не старикъ ли это, или Нарышкинъ, или Фанни? Я не могу догадаться. Наконецъ, исчерпавъ всѣ источники, я въ состояніи уѣхать изъ Рима и пріѣхать въ Мадридъ совершенно спокойно. У меня волосы становятся дыбомъ при мысли о долгахъ, которые накопились у меня въ Римѣ, можно ли повѣрить, ихъ вѣдь до 8000 франковъ! Ась? Признаюсь, что провидѣніе чудесно выручало меня, и я чувствую, что выздоровѣлъ совершенно, потому что нѣтъ болѣе тяжелой болѣзни, чѣмъ долги и большаго мученія, чѣмъ чувство безденежья. Неудовольствіе путешественника нисколько меня не удивляетъ, а оно покажется тебѣ совсѣмъ обыкновеннымъ, когда, ты узнаешь, что у него были отняты всѣ полномочія, и что допросы, которые онъ долженъ былъ сдѣлать, выражены самымъ яснымъ образомъ, такъ что, потерявъ возможность поступать, какъ ему угодно, ему не оставалось ничего другаго, кромѣ, какъ дѣйствовать въ указанномъ ему смыслѣ. Кромѣ того онъ упорно просилъ объ отправкѣ гонца, и даже эта просьба не имѣла успѣха, потому что развѣ человѣкъ можетъ самъ управлять обстоятельствами или равносильными имъ побудительными причинами? Твоя сыпь меня очень огорчаетъ, дорогой другъ, и я думаю, что нужно потерпѣть, вѣдь есть травяной отваръ, тѣмъ больше, что время года самое благопріятное для его употребленія, затѣмъ купанье и полнѣйшее воздержаніе отъ женщинъ, вина и всякихъ чрезмѣрныхъ упражненій, все это можетъ дать быстрое выздоровленіе. Мое здоровье удивительно крѣпкое. Въ послѣднемъ письмѣ кранъ упрекаетъ меня въ томъ, что я

не использовалъ пребыванія кузеновъ въ Римѣ и не занялъ у нихъ денегъ! Тебя онъ ставитъ мнѣ въ примѣръ. Правда, я никогда ничего не просилъ у нихъ, но тѣмъ лучше, если я никогда не подумалъ объ источникѣ, который можетъ быть тебѣ полезенъ?

Судя по всему содержанію письма и особенно по заключительной припискѣ, онъ не сомнѣвается въ томъ, что именно *Альбини* такъ ловко услужилъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ съ краномъ, потому что его особое ко мнѣ благоволеніе есть настоящій даръ небесъ. Ты пишешь мнѣ о дипломѣ для Альбини, не говоря о томъ, кто обѣщалъ ему это устроить и членомъ какой академіи онъ хочетъ, и надѣется быть?

Въ прошлый разъ я былъ громогласно *провозглашенъ* членомъ Археологической Академіи, и мнѣ рукоплескали въ *чрезвычайномъ* засѣданіи, на которомъ присутствовало нѣсколько кардиналовъ. Со всѣхъ сторонъ меня поздравляли и мое избраніе не замедлило на другой же день появиться въ газетахъ. Вотъ что значитъ имѣть друзей! Графъ Бутурлинъ далеко не уйдетъ со своими строгими правилами, а я похитилъ для своего личнаго употребленія только двѣ жалкихъ коробки его превосходнаго табаку. У меня въ комнатахъ такъ хорошо пахло этимъ табакомъ, что я не выдержалъ искушенія, и если разговоры объ этомъ не прекратятся, я напишу прямо ему и дамъ ему почувствовать всю непристойность его правилъ. Ась! Каково! Я же виноватъ, да я же и дуюсь! Мой ящикъ совсѣмъ уложенъ; я пошлю его, какъ только моментъ покажется мнѣ благопріятнымъ и постараюсь освободить его отъ всякаго таможеннаго сбора. Тебѣ останется только открыть его. Мишель влюбленъ, это прекрасно, но, повторяю, въ порывѣ увлеченія не надо забывать объ обѣщанныхъ книгахъ про Испанію, а Теодоръ, ничѣмъ не занятый, отлично могъ бы прислать мнѣ десять луидоровъ для передачи Кэтъ за два великолѣпныхъ рисунка—замка и бури.

Я также не прощу ему трехъ луидоровъ за рисунокъ Пинелли. Ась! Если правда, что Панинъ, какъ второй секретарь посольства, получалъ 8 тысячъ франковъ, я думаю, что нѣтъ поводовъ къ тому, чтобы и мнѣ было въ нихъ отказано, а для того, чтобы мнѣ ихъ дали, есть тысяча причинъ.

Чего я совсѣмъ не предполагаю, такъ это того, что мнѣ соблаговолятъ дать *годовое* жалованіе на путевыя издержки, но если министръ дѣйствительно желаетъ мнѣ въ этомъ отношеніи добра, то те-

перь *я даю слово*, что не заблуждаюсь на счетъ своихъ денежныхъ дѣлъ, и обѣщаю, что дамъ тебѣ тысячу франковъ на чрезвычайные расходы. Ась! Ахъ, милый другъ! наше блаженство увидѣть снова милую Пери! „Какое счастье возобновится послѣ годовой, тягостной разлуки, неразрывный союзъ дружества. Я встаю, засыпаю съ этимъ помышленіемъ и дни мнѣ кажутся годами съ тѣхъ поръ, какъ я въ надеждѣ скоро свидѣться съ нею въ Парижѣ. Заключаю мое письмо дружескимъ лобызаніемъ“.

Академіи Наукъ (См. брошюру: „XVII присужденіе Демидовскихъ наградъ,“ Спб. 1848 г., стр. 139—184).

„Эрцгерцогъ Карлъ, какъ полководецъ и какъ военный писатель“ (*Военный Журналъ* 1847 г., кн. 2).

„Описаніе походовъ графа Радецкаго въ Италію“ (*тамъ же* 1849 г., кн. 5 и отдѣльный оттискъ: Спб. 1849 г.).

„Алжирія въ новѣйшее время,“ Спб. 1849 г., съ пятью картами и планами.

„Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ отъ начала войнъ до настоящаго времени“ (*Военный Журналъ* 1848 г., кн. 3 и 5; 1849 г., кн. 1; 1853 г. кн. 3 и 6).—Отдѣльное изданіе: Спб. 1849—1853 гг., двѣ части съ планами и картами.

„Очеркъ Венгерской войны 1848—1849 годовъ,“ перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1850 г.—Этотъ переводъ исполненъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Лебедевымъ.

„Разборъ“ книги полковника Карцова: „Тактика“ (*Русскій Инвалидъ* 1851 г., № 2).

„Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турцію“ (*Военный Журналъ* 1851 г., кн. 5 и 6; 1852 г., кн. 1).—Отдѣльное изданіе: Спб. 1852 г., съ картою и планами.

„Королевство Вестфальское и разрушеніе его генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ,“ сочиненіе Фонъ-Шпехта, перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1852 г.—Въ этомъ переводѣ участвовалъ и капитанъ Казнаковъ.

„О книгѣ Милютина: „Исторія войны 1799 года“ (*Военный Журналъ* 1853 г., кн. 1 и 4).

„Описаніе Наполеонова похода 1806 года въ Пруссію“ (*Военный журналъ* 1854 г., кн. 1 и 2).

„О новѣйшихъ усовершенствованіяхъ ручного огнестрѣльнаго оружія“ (кн. 3).

„О сраженіяхъ въ стратегическомъ отношеніи,“ извлеченіе изъ сочиненія генерала Клаузевица: „О войнѣ“ (кн. 4).

„Оборона Пскова,“ 1581—1582 гг. (кн. 5).

„О вліяніи на тактику технической части военнаго дѣла“ (кн. 6).

„Оборона Азова донскими казаками въ 1641 году“ (*Сѣверная Пчела* 1854 г., № 90).

„Объ изученіи военной исторіи“ (*Военный Журналъ* 1855 г., кн. 3).

„Описаніе экспедиціи англо-французовъ въ Крымъ 1854—1855 гг.“ (*Военный Журналъ* 1856 г., кн. 1—3).—Отдѣльный оттискъ: Спб. 1856 г., 286 стр. съ картою и четырьмя планами.—Кромѣ того, были перепечатки изъ этого труда: въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1856 г., №№ 107 и 143 и въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ 1856 г., т. 120—123.

„Сраженіе при Лубинѣ,“ глава изъ сочиненія: „Исторія Отечественной войны“ (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г., кн. 24). Этотъ отрывокъ былъ перепечатанъ въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ 1858 г., т. 131.

„Слѣдуетъ ли называть укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи, батареею Раевскаго“ (*Военный Сборникъ* 1858 г., т. I).

„Послѣднее время предъ войною 1812 года“ (*Библіотека для Чтенія* 1858 г., кн. 3).

„Народная война 1812 года“ (*тамъ же*, кн. 11). Какъ эта статья, такъ и предыдущая, перепечатаны въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ 1859 г., т. 136 и 137.

„Матеріалы для исторіи войны 1812 года“ (*Военный Журналъ* 1859 г., кн. 1).

„Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ“ (*Военный Сборникъ* 1859 г., т. V).

„Исторія Отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ, составлена по Высочайшему повелѣнію,“ Спб. 1859—1860 гг., три тома съ планами и картами. Этотъ трудъ, удостоенный преміи отъ Императорской Академіи Наукъ (см. „XXX присужденіе Демидовскихъ наградъ,“ Спб. 1861 г., стр. 39—48), переведенъ на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Geschichte des Feldzuges im Jahre 1812» (Лейпцигъ 1863 г.) и по-чешски: «Dějny vlastenské vàlky roku 1812» (Прага 1868 г.).

„Занятіе Вильны русскими войсками въ 1812 году“ (*Русскій Инвалидъ* 1860 г., № 40).

„Разборъ“ книги Журавскаго: „Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности съ 1711 по 1825 годъ“ (*Военный Сборникъ* 1860 г., т. XI).

„Народныя вооруженія въ Пруссіи въ 1813 году“ (*Русскій Вѣстникъ* 1860 г., кн. 21).

„Дѣло при Рейхенбахѣ“ (*Русскій Инвалидъ* 1861 г., № 1).

„Воспоминаніе объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ“ (*тамъ же,* № 92).

„Союзные полководцы во вторую кампанію 1813 года“ (*Русскій Вѣстникъ* 1861 г., кн. 9).—Эта статья перепечатана въ „Журналѣ военно-учебныхъ заведеній“ 1862 г., т. 154.

„Разборъ“ сочиненія сэра Роберта Вильсона: „Описаніе нашествія на Россію Наполеона Бонапарте“ (*Инженерный Журналъ* 1862 г., кн. 1).

„Исторія войны 1813 года за независимость Германіи,“ по достовѣрнымъ источникамъ составлена по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1862—1863 гг., два тома. Это сочиненіе удостоено преміи (см. „XXXIII присужденіе Демидовскихъ наградъ,“ Спб. 1864 г., стр. 108—145) и переведено на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Ceschichte des Krieges im Jahre 1813 für Deutschlands Unabhängigkeit» (Спб. 1865 г.).

„О средствахъ къ распространенію просвѣщенія въ арміи“ (*Военный Сборникъ* 1863 г., т. XXIX). Эта статья перепечатана въ „Очеркахъ“ (1863 г., № 26).

„Положеніе дѣлъ въ политическомъ отношеніи при открытіи похода во Францію 1814 года“ (*Военный Сборникъ* 1864 г., т. XXXV).

„По поводу развитія и направленія военно-историческихъ знаній въ Россіи“ (*Русскій Инвалидъ* 1864 г., № 29).

„Анекдотъ изъ жизни А. П. Ермолова“ (*тамъ же,* № 54).

„Годовщина 19 марта 1814 года“ (№ 62). То же въ *Сынъ Отечества* 1864 г., № 68.

„По поводу пятидесятилѣтняго юбилея барона Н. В. Медема“ (*Русскій Инвалидъ* 1864 г., № 73).

„Графъ Петръ Петровичъ Фонъ-деръ-Паленъ,“ некрологъ (*тамъ же,* № 94).

„Графъ Петръ Петровичъ Фонъ-деръ-Паленъ и его время“ (*Военный Сборникъ,* 1864 г., т. XXXVIII).

„Александръ I въ Парижѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1865 г., кн. 1).

„Смотръ при Вертѣ,“ 1815 г. (*Военный Журналъ* 1865 г., кн. 8).

„Исторія войны 1814 года во Франціи и низложеніе Наполеона I,“ по достовѣрнымъ источникамъ, составлена по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1865 г., два тома съ картами. Это сочиненіе переведено на нѣмецкій языкъ г. Бэумгартеномъ подъ заглавіемъ: «Ceschichte des Krieges 1814 in Frankreich und des Sturzes Napoleon's I» (Лейпцигъ 1866 г.).

„Александръ I: его дѣтство и юность“ (*Русскій Вѣстникъ* 1866 г., кн. 1).

„Первая эпоха преобразованій императора Александра I“ (*Вѣстникъ Европы* 1866 г., кн. 1 и 2).

„Автобіографическія замѣтки графа Аракчеева на прокладныхъ листахъ книги Св. Евангелія“ (*Русскій Архивъ* 1866 г., кн. 6).

„Тильзитскій миръ“ (*Вѣстникъ Европы* 1867 г., кн. 1).

„Письмо генерала Аракчеева къ императору Александру I“ (*Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества* 1867 г., т. I).

„Учебныя книги и тетради великаго князя Александра Павловича“ (*тамъ же*).

„Паденіе Сперанскаго“ (*Вѣстникъ Европы* 1868 г., кн. 12).

„Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время,“ печатано по Высочайшему повелѣнію, Спб. 1869—1871 гг., шесть томовъ. Этотъ трудъ удостоенъ Уваровской награды.

„Безпорядки въ Семеновскомъ полку 1820 года“ (*Вѣстникъ Европы* 1870 г., кн. 11.)

„Журналистика графа Аракчеева“ (*Русскій Инвалидъ* 1870 г., № 29).

„Переговоры князя Меншикова въ Константинополѣ,“ по подлиннымъ документамъ (*Вѣстникъ Европы* 1873 г., кн. 1).

„Сраженіе при Баядурѣ и Башъ-Кадыкларѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1873 г., кн. 2).

„Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II“ (*Военный Сборникъ* 1873 г., кн. 12 и отдѣльно: Спб. 1873 г.).

„Два письма военнаго туриста: Севастополь—Константинополь“ (*Вѣстникъ Европы* 1874 г., кн. 10).

„Зима въ Севастополѣ съ ноября 1854 года по февраль 1855 года“ (*Русскій Вѣстникъ* 1875 г., кн. 2).

„Первое бомбардированіе Севастополя 13 октября 1854 года“ (*Русская Старина* 1875 г., кн. 6).

„Вѣнскія совѣщанія и Парижскій трактатъ“, изъ сочиненія „Восточная война“ (*тамъ же* 1876 г., кн. 10).

„Восточная война 1853—1856 годовъ, Спб. 1877 г., четыре тома.

„Военная политика и военныя учрежденія въ современномъ ихъ состояніи“ (*Русская Старина* 1878 г., кн. 1).

„Дневникъ осады Карса въ 1855 году доктора Сандвита“ (*Военный Сборникъ* 1878 г., кн. 2).

„Дѣло при Денбе-Вельке, 19 марта 1831 г.“ (*Историческій Вѣстникъ* 1881 г. кн. 6.).

„Князь Курбскій,“ драма, Спб. 1882 г., 77 стр.

Кромѣ названныхъ трудовъ, подъ редакціею М. И. Богдановича, вышли: „Военно-энциклопедическій лексиконъ“ (Спб. 1852—1858 гг., четырнадцать томовъ) и „Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи, въ первое двадцатипятилѣтіе благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича“ (Спб. 1879—1880 г., шесть томовъ). Послѣ же кончины Богдановича, напечатаны его „Два письма къ А. П. Ермолову,“ 1858—1859 гг. (см. *Русскую Старину* 1896 г., кн. 10, стр. 120).

Богоявленскій, Михаилъ Максимовичъ[1]) родился 15 октября 1818 года; высшее образованіе получилъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; по окончаніи тамъ курса (1841 г.), состоялъ учителемъ исторіи въ 1-ой Московской мужской гимназіи (1842—1851 гг.), директоромъ училищъ Могилевской губерніи, преподавателемъ исторіи въ Александровскомъ Лицеѣ (съ 1861 г.) и директоромъ Петербургскаго Коммерческаго Училища (съ 1864 г.); † въ 1882 году.—Имъ напечатаны:

„О преподаваніи древней исторіи," рѣчь въ 1-ой Московской гимназіи, М. 1846 г., 19 стр.

„Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова," Спб. 1855 г., 248 стр. съ таблицею.

„Историческій очеркъ Санктпетербургскаго Коммерческаго Училища," Спб. 1872 г.

Покойный М. М. Богоявленскій доставилъ для напечатанія въ *Русской Старинѣ* (1872 г., кн. 1, стр. 85—117) „Неизданные отрывки и варіанты изъ Мертвыхъ Душъ Гоголя," которые оказались „поддѣлкою Н. Ф. Ястржембскаго" (см. книжку С. И. Пономарева: „Памяти Гоголя," Кіевъ 1882 г., стр. 32—33).

Болдыревъ, Николай Васильевичъ[2]), родился въ 1814 году и былъ заслуженнымъ профессоромъ Николаевской Инженерной Академіи; † въ чинѣ инженеръ-генералъ-лейтенанта 22 марта, въ Петербургѣ.—Ему вмѣстѣ съ Ѳ. Ласковскимъ принадлежалъ „Курсъ фортификаціи," часть первая (долговременная фортификація), Спб. 1864 г., 215+VII стр. съ отдѣльнымъ атласомъ изъ 28 чертежей.

Борисякъ, Никифоръ Дмитріевичъ[3]), изъ дворянъ, родился въ 1817 году, въ Лохвицкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи; высшее образованіе получилъ въ Харьковскомъ Университетѣ (1838 г.); послѣ командировки въ Петербургъ для подготовки къ профессурѣ и послѣ научнаго путешествія по Россіи, съ 1843 года занялъ каѳедру минералогіи и геогнозіи въ родномъ Университетѣ и состоялъ на ней до 1868 года, когда былъ уволенъ съ званіемъ заслуженнаго профессора; † въ ночь съ 19 на 20 марта, въ городѣ Золотоношѣ (Полтав-

---

[1]) О немъ: „Памятная книжка Импер. Александровскаго Лицея," Спб. 1886 г., приложеніе, стр. 30.—„Русскія книги," „Словарь" и „Источники словаря," С. Венгерова.—„Столѣтіе Московской 1-ой гимназіи," очеркъ, М. 1903 г., стр. 345.

[2]) См. „Всеобщій календарь," изд. Гоппе, на 1883 годъ, стр. 452.—„Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества," Спб. 1887 г., т. LX, стр. 56.—„Источники словаря," С. Венгерова, Спб. 1900 г., т. I, стр. 309 (съ ошибкою въ годѣ смерти).

[3]) О немъ: *Харьковскія губ. Вѣдомости* 1882 г., №№ 90 и 116.—Книга: Физико-математическій факультетъ Импер. Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ," Харьковъ 1908 г.

ской губерніи).—Краткій перечень его печатныхъ работъ составленный П. Отоцкимъ, напечатанъ въ „Словарѣ“ Венгерова (т. V), но наиболѣе полный списокъ помѣщенъ въ книгѣ: „Физикоматематическій факультетъ Импер. Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ“ (Харьк. 1908 г.).

Боткинъ, Л....[1]), русскій по происхожденію, родился въ Парижѣ (1853 г.) и тамъ же получилъ образованіе; † 16 мая въ Гаврѣ.—Покойный напечаталъ слѣдующіе труды:

«Beowulf, analyse historique et géographique,» Paris, 1876 г.

«Beowulf, epopée Anglo-Saxonne, traduite en français, pour la première fois, d'après le texte original,» Havre, 1877 г.

«Chanson des Runes, texte Anglo-Saxon, traduction et notes,» Havre, 1879 г.

Буренинъ, Константинъ Петровичъ[2]), окончилъ курсъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ по физико-математическому отдѣленію (1857 г.); состоялъ учителемъ математики и физики въ Смоленской гимназіи (1857—1859 гг.), а затѣмъ въ IV-ой Московской мужской гимназіи надзирателемъ (1859—1860 гг.) и преподавателемъ математики (1860—1873 гг.); съ сентября 1873 года вышелъ въ отставку и 8 сентября 1882 года умеръ въ Ялтѣ.—Онъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Малининымъ составилъ:

„Собраніе ариѳметическихъ задачъ, М. 1866, 1868, 1869, 1870, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1879, 1880, 1882, 1885, 1888, 1891, 1894, 1897, 1899, 1900, 1901, 1903, 1904, 1906, 1909 и 1912 (двадцать шесть изданій).

„Руководство къ ариѳметикѣ,“ М. 1866, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1882, 1884, 1888, 1891, 1895, 1897, 1899, 1900, 1903 и 1904 гг. (двадцать три изданія).

„Руководство космографіи и физической географіи, М. 1867, 1869, 1870, 1873, 1878, 1880, 1884, 1888, 1892, 1896 и 1898 гг. (одиннадцать изданій).

„Руководство къ физикѣ и собраніе физическихъ задачъ,“ М. 1868, 1870, 1873, 1876, 1878, 1880, 1883, 1887, 1891, 1896 и 1900 гг. (одиннадцать изданій).

„Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ,“ М. 1870, 1872, 1873, 1876, 1879, 1881, 1884, 1891, 1897 и 1900 г. (десять изданій).

„Рѣшенія ариѳметическихъ задачъ,“ М. 1877 г.

Бутаковъ, Григорій Ивановичъ[3]), извѣстный герой—

[1]) См. о немъ: *Anglia*, Zeitschrift für Englische Philologie, 1882 г., т. V, тетр. 3, стр. 501—502.—*Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія* 1882 г., ч. CCXXIII, кн. 10, отд. IV, стр. 110—112.

[2]) О немъ: *Газета Гатцука*, 1882 г., № 38.—*Новое Время* 1882 г., № 2347.—„Словарь“ Брокгауза, Спб. 1891 г., т. V, стр. 22 (съ ошибочнымъ свѣдѣніемъ о мѣстѣ воспитанія).—„Пятидесятилѣтіе Московской IV-ой гимназіи,“ очеркъ, М. 1899 г., стр. 164.—Брошюра: „Памяти А. Ѳ. Малинина,“ М. 1888 г., стр. 51—53.

[3]) О немъ: *Газета Гатцука* 1882 г., № 24.—*Московскія Вѣдомости* 1882 г., №№ 154 и 158.—*Морское Обозрѣніе* 1882 г., № 14.—*Русскій Курьеръ* 1882 г., № 110.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—*Морской Сборникъ* 1883 г., т. 197, кн. 7, неоф. отд., стр. 1—99 (съ портретомъ).

морякъ, родился 27 сентября 1820 года въ Ригѣ и воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ; по окончаніи курса, произведенный въ мичманы (1837 г.), началъ службу на Черномъ морѣ подъ руководствомъ адмирала М. П. Лазарева, который, между прочимъ, поручилъ ему и И. А. Шестакову собрать матеріалы для составленія подробной лоціи Чернаго моря, что̀ и было выполнено двумя молодыми моряками; затѣмъ Г. И. былъ командированъ въ Англію для наблюденія за постройкой парохода „Дунай," на которомъ возвратился на Черное море и скоро получилъ въ командованіе пароходо-фрегатъ „Владиміръ;" на немъ Г. И. одержалъ блистательную побѣду надъ турецкимъ пароходомъ „Первасъ-Бахре" (5 ноября 1853 г.) и потомъ принималъ участіе во всѣхъ главныхъ военныхъ дѣйствіяхъ при Севастопольской бухтѣ; по окончаніи Крымской кампаніи, произведенный въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Е. И. В., былъ опредѣленъ главнымъ командиромъ Николаевскаго порта до 1860 года, флагманомъ отряда винтовыхъ кораблей въ чинѣ вице-адмирала (1860—1868 гг.), старшимъ флагманомъ-командиромъ отряда мониторовъ въ Балтійскомъ морѣ (1868—1878 гг.) и начальникомъ морской защиты Свеаборга съ производствомъ въ адмиралы (1878—1881 гг.); послѣ того онъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ С.-Петербургскаго порта (1881 г.), а за упраздненіемъ этого поста—членомъ Государственнаго Совѣта (съ марта 1882 г); † 31 мая въ Петербургѣ.—Его труды:

„Нѣсколько словъ о тендерахъ и управленіи ими" (*Морской Сборникъ* 1849 г., № 9, стр. 575—590).

„О названіяхъ румбовъ компаса" (*Морской Сборникъ* 1851 г., № 1, стр. 75—76).

„Компасъ съ наклонною стрѣлкою" (*тамъ же*, № 10, стр. 288—294).

„Свойство торсовъ и цѣпей," перев. съ англійскаго, Николаевъ 1852 г., 95 стр.

„Скорость хода буеровъ" (*Морской Сборникъ* 1852 г., № 5, стр. 506—507).

„Наставленіе англійскаго Королевскаго Общества человѣколюбія относительно захлебнувшихся," перев. съ англійскаго (*тамъ же*, № 10, стр. 321).

„Заднѣпровскіе итальянцы—херсонскіе мореплаватели" (№ 12, стр. 489—490).

„О здоровьѣ на морѣ," перев. (*Морской Сборникъ* 1855 г., № 8, стр. 211—229).

„Параллельная линейка съ двойнымъ транспортиромъ, капитана Тойнби" (*тамъ же*, стр. 245—250).

„Походныя исправленія котловъ парохода „Владиміръ" (стр. 357—361).

„Изъ артиллерійскихъ замѣтокъ на Севастопольскомъ рейдѣ" (№ 10, стр. 359—374).

„Нѣсколько словъ о расширеніи запаловъ у чугунныхъ орудій" (*тамъ же*, стр. 473—475).

„Деревянная бомба" (стр. 475).

„Краткій обзоръ компасовъ разнаго устройства до 1851 года" (*Морской Сборникъ* 1858 г., № 2, стр. 508—532).

„Инструкція для испытанія главнаго компаса на судахъ англійскаго флота," перев. *(тамъ же,* стр. 532—537).

„Нѣсколько наставленій о катаньяхъ на шлюпкахъ" *(Морской Сборникъ* 1860 г., № 12, стр. 31—34).

„Обзоръ плаванія и дѣйствій практическаго отряда Балтійскаго флота въ 1860 году" *(тамъ же,* стр. 83—107).

„Турецкая кочерма" (кн. 7, стр. 51—52).

„Нѣсколько отрывковъ изъ опыта начальныхъ основаній азбуки пароходной тактики," Спб. 1861 г., 112 стр. и 18 таблицъ.

„Нѣсколько словъ о способахъ стаскиванія судовъ съ мели потаповскими костылями" *(Морской Сборникъ* 1861 г., № 12, стр. 95—97).

„Нѣсколько соображеній относительно пароходовъ—тарановъ и измѣненія интерваловъ между паровыми судами во время перестроенія линій кильватера" *(Морской Сборникъ* 1862 г., № 5, стр. 32—68 и отдѣльный оттискъ: Спб. 1862 г.).

„Лоцманскія замѣтки о Финляндскихъ шхерахъ" *(тамъ же,* № 7, стр. 12—16).

„Обзоръ плаванія практической эскадры винтовыхъ лодокъ Балтійскаго флота въ кампанію 1861 года" (стр. 54—104).

„Новыя основанія пароходной тактики," Спб. 1863 г., V+XV+239 стр. и 26 таблицъ. Это изслѣдованіе, удостоенное Демидовской награды, было переведено г. Де-ля-Планше на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Nouvelles bases de tactique navale» (Paris, 1864 г.).

„Замѣтка объ англійскихъ башенныхъ судахъ" *(Морской Сборникъ* 1863 г., № 1, стр. 131—136 и отдѣльный оттискъ: Спб. 1863 г.).

„Нѣсколько встрѣчъ съ нашей прибрежной пограничной стражей," изъ найденнаго дневника *(тамъ же,* № 4, стр. 157—164).

„Жидкій или греческій огонь" (№ 12, стр. 267—283).

„Способъ г. Мартена измѣрять діаметры круговъ, описываемыхъ судами" *(Морской Сборникъ* 1865 г., № 10, стр. 21).

„Шхерный лотъ" *(тамъ же,* № 12, стр. 229—230).

„Приказы начальника эскадры броненосныхъ судовъ" *(Морской Сборникъ* 1867 г., № 10, стр. 3—22; 1871 г., № 5, стр. 1—80; 1872 г., № 8, стр. 81—121).

„Историческій журналъ эскадры броненосныхъ судовъ:" въ кампанію 1870 г. *(Морской Сборникъ* 1871 г., № 5, ч. оффиц., стр. 1—80) и въ кампанію 1871 г. *(тамъ же,* 1872 г., № 8, стр. 1—183).

„Шлюпочная сигнальная книжка для взаимныхъ переговоровъ между военными и частными кораблями, шлюпками и береговыми сигнальными станціями," Спб. 1875 г.

„Важная для автора поправка" *(Морской Сборникъ* 1876 г., № 3, стр. 188). Эта замѣтка касается неправильныхъ свѣдѣній, занесенныхъ въ „Указатель статей *Морскаго Сборника*" (Спб. 1875 г.).

Кромѣ того, подъ руководствомъ Г. И. Бутакова, составленъ „Проектъ систематическаго собранія морскихъ эволюцій" (Спб. 1868 и 1881 гг., 199 стр.).

Буткевичъ, Анна Алексѣевна[1]), въ дѣвичествѣ Некра-

1) О ней: *Новое Время* 1882 г., № 2151.—*Отечественныя Записки* 1882 г., кн. 4, отд. II, стр. 301—302.—„Библіографическій словарь русскихъ писательницъ," кн. Н. Голицына, Спб. 1889 г., стр. 37—38.—*Вѣстникъ Европы* 1908 г., кн. 5, стр. 35 и 44.

сова, сестра извѣстнаго русскаго поэта Н. А. Некрасова; † 20 февраля 1882 года.—Кромѣ „Стихотвореній Н. А. Некрасова“ со своимъ предисловіемъ (Спб. 1879 г., четыре тома и Спб. 1882 г., одинъ томъ), она напечатала:

„Знаменитый докторъ Максъ,“ сочиненіе Эркмана-Шатріана, перев. съ французскаго (*Переводы лучшихъ иностранныхъ писателей* 1871 г., кн. 3).

„Некрасовъ русскимъ дѣтямъ,“ иллюстрированное изданіе (Спб. 1881 г., 76 стр. и 16 картинъ).

Ея „Переписка съ М. М. Стасюлевичемъ объ изданіи сочиненій брата“ напечатана въ книгѣ: „М. М. Стасюлевичъ и его современники“ (Спб. 1913 г., т. V), а „Письма къ библіографу С. И. Пономареву“—въ „Голосѣ Минувшаго“ (1913 г., кн. 10, стр. 25 и 39). Оригиналы послѣднихъ „Писемъ“ переданы покойнымъ Пономаревымъ въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ (съ 1912 г.).

Бѣлецкій, Николай Ѳедоровичъ[1]), родился 9 мая 1851 года въ селѣ Воскресеновкѣ (Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи); воспитывался въ 1-ой Харьковской гимназіи и на естественномъ отдѣленіи Харьковскаго Университета; по окончаніи курса кандидатомъ (1872 г.) оставленъ былъ при Университетѣ, какъ профессорскій стипендіатъ, и затѣмъ опредѣленъ помощникомъ прозектора при каѳедрѣ физіологіи (1875 г.), а послѣ полученія степени магистра (1876 г.) состоялъ доцентомъ зоологіи при томъ же Университетѣ до дня смерти—6 февраля 1882 года въ Софіи.—Имъ напечатаны слѣдующія работы въ „Трудахъ Общества Испытателей природы при Харьковскомъ Университетѣ:“

„Перечень видовъ перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ окрестностей города Харькова“ (1873 г., т. VII).

„Механизмъ дыханія птицъ“ (1876 г., т. X).—Отдѣльное изданіе—магистерская диссертація автора (Харьковъ 1886 г., 144+VIII стр. съ четырнадцатью таблицами).

„Результаты измѣреній объема дыхательной полости утки“ и „Критическая замѣтка по поводу изслѣдованій Тигеля о зависимости высоты мускульнаго сокращенія отъ силы раздражающаго электрическаго тока“ (1877 г., т. XI).

„Матеріалы для физіологіи глаза птицъ“ и „Соображенія о причинѣ движенія протоплазмы животныхъ клѣтокъ“ (1878 г., т. XII).

„Выдѣленіе углекислоты коченѣющимъ мускуломъ“ и „Къ вопросу о физіологической роли воздушныхъ мѣшковъ у птицъ“ (1879 г., т. XIII).

---

[1]) О немъ: *Новое Время* 1882 г., № 2141.—*Русскія Вѣдомости* 1882 г., № 43—*Южный Край* 1882 г., № 386.—„Русскія книги“ и „Источники“ Венгерова.—*Извѣстія Импер. Общества Любителей Естествознанія*, М. 1888 г., т. LV, л. 3 и табл. 6 (съ портретомъ).—„Физико-математическій факультетъ Харьковскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія“, Харьковъ 1908 г.

„О движеніяхъ ноги и створокъ раковины у нашихъ Ипіо, какъ дыхательныхъ движеніяхъ", „Пневмографическія изслѣдованія надъ мѣдянищей" и „Къ вопросу о причинѣ *apnoe*" (1881 г., т. XIV).

„Физіологическая замѣтка объ испанской саламандрѣ" (1882 г., т. XV).

Послѣ смерти Н. Ѳ. Бѣлецкаго, появилась его работа: „Физіологія воздушнаго пузыря рыбъ" (1883 г., т. XVII).

Варнекъ, Константинъ Александровичъ[1]), сынъ профессора портретной живописи А. Г. Варнека, родился въ 1828 году; воспитывался во 2-ой Петербургской гимназіи и на камеральномъ отдѣленіи Петербургскаго Университета; по окончаніи курса кандидатомъ (1851 г.) состоялъ преподавателемъ русскаго языка при училищѣ Вольно-Экономическаго Общества и въ Павловскомъ институтѣ; послѣ путешествія за-границу, гдѣ особенно знакомился съ иностранными художественными музеями и картинными галлереями (1859—1861 гг.) онъ отдался литературной дѣятельности, участвуя по части художественной критики въ „Настольномъ словарѣ" Толля, „Русскомъ Инвалидѣ," „Русскомъ Художественномъ Листкѣ," а въ 1867 году редактировалъ журналъ: „Русскій Ремесленникъ;" † 11 сентября въ Петербургѣ.—Его статьи:

„Ходъ нашего умственнаго развитія въ послѣдніе годы" (*Библіотека для Чтенія* 1862 г., т. 171, кн. 5).

„Иностранцы-цивилизаторы" (*тамъ же* 1863 г., т. 176, кн. 3 и 4).

„Малороссійскія книжки" (*тамъ же*, т. 179, кн. 9).

„Профессоръ Худяковъ, какъ одинъ изъ представителей элегіи въ нашемъ искусствѣ" (*Сѣверное Сіяніе* 1863 г., т. II, вып. I, столб. 1—18).

„Академикъ Зичи" (*тамъ же* 1864 г., т. III, вып. I, столб. 1—14).

„К. Е. Маковскій" (*тамъ же*, столб. 51—54).

„Ѣздить ли намъ за-границу" и „Наше будущее настроеніе" (*Библіотека для Чтенія* 1864 г., кн. 11).

„Старое время, сравнительно съ дѣятельностію профессора барона Клодта" (*Сѣверное Сіяніе* 1864 г., т. III, вып. 12, столб. 705—722).

Венецкій, Александръ Ивановичъ, родился въ 1844 году и высшее образованіе получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи; по окончаніи курса лѣкаремъ (1866 г.) состоялъ при медицинскомъ департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а послѣ полученія степени доктора медицины (1869 г.) служилъ врачемъ въ арміи; † въ 1882 году (см. о немъ книгу Л. Змѣева: „Русскіе врачи-писатели," Спб. 1889 г., вып. IV, стр. 54). Покойному А. И. Венецкому принадлежала докторская диссертація: „О химическихъ противоядіяхъ при отравленіи стрихниномъ" (Сбп. 1869 г., 31 стр.).

[1]) О немъ: „Петербургскій Университетъ," В. Григорьева, Спб. 1870 г., стр. XCIV.—„Словарь" и „Источники" Венгерова.—*Голосъ* 1882 г., № 248.—*Новое Время* 1882 г., № 2351.

Верховскій, Александръ Тимоѳеевичъ[1]), сынъ единовѣрческаго священника—Т. А. Верховскаго, родился въ 1827 году; учился въ Петербургской духовной семинаріи и въ Медико-Хирургической Академіи; удостоенный степени лѣкаря, онъ мало занимался медицинскою практикою и, за исключеніемъ двухлѣтней дѣятельности въ званіи полкового врача, болѣе отдавался учено-литературнымъ трудамъ; † въ мартѣ 1882 года.—Имъ изданы: „Библейскій словарь, содержащій библейскую пропедевтику, исторію, географію, древности и хронологію“ (Спб. 1871—1876 гг., шесть выпусковъ) и „Церковно-историческій словарь“ (Спб. 1882 г., выпускъ первый).

Викторинъ, въ мірѣ Викторъ Дмитріевичъ Любимовъ[2]), изъ духовнаго званія, родился 17 апрѣля 1821 года въ селѣ Лисинѣ (Калужской губерніи) и учился въ Калужской семинаріи; по окончаніи курса былъ священникомъ въ той же губерніи (1843—1849 гг.) и затѣмъ, послѣ смерти жены, поступилъ въ Петербургскую Духовную Академію, гдѣ принялъ монашество; удостоенный степени магистра (1853 г.), онъ состоялъ инспекторомъ въ Смоленской семинаріи, профессоромъ нравственнаго и пастырскаго богословія въ родной Академіи, исполняя также и должность инспектора (1857—1858 гг.); послѣ того—ректоръ Костромской и Тифлисской семинарій (1858—1868 гг.), епископъ Чебоксарскій и викарій Казанской епархіи (1868—1874 гг.), епископъ Полоцкій и Витебскій (1874—1882 гг.), наконецъ, съ 6 марта 1882 года—епископъ Подольскій и Бряцлавскій; † 21 августа въ Каменецъ-Подольскѣ.—Его труды:

„Истинный другъ духовнаго юноши,“ практическія наставленія воспитанникамъ духовныхъ училищъ (*Христіанское Чтеніе* 1858 г., т. I и отдѣльно: Спб. 1858 г.).

„Темы для поученій къ простому народу,“ Спб. 1858 г.

„Къ вопросу объ улучшеніи быта православнаго духовенства въ Россіи“ (*Христіанское Чтеніе* 1864 г., кн. 3 и 4).

„Азбука по новому способу обучать дѣтей грамотѣ,“ Спб. 1867 г.—Второе изданіе: Каз. 1871 г.—Третье изданіе: Спб. 1874 г.—Четвертое изданіе: Спб. 1881 г.

„Соображенія о способахъ къ успѣшнѣйшему привлеченію некрещеныхъ инородцевъ къ вѣрѣ Христовой“ (*Православный Собесѣдникъ* 1871 г., ч. I).

„Слово о пособіи голодающимъ самарцамъ“ (*тамъ же* 1874 г., ч. I).

---

[1]) См. „Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—„Православная Богословская Энциклопедія,“ изд. А. Лопухина, Спб. 1902 г., т. III, стр. 313.

[2]) О немъ: „Исторія Петербургской Дух. Академіи,“ И. Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 456.—„Списки іерарховъ,“ П. Строева, Спб. 1877 г., стр. 291 и 498.—Періодическія изданія 1882 года: *Востокъ*, №№ 194—195; *Московскія Вѣдомости*, № 238; *Новое Время*, № 2332; *Подольскія епарх. Вѣдомости*, № 36, стр. 453—460 и № 37, стр. 467—470.—„Источники“ Венгерова и „Автобіографическія записки“ Тверского архіепископа Саввы, т. III—VI (по указателю).

„О превосходствѣ христіанства предъ мухаммеданствомъ“ (ч. III).

„Понятія о женщинѣ и бытъ ея у мухаммеданъ и у христіанъ“ (*Православный Собесѣдникъ* 1875 г., ч. I и отдѣльно: Казань 1875 г., 20 стр.).

Вороновъ, Петръ Степановичъ[1]), сынъ причетника Никольской, что̀ на Стану, церкви (Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда), родился въ 1812 году; учился въ Вологодской семинаріи и въ Петербургской Духовной Академіи; по окончаніи курса кандидатомъ богословія (1837 г.)—преподаватель латинскаго языка въ Тотемскомъ духовномъ училищѣ, смотритель Яренскаго и Вельскаго духовныхъ училищъ, священникъ и позже протоіерей при Вельскомъ Троицкомъ соборѣ; † 10 мая въ городѣ Вельскѣ.—Ему принадлежали слѣдующіе труды:

„Устьянская волость или Устье Вельскаго уѣзда“ (*Вологодскія Губ. Вѣдомости* 1853 г., №№ 36 и 37).

„Городища близъ города Вельска“ и „Устькулуйскій погостъ“ (*Записки Импер. Археологическаго Общества* 1856 г., т. VIII).

„Вельскъ, уѣздный городъ Вологодской губерніи“ (*Вѣстникъ Импер. Русск. Географическаго Общества* 1859 г., ч. XXV, № 2. отд. II, стр. 95—118).

„Верховажскій посадъ, Вельскаго уѣзда“ (*тамъ же*, 1860 г., ч. XXIX, № 7, отд. II, стр. 121—150).

„Шадренскій погостъ“ (*Извѣстія Импер. Археологическаго Общества* 1861 г., т. III, вып. 6, стр. 474—479).

„Историческій взглядъ на Важско-Двинскихъ уѣздныхъ крестьянъ“ и „Вельскіе свадебные обряды и причеты“ (*Этнографическій Сборникъ*, изд. Импер. Русск. Географическаго Общества, 1862 г., вып. V).

„Георгіевская часовня въ Вельскомъ уѣздѣ“ (*Странникъ* 1862 г., кн. 10). То же съ дополненіями напечатано въ *Вологодскихъ епарх. Вѣдомостяхъ* 1865 г., № 8.

„Роспись полевой мѣрѣ XVII вѣка“ (*Извѣстія Импер. Археологическаго Общества* 1863 г., т. V, вып. 1, стр. 58—64).

„Три описи церквей Вельскаго уѣзда XVII столѣтія и рядная запись на иконописныя работы 1715 года“ (*тамъ же*, вып. 2, стр. 128—136).

„Описная книга Ростовской церкви, что на рѣкѣ Вели“ (1864 г., вып. 3, стр. 150—153).

„Слово вступительное на паству“ (*Вологодскія епарх. Вѣдомости* 1865 г., № 4).

„Рѣчь при открытіи Вельскаго духовнаго училищнаго правленія“ (*тамъ же* 1868 г., № 4).

Воронцовъ свѣтлѣйшій князь, Семенъ Михайловичъ[2]), родился 23 октября 1823 года; служилъ сначала по гражданскому вѣ-

---

[1]) О немъ: „Исторія Петербургской Дух. Академіи“, И. Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 450.—„Вологодскія епарх. Вѣдомости“ 1882 г., № 12.—„Вологжане-писатели,“ П. Дилакторскаго, Вологда 1900 г., стр. 22—23 и 138.

[2]) См. *Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 128.—„Источники словаря“ Венгерова, Спб. 1900 г., стр. 646.

домству, а потомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, при чемъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Е. И. В. (1847 г.); послѣ того—командиръ Куринскаго полка (1849—1851 гг.), городской голова въ Одессѣ, во время же войны 1877—1878 годовъ состоялъ командиромъ войскъ, расположенныхъ на Крымскомъ полуостровѣ; † 6 мая въ Петроградѣ.—Онъ сообщилъ нѣсколько документовъ изъ своей библіотеки для напечатанія въ „Русскомъ Архивѣ“ (см. „Указатель“ къ этому журналу) и началъ на свои средства изданіе: „Архивъ князя Воронцова,“ подъ редакціей П. И. Бартенева (М. 1870—1895 гг., сорокъ книгъ и „Роспись“ къ нимъ, М. 1897 г., 240 стр.).

Воскобойниковъ, Николай Николаевичъ[1]), родился въ 1838 году и воспитывался въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія; по окончаніи курса, не увлекаясь выгодами инженерной службы, отправился съ графомъ М. Н. Муравьевымъ въ Вильну (1863 г.) и находился тамъ до прекращенія польскаго возстанія; затѣмъ поселился въ Москвѣ, гдѣ, между прочимъ, перестроилъ большой каменный мостъ черезъ Москву-рѣку; † 1 февраля въ Москвѣ.—Покойный долгое время состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей,“ а послѣ кончины П. М. Леонтьева (1875 г.)—помощникомъ редактора М. Н. Каткова (1875—1882 гг.). Кромѣ многочисленныхъ корреспонденцій изъ Польши и большого ряда неподписанныхъ статей по текущимъ вопросамъ, помѣщенныхъ въ названной газетѣ, имъ напечатаны:

„Ладожскій каналъ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1858 г., т. XIV, кн. 7 и 8).

„Замѣтка объ отношеніяхъ правленія Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ къ акціонерамъ“ (*тамъ же* 1859 г., т. XXIII, кн. 17 и 18).

„Отвѣтъ инженеру Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1860 г., № 58).

„По поводу отчета Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1860 годъ“ (*Русскій Инвалидъ* 1861 г., №№ 164—165).

„Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ (*тамъ же*, №№ 166—169, 172, 176, 186—188).

„О положеніи фабричныхъ преимущественно на петербургскихъ фабрикахъ“ (*Библіотека для Чтенія* 1862 г., кн. 5 и 6).

„Общій характеръ притязаній польской партіи въ западномъ краѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1863 г., т. XLVI, кн. 8).

„Интересы русской народности въ западномъ краѣ“ (*тамъ же*, XLVII, кн. 9),

„Польское дѣло“ (*Библіотека для Чтенія* 1863 г., кн. 4, 6, 7 и 12).

---

[1]) О немъ періодическія изданія 1882 года: *Московскія Вѣдомости*, № 33 и *Московскій Листокъ*, № 35.—*Голосъ Москвы* 1885 г., №№ 33 и 50.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—*Голосъ Минувшаго* 1913 г., кн. 2, стр. 194—197 („Воспоминанія П. Боборыкина“ съ неточными свѣдѣніями).

„Записка Поццо-ди-Борго о польскомъ вопросѣ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1866 г., т. LXI, кн. 1).

Гагаринъ князь, Иванъ Сергѣевичъ[1]), сынъ члена Государственнаго Совѣта Серг. Иван. Гагарина, родился 20 іюля 1814 года и получилъ блестящее образованіе; послѣ короткой дипломатической службы секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, онъ съ 1843 года навсегда оставилъ Россію, перешелъ въ католичество и присоединился къ іезуитскому ордену; † 8 (20) іюня въ Парижѣ.—Покойный, кромѣ устройства въ Парижѣ „Славянской библіотеки“ съ русскимъ отдѣленіемъ, подъ общимъ названіемъ: „Musée Slave,“ вмѣстѣ съ Ш. Даньелемъ издавалъ въ Парижѣ, съ 1857 года „Etudes de théologie, de philosophie et d'histoire,“ переименованныя съ 1862 года въ „Etudes religieuses, historiques et litteraires,“ и былъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ богословскихъ, историческихъ и археологическихъ трудовъ, написанныхъ по-французски; напримѣръ, имъ напечатаны сочиненія: „Les starovères, l'eglise russe et le papa“ (Paris 1857 г.), „La Russie sera-t-ese catholique“? (Paris 1857 г.) и „Les hymnes de l'église grecque“ (Paris 1868 г.). Кромѣ того, на русскомъ языкѣ появились его „Полемическія письма“ (*День* 1866 г.) и „Оправданіе по поводу смерти Пушкина“ (*Русскій Архивъ* 1865 г., кн. 8; *Голосъ* 1865 г., № 197; *Биржевыя Вѣдомости* 1865 г., № 154; *Современный Листокъ* 1866 г., № 18).

Гауровицъ, Иванъ Самуиловичъ[2]) родился въ Копенгагенѣ и поступилъ на русскую службу съ 1825 года; онъ состоялъ: врачемъ въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ и при Великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, генералъ-штабъ-докторомъ Балтійскаго флота (1854—1859 гг.) и главнымъ инспекторомъ медицинской части Морского Вѣдомства (1859—1882 гг.); † 5 іюня въ Вѣнѣ.—Его труды:

„Извлеченіе изъ отчета“ (*Морской Сборникъ* 1854 г., № 1).

„Морскіе врачи въ Севастополѣ“ (1855 г., № 5).

„Обзоръ болѣзней и распоряженій по медицинской части на Балтійскомъ флотѣ, въ кампанію 1856 г.“ (*тамъ же* 1857 г.).

---

[1]) См. о немъ періодическія изданія 1882 года: *Историческій Вѣстникъ*, кн. 9, стр. 679; *Новое время*, № 2288; *Свѣтъ*, № 157; *Современныя Извѣстія*, № 262.—*Историческій Вѣстникъ* 1887 г., кн. 8, стр. 269—273.—*Новое Слово* 1894 г., кн. 2, стр. 37—47.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники“ Венгерова.—*Русская Старина* 1900 г., кн. 10, стр. 159—162.—„Православная Богословская Энциклопедія,“ Спб. 1903 г., т. IV, ч. 1, стр. 18—19.—*Русскій Біографическій Словарь*, Гаагъ—Гербель, М. 1914 г.

[2]) О немъ: *Свѣтъ* 1882 г., № 160.—*Медицинскія прибавленія* къ „Морскому Сборнику“ 1882 г., вып. XXII, сентябрь, стр. 76—81.—„Источники словаря“ Венгерова, Спб. 1900 г., стр. 780 (съ ошибкою во времени смерти).

„Краткое руководство морскимъ врачамъ для осмотра и освидѣтельствованія, преимущественно въ судебно медицинскомъ отношеніи.“ Спб. 1858 г.

„О шерстяныхъ фуфайкахъ на флотѣ“ (*Морской Сборникъ* 1859 г., № 9).

„О введеніи военной гимнастики на флотѣ“ (*тамъ же* 1860 г., № 12).

„Военно-санитарныя учрежденія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ во время послѣдней войны,“ Спб. 1868 г.

„Воспоминаніе о Корфу“ (*Морской Сборникъ* 1872 г., № 7).

„Органическое развитіе человѣка по новѣйшимъ изслѣдованіямъ науки,“ переводъ съ нѣмецкаго, Спб. 1873 г.

Глаголевскій, Александръ Николаевичъ[1]), воспитанникъ Виѳанской семинаріи и Московской Духовной Академіи; по окончаніи курса кандидатомъ богословія (1866 г.) принялъ священство и состоялъ законоучителемъ Московскаго Маріинскаго училища; † 15 марта въ Москвѣ.—Онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Законъ Божій, ученіе вѣры, изложенное въ связи съ нравственными уроками, библейскою исторіею и богослуженіемъ“ (М. 1876 г., 140 стр.).

Головщиковъ, Николай Михайловичъ[2]), сынъ священника, родился въ Ярославлѣ (1829 г.); воспитывался въ тамошней семинаріи и въ Московской Духовной Академіи; по окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія (1852 г.) былъ учителемъ Ярославской семинаріи (1852—1858 гг.), чиновникомъ особыхъ порученій при Ярославскомъ губернаторѣ (1858—1860 гг.) и Угличскимъ окружнымъ начальникомъ государственныхъ имуществъ (1860 г.); оставленный за штатомъ въ послѣдней должности, онъ уѣхалъ за-границу, гдѣ состоялъ сотрудникомъ двухъ русскихъ газетъ; по возвращеніи же въ Россію, причисленный къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, служилъ помощникомъ исправника въ Пошехоньѣ и Ярославлѣ, исправникомъ въ Угличѣ до 1868 года, когда снова получилъ отставку и опять уѣхалъ за-границу; воротившись оттуда нѣкоторое время жилъ въ Москвѣ, а потомъ поступилъ учителемъ въ Олонецкую семинарію, изъ которой перешелъ преподавателемъ въ Рыбинскую прогимназію (1880 г.), но незадолго до кончины вышелъ въ отставку и занимался частными уроками; † 4 октября въ Рыбинскѣ.—Онъ, съ семидесятыхъ годовъ XIX вѣка, сотрудничалъ въ газетѣ „Современныя Извѣстія“ и въ журналѣ „Грамотей;“ ему же принадлежала статья: „Замѣтка о поѣздкѣ С. Маслова по Волгѣ“ (*Московскія Вѣдомости* 1859 г., № 246).

---

[1]) См. о немъ: „Исторія Московской Дух. Академіи,“ С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 573.—*Современныя Извѣстія* 1882 г., № 75.

[2]) О немъ: „Исторія Московской Дух. Академіи,“ С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 560.—*Современныя Извѣстія* 1882 г., № 303.—*Ярославскія Губ. Вѣдомости* 1882 г., № 86.—*Русскій Архивъ* 1907 г., кн. 5, стр. 144.

Григорьевъ, Петръ Николаевичъ[1]), сотрудникъ газеты „Голосъ“ въ шестидесятыхъ годахъ; † 10 ноября въ Ярославлѣ.

Гринцевичъ, Иванъ Осиповичъ[2]), высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго Университета; по окончаніи курса лѣкаремъ (1850 г.) былъ врачемъ въ 21-мъ флотскомъ экипажѣ и ординаторомъ въ Кронштадскомъ госпиталѣ, старшимъ судовымъ врачемъ 5-го, 11-го, 1-го, 1-го и 2-го флотскихъ экипажей, помощникомъ начальника медицинской части Кронштадтскаго порта и наконецъ—главнымъ докторамъ Кронштадтскаго морского госпиталя; уволенный отъ службы (1878 г.) жилъ въ отставкѣ; † весною 1882 г.— Его труды:

„Нѣсколько словъ о Кронштадскомъ морскомъ госпиталѣ, въ сравненіи съ Рошфорскимъ“ (*Морской Сборникъ* 1858 г., ч. XXXVI, № 7, стр. 25—31).

„О притворныхъ и искусственныхъ болѣзняхъ“ (*Протоколы* Общества Кронштадскихъ врачей, 1859 г.).

„О случаяхъ ранняго заболѣванія цынгой и о мѣрахъ къ предупрежденію болѣзни“ (*тамъ же*).

„О плаваніи съ отрядомъ судовъ Средиземнаго моря“ (*тамъ же* 1859—1860 г.).

„Описаніе инвалиднаго дома въ Гринвичѣ“ (*тамъ же*, 1860—1861 г.).

„О морскихъ госпиталяхъ въ Англіи“ (*Морской Сборникъ* 1861 г., ч. LIV, № 8, стр. 265—281).

„Медицинскій журналъ съ винтовыхъ лодокъ, плававшихъ въ финляндскихъ шхерахъ“ (*Протоколы* Общества Кронштадтскихъ врачей, 1861—1862 г.).

„Краткій обзоръ дѣятельности Общества морскихъ врачей въ Кронштадтѣ, въ теченіе 1860—1861 г.“ („Медицинскія Прибавленія“ къ *Морскому Сборнику* 1862 г.).

„Медицинскій журналъ на фрегатѣ „Ослабь“ съ октября 1862 г. по ноябрь 1864 г.“ (*тамъ же* 1866 г.).

Гро(у)зовъ, Павелъ Сергѣевичъ, сынъ священника, родился въ городѣ Дмитровѣ, Московской губерніи (1826 г.); учился въ Виѳанской духовной семинаріи; по окончаніи курса (1846 г.) посвященъ 2 февраля 1847 года „во діакона къ каѳедральному Архангельскому собору съ прохожденіемъ иподіаконской должности при домѣ Московскаго митрополита“; 24 іюня 1865 года „рукоположенъ во священника“ къ Зачатіевскому женскому монастырю въ Москвѣ, гдѣ и служилъ до дня смерти—4 іюня 1882 года.—Имъ составлены „Записки бывшаго діакона при Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ, о служеніяхъ послѣдняго въ Москвѣ и въ Московской епархіи“, изданныя послѣ кончины составителя, съ біографическими свѣдѣніями о немъ, свящ. Д. Ромашковымъ (М. 1904 г., 138 стр.).

---

[1]) О немъ періодическія изданія 1882 года: *Новое Время*, № 2426; *Русскія Вѣдомости*, № 326; *Свѣтъ*, № 269.

[2]) См. *Московскія Вѣдомости* 1882 г., № 132 и книгу Л. Змѣева: „Русскіе врачи-писатели,“ Спб. 1886 г., вып. I, стр. 78; вып. III, стр. 12.

Громовъ, Николай Яковлевичъ [1]), изъ духовнаго званія, воспитывался въ Калужской семинаріи и въ Петербургскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ (1881 г.) былъ назначенъ въ Вѣрненскую гимназію преподавателемъ русскаго языка; † въ 1882 году.—Ему принадлежали два перевода: „Объяснительная и сравнительная этимологія церковно-славянскаго языка“, соч. А. Шлейхера (*Филологическія Записки* 1879 г., вып. II—V) и „Максъ Мюллеръ и Философія языка“, соч. Л. Пуаре (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1880 г., кн. 7—8).

Гурій, въ мірѣ Григорій Платоновичъ Карповъ [2]), изъ духовнаго званія, родился въ 1814 году; учился въ Саратовской семинаріи и въ Петербургской Духовной Академіи; выпущенный изъ послѣдней кандидатомъ богословія (1839 г.), онъ отправился въ Китай, гдѣ дѣйствовалъ, сначала какъ іеромонахъ—миссіонеръ, а затѣмъ, удостоенный степени магистра (1855 г.), какъ архимандритъ—начальникъ Пекинской духовной миссіи (1856—1864 гг.); по возвращеніи въ Россію—настоятель Московскаго ставропигіальнаго Симонова монастыря (1865—1866 гг.) и недолгое время—настоятель посольской церкви въ Римѣ (1866 г.); хиротонисанный въ архіерейскій санъ 5) іюня 1866 г.) состоялъ епископомъ Чебоксарскимъ и викаріемъ Казанской епархіи (1866—1867 гг.), а потомъ епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ (1867—1882 гг.), пожалованнымъ въ архіепископы (съ 15 апрѣля 1881 г.); † 17 марта въ Симферополѣ.—Кромѣ перевода на китайскій языкъ книгъ Св. Писанія и Катихизиса, ему принадлежали слѣдующіе труды:

„Обѣты буддистовъ“ (*Труды членовъ Россійской дух. миссіи въ Пекинѣ*, Спб. 1852 г.).

„Письма изъ Пекина объ успѣхахъ православія въ Китаѣ“ („Прибавленія“ къ *Иркутскимъ епарх. Вѣдомостямъ* 1863 г., №№ 9, 11, 13, 17 и 19).

„Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Пекинской миссіи въ теченіе 1859—1862 годовъ“ (*Христіанское Чтеніе* 1864 г., кн. 4). Отрывки изъ этого „Отчета“ пе-

---

[1]) См. о немъ „Памятную Книжку Импер. С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института,“ Спб. 1887 г., стр. 87 и 110.

[2]) О немъ: „Исторія Петербургской Дух. Академіи,“ И. Чистовича, Спб. 1857 г., стр. 383—385.—Періодическія изданія 1882 года: *Всемірная Иллюстрація*, № 17, (съ портретомъ); *Московскія Вѣдомости*, №№ 79 и 82; *Московскія Церковныя Вѣдомости*, №№ 14 и 23; *Православное Обозрѣніе*, кн. 4, стр. 787—789; *Таврическія епарх. Вѣдомости*, №№ 8 и 10; *Церковный Вѣстникъ*, №№ 12—13.—„Словарь“ Брокгауза и „Источники словаря“ Венгерова (съ ошибками въ годѣ рожденія и мѣсяцѣ кончины).—„Очерки по исторіи города Саратова,“ Н. Хованскаго, Сарат. 1884 г., стр. 183—184.—*Русскій Архивъ* 1888 г., кн. 9, стр. 165—170.—„Автобіографическія записки“ архіепископа Тверского Саввы, т. V, стр. 677, 682—683.

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1915-го года.

Изданія годъ 53-ій.

Содержаніе вышедшихъ выпусковъ:

ЯНВАРЬ.—Письма **И. С. Аксакова** къ **Н. А. Елагину**; сообщ. **М. В. Бзеръ**—Къ исторіи Смоленска, автобіографія **І. Г. Тыртова**, со введеніемъ и примѣчаніями **Б. Модзалевскаго.**—Изъ собранія автографовъ **А. А. Милорадовичъ**: письма императора **Николая I**, императора **Александра II**, **Ѳ. М. Достоевскаго**, **И. А. Тургенева**, **А. Островскаго**, **И. Лажечникова**, **Н. Потѣхина**, **Н. Некрасова**, **Апухтина**, **Я. Полонскаго**, **гр. М. Ю. Віельгорскаго.**—Къ исторіи освобожденія русскихъ плѣнныхъ изъ Хивы; сообщ. **свящ. Н. Модестовъ.**—Переписка **кн. Д. И. Долгорукаго**—Къ двадцатипятилѣтію научно-литературной дѣятельности **Л. М. Савелова**; адресъ, поднесенный **Л. М. Савелову** чинами Моск. отд. архива Мин. Императорскаго двора.—Прусспфикація Германіи, ея исторіи, цѣли и слѣдствія, **Барона де Бая.**—Рескриптъ **Екатерины II** о сохраненіи персидскаго нейтралитета въ войнѣ съ Турціей 1769 года; сообщ. **П. Юдинъ**;—Нападеніе русскихъ шлюпокъ на турецкую эскадру, эпизодъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. Статья **В. Голубева.**—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго, историческое повѣствованіе о Кавказѣ.—Библіографическія замѣтки.

ФЕВРАЛЬ.—Всеподданнѣйшіе доклады **М. Сперанскаго** съ резолюціями императора **Александра I**; сообщ. **В. Крыжановскій.**—Къ исторіи Кракова, **С. Фарфоровскаго.**—Мелочи литературнаго прошлаго, замѣтки **Вл. Данилова** (Сатира на **П. П. Свиньина**; Нападки на **Н. А. Полевого**; **Теньеръ** въ русской литературѣ; Сюжетъ «Пропавшей грамоты» **Гоголя** во французской повѣсти).—Турки подъ стѣнами Астрахани въ 1569 году. Статья **П. Л. Юдина.**—Дѣло о сектѣ, называемой «христовщиной», коея послѣдователи оскопляютъ себя. Изъ архива Св. Синода, со введеніемъ и примѣчаніями **Н. Г. Высоцкаго.**—Историко-литературныя замѣтки. І. Первый клубъ въ Россіи. **М. Б.**—Два Имана или истребленіе Дома Аварскаго.—Переписка **кн. Д. И. Долгорукаго.**—Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, умершихъ въ 1882 году, **Д. Д. Языкова.**—Библіографическія замѣтки.

Продолжается подписка на 1915 годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ

выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками по 100 страницъ со многими иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обширнымъ отдѣломъ „Русскаго Библіофила“ явится отдѣлъ историко-литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неизданныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей. Наряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. **И. М. Долгорукова**, начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства графическаго, вмѣстѣ въ вопросами библіофиліи и коллекціонерства будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ журнала. Въ библіографическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги по исторіи, исторіи литературы и искусства и перечней вновь выходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться описанія частныхъ собраній и библіотекъ общихъ и спеціальныхъ.

РЕДАКЦІЕЙ ПРІОБРѢТЕНЪ И БУДЕТЪ ОПУБЛИКОВАНЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1915 Г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, извѣстной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семейныхъ альбомовъ и заключаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографахъ. Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографій многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библіофила“.

Подписная цѣна **8** р. **50** к. въ годъ съ пересылкой (за границу **35** фр.): безъ доставки **8** руб. При подпискѣ въ конторѣ и въ кн. маг. „Образованіе“ въ Москвѣ допускается разсрочка.

Редакція: Петроградъ, Литейный, 51.

Пріемъ подписки въ конторѣ журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.
Тип.—Сиріусъ—Тел. 583—67.

Редакторъ-Изд. Н. В. Соловьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ—ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПЕРВЫЕ №№ ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ РАЗОШЛИСЬ НѢСКОЛЬКИМИ ИЗДАНІЯМИ

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“.

Журналъ посвященъ свѣтской жизни нашихъ столицъ, спорту, охотѣ, коллекціонерству и, особенно, жизни русской усадьбы въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедѣльный роскошный журналъ совершенно новаго въ Россіи типа, по образцу англійскихъ. Красочные рисунки въ каждомъ №. Войнѣ отводится мѣсто въ предѣлахъ программы журнала.

Подписка на 1915 годъ: **въ Петроградѣ** 11 руб. 50 коп. **въ Россіи** 12 руб. 50 коп. **за-границей** 40 франк. **Отд. №**—85 коп. съ перес. **Пробный. №** высылается за 30 коп. почтов. марками.

Редакція—Каменн. остр. (прот. театра) соб. вилла. Тел. 145—25. **Контора**—Невскій д. Зингера, кв. 10, входъ съ Невскаго (на подъемной машинѣ въ 3 этажъ) Тел. 260—51.

Изъ № 1. ...Всѣ газеты ведутъ хронику несчастныхъ случаевъ, никто не пишетъ о счастливыхъ моментахъ жизни.

Жизнь полна плохого; печальнаго гораздо больше, чѣмъ веселаго, но есть же и хорошее, красивое—объ этой красивой жизни писать не принято.

У насъ печатаютъ портретъ интереснаго человѣка, его домъ, его изящныя вещи, пишутъ объ укладѣ его жизни только тогда, когда онъ умретъ, попадетъ въ крушеніе поѣзда или въ судебный процессъ! Еще такое право даетъ выступленіе въ общественныхъ дѣлахъ, но не всѣ же интересные люди работаютъ въ этой области, есть и другіе.

Заграничная печать—особенно въ странѣ самой совершенной культуры, въ Англіи—давно уже отступила отъ этого принципа. Въ англійскихъ газетахъ пишутъ не только некрологи, пишутъ также о радостномъ рожденіи, о помолвкахъ, балахъ, охотахъ и т. д.

Радостнаго такъ мало въ жизни, что его, казалось бы, надо подчеркивать, какъ можно больше говорить о немъ.

Недавнее русской усадьбы, съ ея своеобразной жизнью, уходитъ въ прошлое. Мѣняется быстро и жизнь города, многое становится лучше, а иного жаль... Сколько погибло произведеній искусства, вдохновенія человѣческой мысли, благородныхъ традицій, красивой старины въ тѣхъ старыхъ усадьбахъ, въ домахъ, даже въ отдѣльныхъ предметахъ, которые разрушены уже временемъ или самимъ человѣкомъ.

Красивая жизнь доступна не всѣмъ, но она все-таки существуетъ, она создаетъ тѣ особыя цѣнности, которыя станутъ когда-нибудь общимъ достояніемъ. Хотѣлось бы запечатлѣть эти черточки русской жизни въ прошломъ, рисовать постепенно картину того, что есть сейчасъ, что осталось, какъ видоизмѣняется, подчеркнуть красивое въ настоящемъ.

Эту задачу ставитъ себѣ редакція.

Всякая политика, партійность, классовая рознь будутъ абсолютно чужды журналу...

* * *

Изъ № 3. ...На-дняхъ два художника, по просьбѣ нашей редакціи, обошли петербургскіе музеи, чтобы подыскать русскія картины для воспроизведенія въ краскахъ въ «Столицѣ и Усадьбѣ». Имъ дана была руководящая идея—

«Красивыя краски и радостное настроеніе».

Они вернулись съ перечнемъ всего четырехъ, пяти картинъ, и тѣ не совсѣмъ удовлетворяютъ указанной мысли...

«Картинъ съ радостнымъ настроеніемъ въ музеяхъ нѣтъ!»

Стали перебирать въ умѣ и по каталогамъ сотни картинъ—радостнаго настроенія нѣтъ, нѣтъ темъ изъ области красивой жизни! Замороженная лошаденка, лапти, сумерки души, сумерки жизни, сумерки осенняго дня... Убійство, просто портреты и портреты въ обстановкѣ и группахъ, горы Кавказа, Черное море—но нигдѣ веселаго пикника, красиваго бала, залы театра въ спектакль-gala. Нѣтъ красивой жизни, нѣтъ танцевъ, нѣтъ веселаго поцѣлуя, нѣтъ даже влюбленной пары въ саду усадьбы, нѣтъ блестящаго раута или хотя бы, парфорсной охоты въ красныхъ фракахъ, что такъ красиво...

«Великій постригъ»—отреченіе отъ жизни; «Самосожигатели» Мясоѣдова—прекращеніе жизни; «Приговоренные» Маковскаго—печаль жизни; «Больная» В. Полѣнова—конецъ жизни; «Витязь на распутьѣ»—куда ни поѣдешь всюду каюкъ, и т. п.

Почему нѣтъ нигдѣ вѣры въ жизнь, въ красоту жизни, подчеркиванія этой красоты?

Точно наши художники родились въ туманное осеннее утро, выросли и жили въ сплошномъ отчаяніи, презрѣніи къ жизни, только среди лаптей, рваныхъ зипуновъ и небритыхъ физіономій; точно они никогда не видали радостной жизни, не чувствовали радости бытія?! Почему ихъ влечетъ только къ отрицательнымъ сторонамъ жизни?.-

...Отвѣты кругомъ: жизнь скверна, тяжела, уродлива...

Но нужно выискивать крупинки радостнаго, красиваго...

* * *

Изъ № 17. ...Наша громадная армія доблестно сражается за отечество и вся страна, съ твердой увѣренностію въ безопасности, въ побѣдѣ, спокойно живетъ, почти какъ и въ мирное время. Нѣтъ въ мірѣ той силы, которая могла бы выбить изъ колеи необъятную Русь...

Нашъ журналъ, по своей программѣ, по своему девизу «красивая жизнь», не долженъ, кажется намъ, ни въ чемъ отступать отъ прежняго содержанія. Мы можемъ дополнить его только иллюстраціями нѣкоторыхъ новыхъ, величественныхъ, красивыхъ-чертъ русской жизни, вдругъ проявившихся среди общаго подъема.

Война пройдетъ, за нею ждетъ Россію еще большее величіе, а въ теперешнія трудныя минуты всякій долженъ, кажется намъ, по мѣрѣ силъ спокойно дѣлать свое дѣло...

Редакторъ **ВЛ. КРЫМОВЪ.**

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1915 годъ.

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ РОССІИ.	10 р.	9 р. 50 к.	9 р. — к.	8 р. 50 к.	7 р. 50 к.	6 р. 50 к.	5 р. 50 к.	5 р.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. — к.	1 р. — к.
ЗА ГРАНИЦУ.	20 р.	19 р. — к.	17 р. 50 к.	16 р. — к.	14 р. 50 к.	13 р. — к.	11 р. 50 к.	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двунадесятыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 Мая и 2 руб. къ 1 Сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи (**МОСКВА**, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ **ПЕТРОГРАДѢ**—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ **ПАРИЖѢ**—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ *Московскихъ Вѣдомостей* въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Стоимость отдѣльныхъ №№ *Моск. Вѣд.* **5 коп.**

Редакторъ-издатель **Б. В. НАЗАРЕВСКІЙ.**

ГОЛОСЪ МОСКВЫ

Безпартійная прогрессивная газета.

До окончанія войны выходитъ ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ. Со 2-го декабря программа газеты расширена, составъ редакціи и сотрудниковъ обновленъ и увеличенъ. Газета объединяетъ всѣ прогрессивныя теченія русской жизни.

Освѣщая и разрабатывая всѣ животрепещущіе вопросы, интересующіе общество, «ГОЛОСЪ МОСКВЫ» ставитъ своей главной и первой задачей, чтобы ни одно выдающееся событіе въ мірѣ не прошло не отмѣченнымъ на страницахъ газеты. Во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ Россіи и за границей газета имѣетъ **собственныхъ корреспондентовъ** и обо всемъ интересномъ,гдѣ бы и что бы ни совершалось,сообщаетъ своимъ читателямъ раньше и подробнѣе всѣхъ. Особенное вниманіе обращается на то, чтобы въ погонѣ за сенсаціями читателямъ не сообщалось непровѣренные, вздорные слухи.

Исключительное вниманіе „ГОЛОСЪ МОСКВЫ" удѣляетъ событіямъ, происходящимъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Газетой командированы спеціальные корреспонденты въ дѣйствующую армію и во всѣ близлежащіе районы и въ завоеванныя земли.

Пробные номера газеты для ознакомленія высылаются БЕЗПЛАТНО по первому требованію.

Открыта подписка на 1915 годъ (9-й годъ изданія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 9 р., на 6 мѣс. 4 р. 75, к. на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 руб.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 3 р. и къ 1 іюля 3 р. и 2) для полугодовыхъ—при подпискѣ 3 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 75 к.

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА ВЪ РОССІИ: для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей, учительницъ, студентовъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, приказчиковъ и рабочихъ: въ годъ 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к. и на 1 мѣс. 75 к.

Допускается разсрочка: 1) для годовыхъ подписчиковъ—при подпискѣ 2 р. 50 к. къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 2 р. 2) для полугодовыхъ при подпискѣ 2 р. и къ 1 апрѣля 1 р. 50 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ «ГОЛОСЪ МОСКВЫ»—Москва, Филипповскій пер., 11; во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, конторахъ объявленій и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА

П. И. Бартеневъ. Пушкинъ въ Южной Россіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Москва, 1914. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Брюль-Сербинъ. Dr. Эрнестъ Мука. Опытъ изслѣдованія сербо-лужицкаго народа въ Саксоніи и Пруссіи. Съ портретомъ и автографомъ. Москва, 1914. Ц. 25 к.

Изданія РУССКАГО АРХИВА продаются въ Конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписчики Русскаго Архива, выписывающіе непосредственно изъ Конторы, пользуются скидкой 15 %.

ОБЩЕСТВО

„ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ РОССІИ".

Поставивъ себѣ задачей придти на помощь всѣмъ желающимъ работать на нивѣ экономическаго возрожденія нашей родины и желая объединить капиталъ, знаніе и трудъ въ цѣляхъ развитія самодѣятельности силъ страны, Общество съ 20 декабря сего года, приступаетъ къ изданію собственнаго журнала:

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ РОССІИ.

Журналъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

1. Правительственныя распоряженія и торговое законодательство.
2. Экономическій.
3. Торгово-промышленный.
4. Фабрично-заводскій.
5. Фотографическій.
6. Химическій.
7. Фармацевтическій.
8. Сельскохозяйственный.
9. Научный.
10. Биржа и рынки.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаться обзоры существующихъ и вновь возникающихъ отраслей отечественной промышленности, торговли, а также и обзоры природныхъ богатствъ Россіи. Особое вниманіе обращено на отдѣлъ справокъ и отвѣтовъ гг. членамъ Общества и подписчикамъ.

Въ журналѣ выразили согласіе принять участіе слѣдующія лица:

В. А. Анзиміровъ; проф. В. Р. Вильямсъ; проф. А. Э. Вормсъ; В. П. Горячкинъ; В. А. Герцикъ; А. А. Евдокимовъ; маг.-фарм. И. И. Кальвингъ; проф. Н. М. Кулагинъ; проф. В. Н. Липинъ; А. П. Мертваго; В. Я. Назимовъ; проф. К. Х. Озеровъ; А. М. Паршинъ; инж. И. Я. Перельманъ; проф. С. А. Федоровъ; проф. А. Ѳ. Фортунатовъ; И. Н. Холчевъ; проф. В. В. Челинцевъ; инж.-хим. А. Д. Штанге и другіе.

Редакторъ **В. В. Шипотовскій.** Изд. Общ. «Экономическое Возрожденіе Россіи».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 3 рубля, на полгода 1 р. 75 к.

ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА ПОЛУЧАЮТЪ ЖУРНАЛЪ БЕЗПЛАТНО.

Адресъ конторы и редакціи: МОСКВА, Тверская, Настасьинскій пер., 4.

Телефонъ редактора **1-02-36.** Секретаря редакціи **1-06-12.**

ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенная БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ 1914 года.

Доходъ отъ сей лотереи поступаетъ **въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій.**

Лотерейные билеты выпущены двумя выпусками по 10.000.000 р., всего на 20.000.000 р. Каждый выпускъ состоитъ изъ 2.000.000 билетовъ, раздѣленныхъ на 20.000 серій, по 100 билетовъ въ каждой серіи. Билетъ содержитъ пять отдѣльныхъ частей. Продажа совершается какъ цѣлыми билетами, такъ и отдѣльными частями. Билеты 1-го выпуска—свѣтло-зеленаго цвѣта, а 2-го—розоваго. Цѣна билета—5 р., а каждой части—1 р. Владѣлецъ билета, на который палъ выигрышъ, получаетъ всю сумму выигрыша, владѣлецъ же каждой отдѣльной части билета, на который палъ выигрышъ, одну пятую часть его.

Число выигрышей въ 1-мъ выпускѣ—**4334** на **1.500.000 р.** (билеты свѣтло-зеленаго цвѣта)

1	выигр. въ	**100.000 р.**
1	» »	**50.000** »
2	» »	**25.000** »
10	» »	**10.000** »
20	» »	**5.000** »
100	» »	**1.000** »
200	» »	**500** »
1000	» »	**300** »
3000	» »	**200** »

Число выигрышей во 2-мъ выпускѣ—**4334** на **1.500.000 р.** (билеты розоваго цвѣта).

1	выигр. въ	**100.000 р.**
1	» »	**50.000** »
2	» »	**25.000** »
10	» »	**10.000** »
20	» »	**5.000** »
100	» »	**1.000** »
200	» »	**500** »
1000	» »	**300** »
3000	» »	**200** »

Всего въ обоихъ выпускахъ **8.668** выигрышей на общую сумму **3.000.000 рублей.**

Розыгрышъ лотереи состоится во второй половинѣ **Марта мѣсяца 1915 года** въ Петроградѣ публично въ Совѣтѣ Государственнаго Банка въ присутствіи одного изъ членовъ Комитета и депутатовъ отъ Петроградскихъ: дворянства, губернскаго земскаго собранія и городского общественнаго управленія.

Выдача выигрышей будетъ производиться въ Петроградской Конторѣ Государственнаго Банка предъявителямъ билетовъ или частей ихъ, по опубликованіи таблицы выигрышей въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», не позднѣе 14 дней со дня предъявленія билета или отдѣльной части того билета, на который палъ выигрышъ.

Выигрыши не подлежатъ никакимъ налогамъ.

Продажа билетовъ производится:

а) въ **Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ;**
б) » **казначействахъ;**
в) » **Государственныхъ Сберегательныхъ кассахъ въ Петроградѣ и Москвѣ и при желѣзнодорожныхъ станціяхъ;**
г) » **учрежденіяхъ Почтово-Телеграфнаго вѣдомства, а также въ наиболѣе крупныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.**

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ

для любителей искусства и старины

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Въ девятомъ году изданія «Старые Годы» выходятъ по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

В. С. Арсеньевъ, Ѳ. Г Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi (Римъ,) L. Venturi (Венеція), В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Н. А. Габилевъ, Fierens Gevaert (Брюссель), В. Т. Георгіевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодскій), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey (Парижъ), Игорь Э. Грабарь, Loys Delteil (Парижъ), С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ: Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, П. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, (Парижъ), L. de Maeterlinck (Гентъ), П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій. А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont (Антверпенъ), Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. В. Ротштейнъ, D. Roche (Парижъ), А В. Селивановъ, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ П. Н. Столпянскій, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Ѳоминъ, В. Я. Чемберсъ, С. Р. Эрнстъ, П. Д. Эттингеръ, С. П. Яремичъ, А. И. Яцимирскій, и мн. др.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 15 руб., безъ доставки—14 руб., за границу—50 франковъ.

За перемѣну адреса подписки 50 коп.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—7 руб., 1 Апрѣля—4 руб., и 1 Іюля—4 руб.

Подписка принимается: въ Петроградѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, «Новаго Времени», Клочкова, Митюрникова, Лебедева и Карбасникова: въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, «Новаго Времени», Шибанова, «Образованіе» и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста: въ Петроградѣ—Морская, 38, и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: стр. 90 р., 1/2 стр.—55 р., 1/3 стр.—40 р 1/4 стр.—30 р., 1/8 стр.—20 р.

Комплектовъ журнала за 1907—1913 гг. не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель *П. П. Вейнеръ.*

Тобольскаго Церковнаго Листка. 1913 года. Стр. 6. Ц. не озн.

И. СИМОНОВЪ. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Отд. оттискъ изъ журн. „Педагогическій Сборникъ", №№ 11 и 12, 1913-го года. Спб. 1914. Стр. 2 (нен.)+59+1 (нен.). Ц. 35 коп.

Педагогическій Сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ, 1864—1914. Краткій историческій очеркъ. Составилъ **И. С. СИМОНОВЪ.** Пгр. 1914. Изд. Гл. упр. военно-уч. заведеній. Стр. 2 (нен.)+85+7 портретовъ Ц. не означена.

Библіологическій сборникъ. Томъ I, вып. 1. **Русскія библіографическія организаціи. Очерки ихъ возникновенія и дѣятельности.** Изданіе Русскаго библіологич. Общества. Пгр. 1915. Ц. 80 к.

Изящно изданная книжка даетъ краткія свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ библіографическихъ организаціяхъ, существующихъ въ Россіи—объ Русскомъ библіологическомъ Обществѣ, основанномъ въ 1899 г. въ Петроградѣ, объ Русскомъ библіографич. Обществѣ, основанномъ въ 1890 г. въ Москвѣ, объ Одесскомъ библіограф. Общ., осн. въ 1907 г., о „Бюро Международной библіографіи" и объ той изумительной „Библіографіи славяновѣдѣнія", о которой недавно (13 марта) говорило „Нов. Время". Изъ этихъ свѣдѣній видно, что всѣ эти организаціи далеки отъ процвѣтанія. Пользуемся случаемъ, чтобы обратить вниманіе гг. библіографовъ на необходимость составить указатель къ „Р. Вѣстнику" Каткова и Берга.

Памяти Петра Дмитріевича Паренсова. Пгр. 1915. Ц. 40 к.

Петрогр. Слав. Общество издало сборникъ рѣчей, посвященныхъ своему бывшему предсѣдателю. Генералъ Паренсовъ, участникъ русско-турецкой войны и сподвижникъ Скобелева, потомъ военный министръ только-что созданной Болгаріи, былъ хорошимъ администраторомъ, и недурнымъ авторомъ. Его воспоминанія объ войнѣ съ Турціей и о жизни въ только-что освобожденной Болгаріи, хорошо написанныя, важны какъ историческій источникъ высокой достовѣрности. Рѣчи принадлежатъ А. А. Башмакову, А. И. Соболевскому, бывш. болг. министру А. К. Людсканову и др.

Указатель именной и предметный къ труду А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, „Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синод. библіотеки". Составилъ **Е. М. ВИТОШИНСКІЙ.** Варш. 1915. Ц. 1 р.

Трудъ Горскаго и Невоструева, вышедшій въ 1855—69 гг. въ пяти книгахъ, не былъ оконченъ и потому не былъ снабженъ указателемъ. Г. Витошинскій рѣшилъ пополнить недостатокъ и составилъ настоящую книгу. Работа его отличается тщательностью, но издана слишкомъ крупнымъ шрифтомъ, малоудобно и малоэкономно. Но большое спасибо за нее автору.

В. З. ЗАВИТНЕВИЧЪ. Банкротство началъ германской культуры и идеалъ русской цивилизаціи. Кіевъ. 1915. Ц. 40 к.

Заглавіе книжки уже показываетъ отношеніе ученаго автора къ германской культурѣ. Самымъ блестящимъ выразителемъ нѣмецкой ученой тенденціозной прямолинейности и аморализма, по его мнѣнію, является новѣйшій философъ Фр. Ницше. Болѣе цѣннымъ кажется намъ то, что проф. Завитневичъ говоритъ о русскомъ идеалѣ, его объясненіе меланхоліи русской поэзіи, русской „мягкотѣлости", русскаго смиренія. Въ общемъ книжка вполнѣ заслуживаетъ вниманія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).

1915-й годъ.

(Годъ изданія 53-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1915 году, за **двѣнадцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей**. Цѣна отдѣльнаго выпуска—**1** р. **25** к.

Подписка въ Москвѣ въ Конторѣ Русскаго Архива на Арбатѣ, въ Денежномъ пер., въ домѣ № 3 (во дворѣ), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе должна быть отправл на немедленно по полученіи слѣдующаго за неполученнымъ выпуска, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса. Спустя три мѣсяца со дня разсылки книжки, Контора никакихъ жалобъ не принимаетъ.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 12 р. Отдѣльные №№ за 1913 и 1914 гг., по цѣнѣ 2 р.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ: передъ текстомъ, страница 100 р., $^1/_2$ стр. 50 р., $^1/_4$ стр. 25 р.; послѣ текста, страница 80 р., $^1/_2$ стр. 40 р., $^1/_4$ стр. 20 р. Лицамъ, печатающимъ объявленія многократно, Контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и Издатель **Петръ Бартеневъ** (младшій).